

Хантер С. Томпсон

Проклятие Гавайев

Не время христианскому здоровью теснить арийский тлен,
От злобы собственной, усмешек ариев не встать с колен.
Последним павшим уготована могильная плита
И эпитафия: "Восток, он – дело тонкое, балда!"
Р.Киплинг

* * *

Романтический Бог Лоно

В последнее время я немало написал о великом боге Лоно и его воплощении в капитане Куке. Сейчас, когда я в гостях у Лоно, на земле, которую топтали его устрашающие ноги в стародавние времена – если, конечно, аборигены не врут, хотя, мне кажется, вряд ли – я должен поведать о том, что он из себя представлял.

Идол, которому местные поклонялись являл собой тонкую, ничем не украшенную штукину высотой в 3 с половиной метра. Прозаичная история утверждает, что Лоно был наиболее почитаемым из богов на Гавайях – великий король, обожествленный за небывалые заслуги перед народом – та же мода награждения героев, что у нас, с той лишь разницей, что мы, несомненно, назначили бы его почтальоном, а не богом. В порыве гнева он прикончил свою жену, богиню по имени Кайкилани Алии. Угрызения совести сводили его с ума, и поверие вырисовывает необычайный спектакль. В главной роли – бог, бредущий по обочине. В гложущих терзаниях бродил он туда-сюда, боксируя и борясь с первым встречным. Естественно, это времяпрепровождение вскоре утратило свою новизну, поскольку когда столь могущественное божество вызывает на бой простого смертного, ясно, что последнему крышка. В силу вышесказанного он учредил игры вроде макаики и повелел, чтобы они проводились в его честь, а сам отбыл за море на треугольном плоту, заявив, что однажды вернется, и это было последним, что от него слышали. Больше его никто не видел; вероятно, его плот потонул. Но люди всегда ждали возвращения Лоно и имели серьезные основания принять капитана Кука за переродившегося бога.

Марк Твен, «Письма с Гавайев»

* * *

23 МАЯ 1980

Хантеру Томпсону

Вуди Крик, Колорадо

Дорогой Хантер!

Избегая многословности, мы бы хотели, чтобы вы осветили Марафон в Гонолулу. Мы покроем все расходы и обещаем превосходный гонорар. Пожалуйста, свяжитесь с нами.

Подумайте. Это хороший вариант отдохнуть.

Искренне Ваш,

Пол Перри, ответственный редактор журнала "Бег".

25 ОКТЯБРЯ 1980

Дорогой Ральф,

Кажется, старина, нам подвернулся настоящий лошара. Одна придурь из Орегона по имени Перри хочет отправить нас на месяц на Гавайи, на Рождественские праздники, и все, что от нас требуется – это осветить Марафон в Гонолулу для его журнала "Бег".

Ага, я знаю, о чем ты думаешь, Ральф. Ты вышагиваешь там по своему оперативному центру генштаба неудачников и размышляешь: "Почему я? И почему сейчас? Когда же меня начнут уважать?"

Что ж... Давай смотреть в лицо фактам, Ральф; любой достоин уважения, особенно в Англии. Но не всякому станут платить за то, что он понесется, как скотина, 42 километра в маниакально-торчковой гонке под названием Марафон в Гонолулу.

Мы УЖЕ бежим, Ральф, и я вполне уверен в победе. Разминка нам не повредит, но не слишком обременительная.

Главное будет рвануть на старте и развить убийственную скорость в первые 5 километров. Эти качки-нацисты весь год тренировались, чтобы совершить величайшее усилие в этом суперкубке марафонов. Устроители ожидают 10.000 участников, а дистанция – 42 километра; значит, все начнут неспеша... потому как пробежать 42 километра – это ад во всех смыслах, и любой профи стартует очень медленно, чтобы предельно аккуратно разогнаться в первые 32 км.

Но не мы, Ральф. Мы вылетим как из пушки, мы, люди-ракеты, переиначим всю природу гонки, устроив спринт на первых 5 километрах и покрыв их плечом к плечу от силы за 10 минут.

Такой темп вскроет им чердак, Ральф. Они бегут, а не в ралли участвуют – поэтому наша стратегия заключается в том, что мы будем чесать, как прошмандовки, первые 5 км. Я прикинул, что мы можем налопаться амфетаминов до состояния зомби, которое даст о себе знать, когда натикает около 9.55 – как раз на 5-километровом контрольном пункте... это выдвинет нас так далеко вперед остальных, что они и разглядеть-то нас не сумеют. Мы будем уже за холмом в гордом одиночестве, когда оборвем ленточку на бульваре Ала Моана, все еще на бегу плечом к плечу, на скорости, столь сумасшедшей, что не только судьи заподозрят неладное... а прочие участники останутся так далеко позади, что многие будут подгрести в слепой ярости или вконец сбитыми с панталыку.

Кроме того, я записал тебя в Мастера Доски, мировой турнир по серфингу на северном побережье Оаху 26 декабря.

Тебе надлежит поработать над скоростной балансировкой, Ральф. Ты полетишь на гребне разрушающейся волны на скорости до 80 или даже 120 км/ч, и чего-чего, а падать тебе точно ни к чему.

Меня с тобой на досочном сейшене не будет – мой адвокат всерьез возражает по поводу анализа мочи и других юридических последствий.

Зато я намерен поучаствовать в печально известных Открытых Мемориальных Петушиных Боях, по \$1000 за штуку по универсальной шкале – то есть, одна минута в клетке с петухом сулит \$1000... или пять минут с одним петухом – \$5000... а две минуты с пятью петухами – это целых \$10.000 и т. д.

Серьезный бизнес, Ральф. Гавайские петухи-рубаки способны уработать человека в лоскуты в считанные секунды. Пока что я тренируюсь дома на павлинах – шести 18-килограммовых птицах в клетке 2 на 2 и, кажется, уже обретаю необходимый навык.

Настал час наподдать им, Ральф. Даже если ради этого придется вернуться в строй и поиметь дело с людьми. Помимо прочего, мне нужен отдых – имею на то законное право – поэтому мне охота потусить, не заморачиваясь. И чует мое сердце, так оно и выйдет.

Спокойно, Ральф. Мы в бараний рог скрутим все их извилины одной моей. Я уже позаботился о жилье: два домика с 50-метровым бассейном у кромки моря на Алии-Драйв, в Конне, где всегда светит солнце.

ОК

ХСТ

Голубая рука

Мы минут сорок как взмыли над Сан-Франциско, когда экипаж, наконец, решил принять меры в связи с сортирной бедой. Дверь не отпиралась еще с момента взлета, и вот старшая стюардесса вызвала из кабины второго пилота. Он возник в проходе справа от меня, держа в руке диковинный черный инструмент, похожий не то на фонарик с лезвиями, не то на что-то вроде электрозубила. Он невозмутимо кивал, выслушивая, как стюардесса шепчет скороговоркой:

– Поговорить с ним я могу, – чеканила она, тыча длинным красным ногтем в надпись «занято» на закрытой двери, – но не вытащить оттуда.

Второй пилот задумчиво кивнул, упираясь спиной в толпу пассажиров, когда приспособливал принесенный воинственный инструмент.

– Имя у него есть? – спросил он стюардессу.

Та царапнула взглядом по списку пассажиров на своей дощечке с зажимом.

– Мистер Эккерман, – изрекла она, – адрес: Кайлуа-Кона, дом 99.

– Большой остров, – сказал второй пилот.

Стюардесса кивнула, все еще сверяясь со списком.

– Член Клуба Красной Ковровой Дорожки, – продолжала она, – путешествует часто, предыстории нет... сел в Сан-Франциско, билет в один конец до Гонолулу. Настоящий джентльмен. Никаких зацепок, – она не унималась, – ни брони в отеле, ни машин напрокат... – стюардесса пожала плечами, – очень вежливый, мягкий, раскованный...

– Ага, – сказал второй пилот, – знаем мы таких.

Он на секунду уставился на свой инструмент, а затем занес другую руку и строго постучал.

– Мистер Эккерман, – позвал он, – вы слышите меня?

Ответа не последовало, но я сидел достаточно близко к двери, чтобы слышать звуки движения внутри: сперва падение стульчака, потом спускаемая вода...

Я не был знаком с мистером Эккерманом, но порекомендовал ему пройти на борт в аэропорту. У него был вид человека, который когда-то боролся за золото в большом теннисе в Гонконге, а потом перешел на вещи посolidнее. Золотой ролекс, белая льняная охотничья куртка, цепь из Тай Бата на шее, тяжелый кожаный кейс с замком из цифр на каждой молнии... То не были приметы человека, который внезапно запрется в туалете сразу после взлета и просидит почти час.

Это многовато для любого полета. Такое поведение вызывает вопросы, которые, в конечном счете, нельзя проигнорировать – особенно посреди великолепия салона первого класса 747 Боинга при пятичасовом перелете на Гавайи. Людям, выкладывающим столько денег, не по вкусу простаивать в очереди, дабы воспользоваться единственным доступным санузлом, пока в другом творится явная чертовщина.

Я был одним из них... Мой контракт с "Юнайтед Эйрлайнз" предоставлял, как мне казалось, право как минимум пользоваться стоячим душем с замком на двери столько, сколько мне понадобится, чтобы вымыться. Я провел шесть часов, болтаясь по Комнате с Красной Ковровой Дорожкой в аэропорту Сан-Франциско, споря с кассирами, тяжело надираясь и отбиваясь от накатывающих волнами странных воспоминаний...

На полпути между Денвером и Сан-Франциско мы решили сменить самолет, пересев на 747 Боинг. ДиСи-10 – самое оно для коротких марш-бросков и снанья, но 747-ой куда пригодней для командировок на дальние дистанции – в нем есть купольная комната отдыха, нечто наподобие пассажирского вагона в голове самолета, с диванами, деревянными картонными столами и отдельным баром, добраться до которого можно только по чугунной винтовой лестнице из салона первого класса. Это подразумевало риск лишиться ручной клади и произвести мучительную вынужденную посадку в аэропорту Сан-Франциско... но мне нужно было помещение для работы, а еще – немного растянуться или даже развалиться.

План на ближайшую ночь заключался в том, чтобы ознакомиться с объектом моего исследования на Гавайях. К прочтению предлагались мемуары, памфлеты и даже книги. Я вез с собой Ричарда Хью – "Последнее путешествие Капитана Джеймса Кука", Судовой журнал Уильяма Эллиса и "Письма с Гавайев" Марка Твена – здоровые книги, а также длинные памфлеты: "Острова Гавайи", "История побережья Коны", "Пуухонуа или Хонаунау" и многое другое.

– Нельзя так запросто явиться сюда и наваять о марафоне, – заявил мой друг Джон Уилбур, – на

Гавайях гораздо больше всего, чем десять тысяч косоглазых, пробегающих мимо Пирл Харбор.

– Прекращай! – добавил он, – эти острова полны загадок, так что забудь про Дона Хо и прочий туристский мусор – здесь до черта того, чего большинство людей не догоняет.

Замечательно, подумал я – Уилбур мудр. Любой, кто готов променять "Вашингтон Редскинз" на дом у моря в Гонолулу должен был найти в жизни что-то, чего я не смог.

В самом деле. Коснись загадки. Давай. Все, что может материализоваться, вырвавшись из недр Тихого океана, стоит того, чтоб на это взглянуть.

После шести часов сплошных неудач и пьяного замешательства я, наконец, выбил два места на последний в тот день рейс до Гонолулу. Теперь мне нужно было где-то побриться, почистить зубы и, возможно, постоять попятиться в зеркало, как обычно гадая, кто же стоит по ту сторону.

Не существует ровным счетом никаких причин покупать билет на летающую посудину за десять миллионов долларов. Риск чересчур велик. Неа.

Это лишено смысла. Слишком многие ребята типа рано вышедших в отставку сержантов желали вызвать огонь на себя на подобных жестянках... слишком много психопатов и полоумных наркуш запирались в клозете, после чего закидывались колесами и пытались спустить самих себя по длинной голубой трубе.

Второй пилот врезал по двери кулаком.

– Мистер Эккерман! Вы в порядке?

Он колебался, потом позвал еще раз, уже гораздо громче.

– Мистер Эккерман! Говорит ваш капитан. Вам нехорошо?

– А? – услышался голос изнутри.

Стюардесса приникла вплотную к двери.

– Это скорая помощь, мистер Эккерман – мы можем достать вас оттуда за тридцать секунд, если понадобится.

Она победно улыбнулась Капитану Отвертке, а голос, тем временем ожил вновь.

– Я в норме. Выйду через минуту.

Второй пилот отступил и вытаращился на дверь. Шума внутри прибавилось – но, кроме звука бегущей воды, ничего.

К этому моменту уже весь пассажирский состав первого класса бил тревогу, констатируя кризис.

– Вытащите оттуда этого урода, – орал какой-то старик, – у него может быть бомба.

– О, Боже, – заверещала тетка, – у него там что-то есть!

Второй пилот вздрогнул, обернулся к пассажирам. Указал инструментом на старика, уже впадавшего в истерику.

– Ты! – рявнул он, – заткнись! Я разберусь.

Внезапно дверь открылась, и вышел мистер Эккерман. Он двинулся к проходу и улыбнулся стюардессе.

– Простите, что заставил ждать, – сказал он, – туалет свободен.

Он пятился по проходу, охотничья куртка небрежно свисала с руки, полностью ее не прикрывая. Со своего места я видел, что рука, которую он скрывал от стюардессы, была светло-голубой до самого плеча. От ее вида меня вмяло в сиденье. Мне нравился мистер Эккерман. Поначалу. У него был облик человека, который вполне мог разделять мои вкусы... но сейчас от него пахло неприятностями, и я был готов напирать ему по яйцам, как последнему ослу, за любую погрешность. Мое первое впечатление о нем к этому моменту испарилось. Это чувyrло заперлось в сортире так надолго, что одна из его рук поголубела. Он уже не был тем благостным, задрапированным тихоокеанским яхтсменом, что сел на борт в Сан-Франциско.

Большинство пассажиров, похоже, были счастливы, что проблема с санузлом разрешилась мирно: ни признаков оружия, ни динамита, намотанного на грудь, ни невразумительных выкрикиваний террористских слоганов или угроз перерезать всем глотки... Дед по-прежнему тихонько канючил, не глядя на Эккермана, пятившегося по проходу к своему месту. Больше никто не переживал. Тем не менее, второй пилот глазел на Эккермана с выражением полнейшего ужаса на лице. Эккерман все еще старался прятать руку под курткой. Никто, кроме меня, этого не заметил – или, заметив, не осознал, о чем это говорит.

В отличие от меня и вылупившейся стюардессы. Второй пилот одарил Эккермана последним

вялым взглядом, встрепенулся в явном отвращении, сложил свой десантный инструмент и сгинул. По пути к винтовой лестнице, ведущей наверх к кабине, он задержался в проходе возле меня и прошептал Эккерману:

– Ты, грязный ублюдок, не приведи тебе Бог еще раз попасться мне на рейсе.

Я видел, как Эккерман учтиво кивнул, после чего скользнул на свое место наискосок от меня. Я быстро встал и проследовал в ванную с бритвенными принадлежностями в руке – я тщательно заперся и первым делом аккуратно опустил сидение унитаза.

Есть лишь один способ окрасить руку в голубое на 747 Боинге на высоте 11.000 метров над океаном. Но истина столь невероятна, что даже большинство заядлых путешественников с этим не сталкивалось – и это, как правило, не то, о чем осведомленные станут трепаться.

Мощное дезинфицирующее средство, используемое большинством авиалиний для освежения воздуха в туалете – вещество, известное, как Дежерм, имеет ярко-голубой окрас. Впервые я увидел мужчину, выходящего из туалета в самолете с голубой рукой во время длинного перелета из Лондона в Заир, когда следовал на бой Али с Форманом. Корреспондент британских новостей из «Рейтер» ушел в ванную и каким-то макаром умудрился уронить единственный ключ от рейтерского телекса в Киншасе в алюминиевую дыру. Он вышел полчаса спустя, и до самого Заира весь ряд был в его полном распоряжении.

Уже натикало почти полночь, когда я вышел из туалета и вернулся на свое место, чтобы собрать материал для исследования. Верхнее освещение отключили, и пассажиры, в массе своей, спали. Пора было подняться в бар и взяться за работу. Предполагалось, что Марафон в Гонолулу составит лишь часть статьи. В остальном я планировал написать о самих Гавайях, о которых мне никогда не приходилось даже думать. У меня в сумке покоился литр бурбона, и я знал, что наверху полно льда, а сам бар пустует.

Но не в этот раз. Когда я поднялся на последнюю ступеньку, я увидел своего приятеля-путника, мистера Эккермана, мирно спящим на одном из диванов рядом с баром. Я разбудил его, проходя к столику в углу и, кажется, заметил вспышку в его томной улыбке – он меня узнал.

Я кивнул ему мимоходом, не сбавляя скорость.

– Надеюсь, вы нашли, что искали, – сказал я.

Эккерман посмотрел на меня.

– Ага, – ответил он, – разумеется.

Я находился в трех метрах от него, выкладывая материалы на большой карточный стол. Что бы он там ни искал, я не хотел об этом даже думать. У него свои проблемы, у меня свои. Я надеялся монополизировать это помещение на пару часов, побыть в одиночестве, но мистер Эккерман явно поселился здесь на ночь. Это помещение было единственным местом, где его присутствие не накликает беды. Я рассудил, что раз нам все равно придется побыть тут вместе, мы вполне можем и поладить.

В воздухе стоял сильный аромат дезинфицирующего средства. Все помещение пахло как подвал плохой больницы. Я врубил над собой все вентиляторы и рассеял бумаги по столу. Я силился вспомнить, страдал ли британский корреспондент от каких-либо ран или болей, но единственное, что мне удалось восстановить – это то, что на протяжении всего пребывания в Заире он носил рубашки с длинным рукавом. Ни похудания, ни яда в нервной системе. Все расплата выразилась в трех неделях на жаре в Конго, породивших жуткий грибок на руке. Когда я встретил его в Лондоне двумя месяцами позже, грабля по-прежнему была заметно голубой.

Я прошел к бару и захватил немного льда для напитка. На обратном пути я спросил Эккермана:

– Как рука?

– Голубая, – последовал ответ, – и зудит.

Я кивнул:

– Это мощная штука. Советую обратиться ко врачу по прибытии в Гонолулу.

Он опустил в кресле и взглянул на меня.

– А вы разве не доктор?

– Что-что?

Он заулыбался и прикурил сигарету.

– Так сказано на вашей багажной бирке, – сказал он, – там сказано, вы – доктор.

Я засмеялся и посмотрел на сумку. В самом деле, надпись на бирке Клуба Красной Ковровой Дорожки так и гласила: "Др. Х.С.Томпсон".

– Боже, – сказал я, – вы правы. Я – доктор.

Он пожал плечами.

– Ладно, – родил я, – давайте сведем эту срань с вашей руки.

Я встал и показал ему жестом следовать за мной в крохотную уборную "только для персонала" перед кабиной. Мы провели следующие 20 минут, скребя его руку пропитанными мылом бумажными салфетками, после чего я израсходовал на нее банку кольдкрема.

Мерзкая красная сыпь словно ядовитый плющ выступила по всей руке, тысячи грязных пупырышков... Я достал из сумки тюбик Десенекса, убивающий зуд. Но от синего пигмента избавиться не удалось.

– Как? – изумился он, – оно не смывается?

– Нет, – сказал я, – возможно, от пары недель в морской воде рука потускнеет. Почаще занимайся серфингом, околачивайся на пляже.

Он выглядел озадаченным.

– На пляже?

– Ага, – сказал я, – просто двигай туда и все дела. Забей на домыслы, говори, это такое родимое пятно.

Он кивнул.

– А это здорово, Док: "Какая еще синяя рука?" Так?

– Так, – подтвердил я, – ни перед кем не извиняйся, ничего не объясняй. Реагируй как будто так и надо и спокойно выцвечивай эту педерсию. Ты прославишься на Уайкики-Бич.

Он захохотал.

– Спасибо, Док. Может, и я когда тебе услугу окажу – что привело тебя на Гавайи?

– Бизнес, – ответил я, – освещаю Марафон в Гонолулу для медицинского журнала.

Он опять кивнул и сел, вытягивая свою голубую руку на диване, чтобы дать ей немного кислорода.

– Что ж, – изрек он, наконец, – как скажешь, Док, – он озорно оскалился, – медицинский журнал. А ведь это хорошо.

– А?

И вновь он кивнул в раздумьях, кладя ноги на стол. Затем обернулся и улыбнулся мне.

– Я вот все думал, как отвечу услугой на услугу, – сказал мой собеседник, – ты надолго на островах?

– Не в Гонолулу точно. Только до субботы после Марафона, а потом мы отправляемся в местечко под названием Кона.

– Кона?

– Ага, – сказал я, откидываясь на спинку и открывая одну из своих книг, труд 19 века под названием Судовой журнал Уильяма Эллиса.

Он брякнулся на подушки и прикрыл глаза.

– Это уютное местечко, – заявил он, – тебе понравится.

– Что ж, приятно слышать. Я уже заплатил за постой.

– Заплатил?

– Ага. Взял в аренду два домика на пляже.

Он поднял глаза.

– Ты заплатил вперед?

Я кивнул.

– Это был единственный способ хоть что-то заполучить. Все остальное забронировано.

– Что?!

Он дернулся в кресле и вперился в меня.

– Забронировано? Что, черт возьми, ты арендуешь – Кона-Вилладж?

Я помотал головой.

– Нет. Это что-то вроде поместья с двумя большими домами и бассейном, довольно далеко от города.

– Где? – спросил он.

Что-то не то прослеживалось в его тоне, но я старался это игнорировать. Что бы он ни собирался мне сказать, я чувствовал, мне не понравится услышанное.

– Для меня друзья нашли это место, – затараторил я, – оно прямо на пляже. Совершенно закрытое для посторонних. Нам предстоит хорошенько поработать.

Теперь он определенно выглядел встревоженным.

– У кого ты арендовал это место? – спросил Эккерман.

А потом ненароком назвал риэлтора, через которого я действительно арендовал жилье. Выражение моего лица, по-видимому, сигнализировало ему, что к чему, так как он постоянно менял тему.

– Зачем Кона? – спрашивал он, – охота порыбачить?

– Не особенно. Хочется выбраться на воду, понырять. У моего друга там лодка.

– О! И как его зовут?

– Парень из Гонолулу, – сказал я, – Джин Скиннер.

Он кивнул, а еще поддакнул:

– Ага. Конечно, знаю Джина – Голубой Хряк.

Он привстал с подушек и повернулся ко мне, уже не полусонный.

– Он – твой друг?

Кивнул и я, удивленный улыбкой на его лице. Подобные ухмылочки мне уже приходилось лицезреть, но на какой-то миг я не знал, к чему она относилась.

Эккерман все так же смотрел на меня, со странным блеском в глазах.

– Мы какое-то время не виделись, – заметил он, – он что, вернулся на Гавайи?

Ой, подумал я. Что-то тут не то. Теперь я расшифровал эту лыбу; мне доводилось наблюдать ее и на других лицах в других странах при упоминании имени Скиннера.

– Кто? – осведомился я, вставая, чтобы добыть еще льда.

– Скиннер.

– Вернулся откуда?

Мне не хотелось ввязываться в скиннеровские феоды. Похоже, Эккерман это понял.

– Еще кого-нибудь знаешь в Коне? – спросил он, – помимо Скиннера?

– Ага. Я знаю людей из индустрии виски. Знаю нескольких реальных риэлторов.

Он сосредоточенно закивал, пялясь на свои длинные голубые пальцы, как будто только что заметил нечто необычное. Я узнал профессиональную паузу человека, давно приученного слушать, как вертятся шестеренки в собственном черепе. Я почти уловил этот звук – высокоскоростное сканирование памяти очень персонального компьютера, который рано или поздно выдаст какую-то ссылку, канал связи или давно позабытую команду, запрошенную только что.

Эккерман вновь прикрыл глаза.

– Большой остров отличается от остальных, – произнес он, – особенно от бардака в Гонолулу. Это сродни путешествию в прошлое. Никто тебя не парит, полно места, чтоб развернуться. Это, пожалуй, единственный из островов, где люди имеют представление о древней Гавайской культуре.

– Изумительно, – заявил я, – мы прибудем туда на следующей неделе. Все, что нам нужно от Гонолулу – это Марафон, а потом мы на какое-то время заляжем в Коне и добьем статью общими усилиями.

– Правильно, – сказал он, – позвони мне, когда заселишься. Я смогу показать кое-какие места, где до сих пор не вывелось древнее колдовство.

Он улыбнулся своим размышлениям:

– Точно, мы сможем спуститься к югу, в Город-Заповедник, и провести какое-то время с призраком капитана Кука. Черт, мы сможем даже понырять, если погода позволит.

Я положил книгу и немного прошелся. Впервые кто-то расскажет мне что-то интересное о Гавайях – местные легенды, старые войны, миссионеры, странная и страшная судьба капитана Кука.

– Город-Заповедник представляется любопытным, – сказал я, – осталось не так много культур с могучим ореолом святости.

– Ага, – согласился Эккерман, – но сначала ты должен туда добраться, и сделать это быстрее, чем тот, кто будет тебя гнать.

* * *

Город-заповедник в Хонаунау

Двигаясь на юг, мы обнаружили внушительные размеры табу Паху (священную, огороженную

землю), прилегающее к беглецкой Киве. Наш гид сообщил, что это гавайские заповедники пухонуас, о которых мы немало слышали от начальства и не только. Таких мест на острове только два; одно мы сейчас изучали, а другое – в Вайпио, на северо-востоке острова, в районе Кохалы.

Эти заповедники предоставляли надежное убежище беглым преступникам, которым посчастливилось обрести свою территорию, когда они улупетывали от карающей десницы закона.

Заповедник имел несколько входов, какие-то у самого моря, какие-то – прямо у скал. Сюда тянулись убийцы, воры, а также те, кто нарушил табу или потерпел неудачу при исполнении жестких ритуальных требований. Они спасались от сурового преследования и обретали укрытие.

Какому бы племени ты ни принадлежал, откуда бы ни явился, ты имел безусловное право на вход, хотя погоня за тобой велась вплоть до ворот города.

По счастью, ворота эти были открыты всегда, и как только беглец проходил через них, он должен был предстать перед истуканом и как можно быстрее извергнуть семя, выражая, тем самым, свою признательность за предоставленную безопасность.

Жрецы, а равно и их единовверцы незамедлительно умерщвляли всякого, кто осмеливался преследовать или докучать тому, кто хоть единожды пересек черту табу Паху и, как они считали, находился с того момента под защитой духа Кивы, божества, покровительствующего этим местам.

Нам не удалось выяснить необходимую для этого продолжительность пребывания в заповеднике; но она составляла не более двух-трех дней. По истечении данного срока беглец либо идет служить к жрецам, либо возвращается домой.

Заповедник в Хонаунау просторен и способен вместить громадное количество людей. Во время войны сюда приводили женщин, детей и стариков из соседних районов, где они и пересиживали, пока мужчины сражались. Здесь они ожидали разрешения конфликта и оставались невредимы в случае поражения их племени.

Судовой журнал Уильяма Эллиса (ок. 1850)

* * *

Эккерман хихикнул:

– Это явно утка.

– Но если ты туда попал, ты был полностью защищен?

– Точно, – ответил он, – даже боги тебя пальцем тронуть не смели, если ты прошел через ворота.

– Волшебнo, – заметил я, – мне стоит подыскать подобное местечко.

– Ага. И мне. Потому-то я и живу там, где живу.

– Где?

Он улыбнулся.

– В погожий день с моего балкона открывается вид на Город-Заповедник. Он дарит мне ощущение комфорта.

Мне казалось, он не врет. Какой бы образ жизни Эккерман ни вел, у него явно должен был быть запасной вариант в загашнике. Найдется немного консультантов по инвестированию с Гавайев или откуда-то еще, которые могут уронить в толчок 747-го Боинга нечто, настолько важное, что сунут туда руку, дабы это вернуть.

Мы были одни под куполом, на высоте 11.000 метров над океаном, по меньшей мере, еще два часа. В Гонолулу мы прилетим где-нибудь на восходе. Глядя на Эккермана поверх моей книги, я видел, что он дремлет, при этом безостановочно почесывая руку. Глаза закрыты, а пальцы начеку. Его судорожные движения начинали действовать мне на нервы.

Стюардесса зашла нас проводить, но от вида эккермановской руки ее лицо завибрировало, и она быстро спустилась. У нас стояло ведро со льдом, полное дорогого пива, и богатейший выбор маленьких бутылок со спиртным, поэтому нам некуда было спешить. Оставалось лишь присматривать за Эккерманом.

Наконец, он вроде бы заснул. В помещении было темно, свет поступал только от слабых настольных ламп, и я откинулся на диване, чтобы обмозговать материал для исследования.

Помню, главное впечатление от прочитанного в те часы произвел тот факт, что летопись Гавайских островов не велась до последних двух столетий, когда первые миссионеры и моряки начали кон-

спектировать хронологию, слушая сказки аборигенов. Никто даже не знал, как образовались сами острова и еще меньше, откуда происходят их жители.

В серый полдень 16 января 1779 года капитан Джеймс Кук, величайший путешественник эпохи, привел два корабля своей Третьей Экспедиции по Тихому океану в узкую, обнесенную каменными рифами бухту Килакекуа на западном побережье доселе не нанесенного на карту острова, который местные называли «Оухихи», и вписал себя в историю, как первый белый, официально открывший Гавайи.

Внутри бухты окутывал туман, окруженный отвесной стеной 150-метровых скал. Она напоминала скорее мавзолей, чем гавань, и – несмотря на плачевное состояние своих кораблей и команд после десяти дней убийственных муссонов – Кук изъявил желание пристать. Правда, выбора у него не было: команда грозила бунтом, свирепствовала цинга, судна разваливались под ногами, а боевой дух всей команды вылетел в трубу после шести месяцев в Арктике... Они следовали на юг с Аляски в состоянии неподдельной истерии, и один только вид суши помутил их рассудок.

И Кук привел их туда. Бухта Килакекуа оказалось не той безобидной якорной стоянкой, о которой он мечтал, но единственной доступной. Здесь капитан и переживет последнюю бурю на своем пути.

* * *

Рано утром 16 января 1779 года Кук сказал своему шкиперу:

– Мистер Блай, будьте так добры спустить хорошо вооруженную шлюпку, отдать необходимые приказания и изучить обстановку.

Они оба различали то, что Кук назвал "призраком бухты".

– Выглядит многообещающе, сэр, и индейцы вроде бы дружелюбны, – сказал Блай.

Кук высказался жестко.

– Вне зависимости от настроения индейцев, если это безопасная стоянка, я распоряжусь бросить здесь якорь. Нам жизненно необходимо восстановиться.

В шлюпке, спущенной с «Дискавери», Блай в сопровождении Эдгара и других погребли, держа курс на северо-восток, на глубокий вырез в скалах, по пути встречая целые армады каноэ всех размеров. Каноэ торопились к кораблям, удваивая скорость, размахивая веслами и распевая.

Когда Блай пришвартовался, он был как никогда уверен, что перед ним самая безопасная стоянка. Она казалась защищенной со всех сторон, за исключением юго-запада, но, по последним его наблюдениям, шторм с этой стороны не предвиделся. Главной чертой бухты была скала, срезающая черную вулканическую глыбу под острым углом. Она вклинилась в бухту с расстояния 120 метров с восточной оконечности и тянулась на 1,5 километра к западу, где плавно вырастала мысом. Эта скала, этот непреодолимый далекий рубеж, казалось, впадал прямо в море, но когда день сносился, и начался отлив, Блай зафиксировал узенький пляж – черные камни с галькой. Как им предстояло выяснить, название бухты Килакекуа (Каракакоа, как именовал ее Кук) означает "Тропа богов", выходящую в море этим огромным желобом.

Ричард Хью «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

* * *

Я все еще продолжал читать, когда явилась стюардесса с вестью о том, что мы приземляемся через тридцать минут.

– Вам придется занять ваши постоянные места, – сказала она, не глядя на Эккермана, который, похоже, еще спал.

Я стал собирать барахло. Небо снаружи иллюминаторов озарялось светом. Когда я проносил сумку через проход, Эккерман проснулся и прикурил.

– Скажи им, я не нашел в себе сил, – заявил он, – думаю, я смогу приземлиться, находясь и здесь.

Он усмехнулся и застегнул ремень безопасности, который выдернул из глубин дивана.

– Они не станут по мне скучать, – добавил он, – увидимся в Конне.

– Ладно, – сказал я, – а в Гонолулу ты не задержишься?

Он покачал головой.

– До банка еще долго, – ответил Эккерман, сверившись с часами, – откроется в девять. Мне нужно быть дома к обеду.

– Удачи, – сказал я, – береги руку.

Он улыбнулся и полез в карман куртки.

– Спасибо, Док, – сказал он, – тут кое-что для тебя. Путь может оказаться долгим.

Он положил мне в руку склянку и указал на уборную.

– Лучше сделай это прямо здесь, – продолжал он, – тебе ведь незачем приземляться с чем-то незаконным на руках.

Я согласился и быстро прошел в туалет. Выйдя, я вернул ему склянку и сказал:

– Чудесно. Мне уже похорошело.

– Вот и славно, – ответил он, – мне кажется, это вся помощь, которая тебе может здесь понадобиться.

Дебильные приключения

Мой друг Джин Скиннер встретил нас в аэропорту Гонолулу, припарковав свой черный понтиак «ГТО» с откидным верхом на пешеходной дорожке возле багажной карусели и отражая возмущение публики безумными взмахами рук и дерганой моторикой человека с серьезными намерениями. Он топал взад-вперед перед машиной, потягивая пиво из коричневой бутылки и напрочь игнорируя азиатку в форме контролера стоянки, которая из кожи вон лезла, чтобы привлечь его внимание, пока он бегал глазами по залу выдачи багажа.

Я увидел его еще с верхушки эскалатора и сразу осознал, что нам придется забирать вещи в спешке. Скиннер слишком привык работать в боевых условиях, чтобы узреть что-то зазорное в том, чтобы въехать по пешеходной дорожке в эпицентр злующей толпы с целью захватить то, за чем он сюда прибыл... в данном случае, меня. Потому я и спешил к нему с карнегианской улыбочкой на лице.

– Не переживай, – увещевал он контролершу, – через минуту меня здесь не будет.

Кажется, многие ему поверили, или, по крайней мере, очень хотели. В Скиннере все говорило о том, что его лучше не провоцировать. На нем была белая льняная куртка с как минимум тринадцатью сделанными на заказ карманами по принципу "все свое ношу с собой" – от фосфорной гранаты до водонепроницаемой ручки. Голубые шелковые слаксы беспардонно измяты. Носков на командоре не было, лишь дешевые резиновые сандалии, которыми он шлепал по плитке. Он был на голову выше любого в аэропорту, глаза спрятаны за иссиня-черными солнцезащитными очками из сайгонского стекла. Тяжеленная, составленная из прямоугольных звеньев тайбатская цепь на шее могла быть куплена только в ювелирном магазине в одной из темных подворотен Бангкока. На запястье болтался золотой ролекс с ремешком из нержавеющей стали. Сам факт его нахождения в толпе туристов с материка, едва сошедших с рейса "Сан-Франциско – Алоха", был неуместен. Скиннер отнюдь не проводил тут каникулы.

Он протянул мне руку.

– Здравствуй, Док, – поприветствовал он со странной улыбкой, – я думал, ты с этим делом завязал.

– Так и есть, – сказал я, – но стало скучно.

– И мне, – признался Скиннер, – я уже выезжал из города, когда мне позвонили. Кто-то из марафонского комитета. Им потребовался официальный фотограф с окладом в штуку в день.

Он кинул взор на связку новеньких никонов на переднем сиденье авто.

– Я не смог их послать. Это шальные деньги.

– Боже, – сказал я, – ты, никак, в фотографии заделался?

На секунду он устался в пол, а потом медленно повернулся ко мне, вращая зрачками и обнажая солнцу зубы.

– На дворе восьмидесятые, Док. Я тот, кем приходится быть.

Скиннер не чурался денег. И, тем паче, лукавства ради них. Когда мы познакомились в Сайгоне, он работал на ЦРУ, летая на вертолете "Эйр Америка" и заколачивая, как поговаривали его знакомые, \$20.000 с гаком в неделю на опиуме.

Мы всегда избегали темы денег, а он, к тому же, вегетативно не переносил журналистов, но

вскоре мы подружились, и я провел последние недели войны, куря с ним опиум на полу его номера в "Континенталь Паласе". Мистер Хи приносил трубку ежедневно в районе трех – даже в тот день, когда в его дом в Чолоне попала ракета – а мы безмолвно лежали в ожидании магического дыма.

Одно из моих наиболее четких воспоминаний о Сайгоне – растянувшись на полу и приложив щеку к прохладному белому кафелю, я слушаю призрачный, сопранный лепет мистера Хи, который скользит по комнате с длинной черной трубкой и лабораторной газовой горелкой, беспрестанно и сосредоточенно что-то завывая на неведомом нам языке.

– Для кого ты сейчас пишешь? – спросил Скиннер.

– Освещаю гонку для медицинского журнала.

– Замечательно, – пробурчал он, – мы сможем использовать хорошие медицинские связи. Какие наркотики у тебя с собой?

– Никаких, – ответил я, – совсем никаких.

Он пожал плечами, потом взглянул на пришедшую в движение карусель и посыпавшиеся со спускового желоба сумки.

– Как скажешь, Док, – сказал Скиннер, – давай-ка загрузим твои вещички в машину и свинтим отсюда, пока меня не сграбастали за особо тяжкое преступление. Я не в том настроении, чтобы с кем-то лаяться.

Толпа зверела, а восточная полисменша выписывала квитанцию. Я выхватил пиво из руки Скиннера, сделал продолжительный глоток и швырнул свою кожаную сумку на заднее сиденье. Вслед за этим я представил Скиннера моей невесте.

– Ты, видимо, сбрендил, – сказала она, – парковаться на пешеходной дорожке!

– Мне за это платят, – парировал он, – если бы я был в своем уме, нам пришлось бы переть твой багаж вплоть до стоянки.

Пока он загружал сумки, она не сводила с него глаз.

– А ну отвали! – гаркнул Скиннер мальчишке, который вертелся возле машины, – хочешь, чтоб прибили?

На этом этапе активность толпы снизилась до нуля. Чтобы мы там ни вытворяли, умирать никому не улыбалось. Мальчишка исчез, когда я скатил чемодан с карусели и перебросил Скиннеру, который едва успел поймать его, прежде чем тот грохнулся, и аккуратно уложил на заднее сиденье.

Контролерша строчила новую квитанцию, уже третью за десять минут. Она явно теряла терпение.

– Даю вам шестьдесят секунд, – кричала она, – потом придет эвакуатор.

Скиннер ласково похлопал ее по плечу, забрался в машину и завел двигатель, который откликнулся резким металлическим ревом.

– Вы слишком симпатичны для этой галимой работы, – сказал он, вручая ей визитку, которую взял с приборной панели.

– Позвоните мне в офис, – добавил он, – вам нужно позировать обнаженной для открыток.

– Что?! – проорала она, когда Скиннер давал задний ход.

Толпа молча рассеивалась, крайне недовольная тем, что нам удалось спастись.

– Вызовите полицию! – крикнул кто-то.

Контролерша верещала по рации, а мы присоединились к потоку машин, оставляя за собой скрежет движка.

Скиннер извлек еще одну бутылку пива из маленькой морозильной камеры на полу около сиденья, потом немного подержал руль коленями, пока чесал макушку и прикуривал сигарету.

– Куда, Док? – спросил он, – в "Кахала Хилтон"?

– Угадал. Далеко это?

– Далеко, – ответил он, – придется сделать остановку, чтоб зацепить еще пива.

Я откинулся на горячую кожу сиденья и закрыл глаза. По радио звучала странная песня про "хула хула бойз" на манер Уоррена Зевона:

...Хайна йа май ана ка пуана

Хайна йа май ана ка пуана...

Я видел, как уходит с пикника

Она с одним парковщиком

И жирным из бассейна, чья рука

Ее ладонь держала...

Скиннер ударил по газам, и мы помчались колбаской, в 15 сантиметрах уйдя от столкновения с неповоротливым грузовиком с ананасами и прорываясь через свору бродячих собак, перебежавших шоссе. Мы задели гравий подвеской, и задняя часть заходила ходуном, но Скиннер вырулил. Собаки простояли на своем недолго и в панике бросились врассыпную, когда он высунулся и на ходу треснул одну из них по голове бутылкой пива. Тут понтиак атаковал большой желтый зверь с тощими боками, длинной тяжелой челюстью дворняги в десятом поколении и тупостью отморозка, который всю жизнь на кого-то прыгает и привык к тому, что оппонент пасует. Он летел прямо под левое переднее колесо, пронзительно лая, и его глаза внезапно округлились, когда он понял – поздно, Скиннер не свернет.

Пес вцепился всеми четырьмя лапами в горячий асфальт, но слишком разогнался до этого, чтобы успеть остановиться. Машина выжимала около восьмидесяти на первой передаче. Скиннер не убрал ногу с газа и завертел бутылкой как клюшкой для игры в поло. Я услышал приглушенный удар, а потом – страшный визгливый хрип, когда зверь свалился на шоссе напрямик под колеса ананасового грузовика, который его и размазал.

– Опасно, – сказал Скиннер, выбрасывая розочку от бутылки, – невероятно злобные. Легко прыгнуть в машину на светофоре. Это одна из проблем езды с открытым верхом.

Невеста рыдала в истерике, а искаженная мелодия все еще неслась из радио:

Я слышал укулеле, бренчащие у моря.

Она сбежала с хула-хулами, забыв меня, о горе!

Хайна йа май ана ка пуана

Хайна йа май ана ка пуана...

Когда мы приблизились к центру Гонолулу, Скиннер сбавил обороты.

– Так, Док, – сказал он, – пора бы вырубить наркоты. Я нервничаю.

Да неужели, подумал я. Ты, упырь-убийца.

– У Ральфа есть, – буркнул я, – он ждет нас в отеле. У него целый флакон из-под альказельцера с этим добром.

Он убрал ногу с тормоза и дал по газам, когда мы проезжали под большим зеленым знаком "Вайкики-Бич 1 1/2". Знакомая ухмылка на его лице. Легкомысленная, шизанутая ухмылка торчка, готовая порвать кожу на щеках. Сколько раз я ее наблюдал...

– Ральф – параноик, – сказал я, – с ним надо поосторожнее.

– За меня не беспокойся, – ответил Скиннер, – я отлично лажу с англичанами.

Мы были в центре Гонолулу, курсируя вдоль береговой линии. Улицы запрудили бегуны трусцой, отлаживающие свой шаг перед большой гонкой. Транспортные средства они игнорировали, что бесило Скиннера.

– Эта беготня – беспредел какой-то, – проговорил он, – участвует каждый либерал-богачей с Запада. Они бегут по шестнадцать километров в день. Это чертова секта.

– А ты бегаешь? – спросил я.

Он засмеялся.

– Еще бы, блин. Но не с пустыми же руками. Мы – преступники, Док. Мы не ровня этим людям, и, думаю, перевоспитываться поздно.

– Но мы – профессионалы, – возразил я, – и мы здесь, чтобы осветить гонку.

– Да ебал я эту гонку. Мы осветим ее, сидя в палисаднике у Уилбура – нажираясь и по-крупному играя на футбольном тотализаторе.

Джон Уилбур, экс-нападающий в "Вашингтон Редскинз", которые ездили на Суперкубок в 1973, был другим моим закадыкой, и он, в конце концов, образумился настолько, что легко мог сойти за уважаемого бизнесмена из Гонолулу. Его дом на Кахала-Драйв с высокой арендной платой стоял на маршруте гонки, километрах в трех от финишной черты... Это идеальный штаб для нашего репортажа, объяснил Скиннер. Мы заценим старт в центре, затем рванем к Уилбору смотреть игры и покрывать сквернословием участников марафона, пробегающих мимо дома, а ближе к финишу опять прощенимся в центр.

– Хороший план, – согласился я, – кажется, что-то подобное со мной уже происходило.

– Не совсем, – сказал он, – ты в жизни не увидишь ничего скучнее этих идиотских марафонов... хороший способ рехнуться.

– Я лишь имею в виду, – вставил я, – что участвую в этой чертовой гонке.

Он покачал головой:

– Забудь. Уилбур хотел развести Розу Руиз несколько лет назад, когда еще был ого-го – он прыгнул в эту гонку на полмили впереди всех на отметке "38 км" и погреб, как проклятый, к финишной прямой, развивая, как ему казалось, скорость звука... – он засмеялся, – это было ужасно: девятнадцать человек обогнали его за три километра. Он пришел ословевший от рвоты и вынужден был буквально ползти последние метры, – он опять заржал, – эти люди быстры, чувак. Они бежали прямо по нему.

– Что ж, – сказал я, – довольно об этом. Я в любом случае не хотел участвовать в этой хреновине. Это идея Уилбура.

– Выходит, тебе нужно поаккуратнее здесь себя вести. Даже лучший друг тебя обманывает. Он и сам в беде.

Ральф сидел, сгорбившись над барной стойкой в "Ресторации Хо-Хо", проклиная дождь, серфинг, жару и все прочее, что предлагал Гонолулу. Он только пришел с пляжа, куда ходил за острыми ощущениями от подводного плавания, о котором рассказывал Уилбур. Прежде, чем Ральф успел нырнуть, его подбросила волна и беспощадно шваркнула о коралловый риф, пропоров дыру в спине и раздробив позвоночный диск. Скиннер пытался подбодрить его парой присущих ему ужасных историй, но Ральфу было не до того. Его настроение было ни к черту и лишь ухудшилось, когда Скиннер потребовал кокаина.

– О чем ты говоришь? – завопил Ральф.

– Я про номер первый, чувак, – сказал Скиннер, – кокос, порошок, белая смерть... я без понятия, как вы, англикашки, его называете...

– Ты про наркотики? – наконец спросил Ральф.

– РАЗУМЕЕТСЯ, Я ПРО НАРКОТИКИ! – заорал Скиннер, – думаешь, я сюда об искусстве трепаться пришел?

Этого было достаточно. Ральф испуганно ухромал, и даже бармен слегка припух.

Шило в заднице

Мы обосновались в баре и наблюдали, как дождь хлещет пальмы на пляже. В "Ресторацию Хо-Хо" вели три входа, и каждые несколько минут шквал дождя приносился к нам с моря.

Мы были единственными посетителями. Бармен-самоанец молчаливо смешивал для нас маргариты, не снимая с лица прилипшую улыбку. Слева, на камне в бассейне торжественно стояла пара пингвинов, следя за тем, как мы пьем. Их карий немигающий взгляд выражал не меньший интерес, чем взгляд бармена.

Скиннер кинул им ломтик сашими, который тот, что был повыше, перехватил в воздухе и тотчас сожрал, сметая птицу поменьше со своего пути щелчком короткого черного крыла.

– Странные эти птицы, – изрек Скиннер, – я веду с ними своего рода диалоги.

Он немного подулся после того, как Ральф обломал его в намерении утонуть в чистейшем лондоском кайфе до конца дня, но в итоге принял это как еще одну ослепительную вспышку габаритов в лицо со встречной полосы.

После трех-четырех коктейлей в его голос вернулась фатоватость, и он уже смотрел на пингвинов ленивым взглядом человека, который не станет подолгу скучать.

– Это муж и жена, – сказал он, – мужик – тот, что покрупнее, и он бы с легкостью торговал ее задницей, взамен получая рыбы хвосты. – Скиннер повернулся ко мне. – Как считаешь, Ральф охоч до пингвинов?

Я вперился в птицу.

– Не суть, – продолжил Скиннер, – он все равно бы ее доконал.

– Британцы ебут все подряд, – развивал он мысль, – такие уж они извращенцы.

Бармен стоял к нам спиной, но я не сомневался, что он слушает. Застывшая улыбка все больше отдавала гримасой. Частенько ли ему доводилось преспокойно стоять за стойкой спиной к уважаемому виду граждан, внимая, как они рассуждают об изнасиловании гостиничных пингвинов?

В первый день декабря [1778]... он осознал, что перед ним предстал величайший из всех открытых им островов: тот, что туземцы называли, а Кук записал, как «Оухихи». К утру они приблизились к живописному берегу из массивных скал, хребту, выпяченному в мыс, белесым полосам громадных водопадов, обрушившимся на белый прибой, и многочисленным рекам, бегущим из глубоких долин. В них располагались лощины с шумящими потоками, пейзажи, в которых бесплодие мешалось с плодородностью, рябые пейзажи, медленно вырастающие в вершины с ледяными шапками. Снег в тропиках! Новое открытие, новый парадокс. Здесь, казалось, лежала еще одна плодородная земля, куда крупнее Таити по площади. В подзорную трубу было видно, как тысячи туземцев покидают жилища и рабочие места, устремляясь напрямик к верхушкам скал, чтобы пристально рассмотреть пришельцев и махать белыми лентами одежд, словно приветствуя нового мессию.

Ричард Хью «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

* * *

– Сколько еще будет продолжаться этот чертов дождь? – спросил я.

Скиннер посмотрел на пляж.

– Одному Богу известно, – ответил он, – это как раз то, что они называют погодой в Конне. Ветры бушуют и пригоняют циклоны с юга. Иногда это длится по девять дней.

По барабану. По крайней мере, я был вдали от сугробов на моем крыльце в Колорадо. Мы заказали еще по маргарите и стали непринужденно болтать. Пока Скиннер рассказывал про Гавайи, я одним глазом косился на бармена.

Люди становятся дерганными, когда погода в Конне портится. После девяти-десяти дней сплошного шторма и отсутствия солнца тебе вполне могут отбить селезенку на любой улице Гонолулу за одно то, что посигналил самоанцу. Их диаспора на Гавайях огромна и неуклонно растет. Они крупны, опасны, их нрав неукротим, а сердца переполнены ненавистью к звукам клаксона, вне зависимости от того, кто на него давит.

Белых на Гавайях называют чужаками, и насилие на расовой почве – стандартная тема утренних газет и вечерних теленовостей.

Истории вызывают ужас, и некоторые из них, вероятно, достоверны. Наиболее популярная – про "Целую семью из Сан-Франциско" – адвоката, его жену и троих детей, изнасилованных ватагой корейцев в ходе променада по пляжу на закате настолько близко к «Хилтону», что люди, потягивавшие ананасовые дайкири на веранде отеля, слышали их крики еще долго после наступления темноты, но списывали их на пронзительные вопли голодных чаек.

– Даже близко к пляжу не подходи, когда стемнеет, – предупредил Скиннер, – только если ОЧЕНЬ заскучаешь.

Корейское сообщество в Гонолулу еще не готово устроить плавильный котел. Они запуганы госторбайтерами, презираемы японцами и китайцами, их высмеивают гавайцы. Кроме того, периодически на них из спортивного интереса открывают сезон охоты банды пьяных самоанцев, считая хищниками, как портовых крыс и бродячих собак.

– И держись подальше от корейских баров, – добавил Скиннер, – там дегенеративный сброд – жестокий и кровожадный. Они подлее крыс, куда здоровее большинства собак и выбьют дух из всего, что передвигается на двух ногах, кроме, разве что, самоанца.

Я бросил быстрый взгляд на бармена, перемещая вес на табурете и ставя обе ноги на пол. Но тот пересчитывал кассу, явно глухой к скиннеровским бредням. Какого хрена, подумал я. Он сможет сцапать только одного из нас. Я взял свою зиппо с барной стойки и небрежно застегнул на ней футляр.

– Мой дедушка был корейцем, – признался я, – где бы мы могли пообщаться с ними?

– Что? – спросил Скиннер, – ПООБЩАТЬСЯ?

– Будь спок, – сказал я, – они меня признают.

– Да ебал я их – это нелюди. Мне стукнет не одна сотня лет, когда мир сможет хотя бы предположить, чтобы кто-то человекообразный якшался с корейцем.

Меня начинало мутить, но я промолчал. Бармен все еще был погружен в финансовые операции.

– Ладно, забей, – сказал Скиннер, – дай я поведаю тебе историю о негре. Корейцы покажутся детским лепетом.

– Я слышал эту историю. О девочке, которую сбросили со скалы.

– Точно. Это всех до усрачки перепугало.

Он понизил голос и придвинулся ко мне.

– Я ее хорошо знал. Она была прекрасна, старшая стюардесса в "Пан Американ".

Я кивнул.

– Вообще без причины, – продолжал он, – она стояла на краю со своим парнем – там, на вершине, куда туристов водят – как ни с того ни с сего этот чокнутый ниггер подбегает к ней сзади и толкает со всей дури. Бац! И она пикирует с высоты триста метров прямо на пляж, – он угрюмо кивнул, – она срекошетила два-три раза о камни водопада по пути вниз и скрылась из виду. Больше ее никто не видел, даже следа от нее не нашли.

– Почему? – удивился я.

– Как знать, – ответил Скиннер. – А его они даже не судили. Просто объявили безнадежно немняемым.

– Ага, это я помню – черный друг в наушниках, так? За несколько недель до этого он еще угодил за решетку за то, что пытался нагишом участвовать в Марафоне.

– Угу. Самый быстрый ниггер-чиканашка в мире. Он одолел половину маршрута голышом, прежде чем его, наконец, спеленали. Скоростной ублюдок, – Скиннер почти улыбался, – понадобилось десять копов на мотоциклах, чтобы догнать его и набросить сеть. Он мог бы стать олимпийским чемпионом, если б не съехал с катушек.

– Хуйня, – отрезал я, – этому нет оправдания. Таких уродов надо кастрировать.

– В точку попал, – сказал он, – и такое случалось.

– Что?!

– Самоанцы. Пробка на шоссе... Боже, ты не слышал эту историю?

Я помотал головой.

– Так вот. Это восхитительная история о том, как безо всяких на то оснований сбываются самые жуткие кошмары.

– Хорошо, – согласился я, – давай послушаем. Люблю такие байки. Они разжигают во мне потаенные страхи.

– И не зря, – подтвердил он, – расплата за паранойю.

– Так что там с самоанцами?

– Самоанцами? – Он на секунду уставился на свой напиток, а потом поднял взгляд. – Все шестеро вышли на свободу. Никто не пожелал свидетельствовать против них... Какой-то мулланистый бедолага попался им в той жаркой воскресной полдневной пробке на магистрали Пали. Пикап был набит пьяными самоанцами. Машина чувака уже накалилась докрасна, но он был бессилён – некуда деваться, некуда поставить машину и смыться. Самоанцы дали волю эмоциям, выбивая фары и мочась на капот, но он продержался почти два часа – с защелкнутыми дверьми и закрытыми окнами – пока, наконец, не шлепнулся в обморок от теплового удара на руль, от чего машина, естественно, загудела...

– Самоанцы спятили окончательно, – продолжал Скиннер. – Они набросились на ветровое стекло с монтажными лопатками для шин, выволокли парня наружу и кастрировали. Пятеро держали его на капоте, а шестой оттяпал ему яйца – прямо посреди магистрали Пали в воскресный полдень.

Я пристально смотрел на бармена. Мускулы на его шее, казалось, набухли, но я не был уверен. Скиннер медленно стекал по табурету, неспособный делать что-либо быстро. Лестница в фойе была всего в шести метрах от меня, и я знал, что смогу до нее добраться, прежде чем скотина по ту сторону стойки распушит руки.

Но он оставался спокоен. Скиннер заказал еще пару маргарит и попросил счет, который оплатил золотой "Американ Экспресс".

Внезапно телефон у стойки разразился канонадой пронзительных звонков. То была моя невеста, набравшая из номера. Звонили спортивные комментаторы, сообщила она. Сказали, что Ральф и я приняты к участию в Марафоне.

– Не разговаривай с подонками, – предостерег я ее, – все, что ты им скажешь, будет использовано против нас.

– С одним я уже пообщалась, – сказала она, – он постучал в дверь и сказал, что это Боб Арум.

– Хорошо, – одобрил я, – Боб – наш человек.

– Это был не Арум, – сказала она, – а тот кретин, которого мы встретили в Вегасе, из "Нью-Йорк Пост".

– Запрись, – велел я, – это Марли. Скажи ему, мне нездоровится. Меня, типа, сняли с самолета в Хило. Имени врача ты не знаешь.

– А как быть с гонкой? – спросила она, – что мне сказать?

– Это вопрос десятый. Мы оба больны. Попроси оставить нас в покое. Мы – жертвы рекламного трюка.

– Ты, баран, – рявкнула невеста, – что ты им наобещал?

– Ничего, – отмазался я, – это все Уилбур. У него язык без костей.

– Он тоже звонил. Он заедет за нами в девять на лимузине, чтобы отвезти на вечеринку.

– Какую вечеринку? – спросил я, взмахнув рукой, чтобы завладеть вниманием Скиннера. – Сегодня, что, вечеринка в честь Марафона? – полубопытствовал я у него.

Он извлек клочок бумаги из одного из многочисленных карманов куртки.

– Вот план мероприятия. – Сказал он. – Ага, это закрытая тема в доме доктора Скаффа. Коктейли и ужин для бегунов. Мы приглашены.

Я вновь обратился к телефону:

– Какой у нас номер? Я поднимусь через минуту. Вечеринка действительно намечается. Жди лимузин.

– Тебе стоит побеседовать с Ральфом, – сказала невеста, – он крайне подавлен.

– И что с того? Ральф – художник, он так видит.

– Ну ты, скотина! Начинай уже лучше обходиться с Ральфом. Он приперся за тридцать земель из Англии и привез жену с дочерью только потому, что ты так сказал.

– Не парься, – сказал я, – он получит то, ради чего он здесь.

– Что? – Закричала невеста. – Ты, синяк обожратый! Избавься от своего друга-маньяка и проведи Ральфа – он глубоко задет.

– Это ненадолго. – Заверил я. – Он будет в хлам еще до окончания мероприятия, вот увидишь.

Она повесила трубку, и я повернулся к бармену.

– Сколько вам лет? – спросил я его.

Он напрягся, но промолчал. Я улыбнулся ему.

– Ты, наверное, меня не помнишь, – не отставал я, – когда-то я был губернатором.

Я предложил ему сигарету, которую он отверг.

– Губернатор чего? – спросил он, разводя руками и поворачиваясь к нам.

Скиннер быстро встал.

– Давай выпьем за былое, – сказал он бармену, – этот джентльмен был губернатором Американского Самоа десять лет, а может, и все двадцать.

– Я его не помню, – откликнулся бармен, – здесь много людей бывает.

Скиннер засмеялся и шлепнул двадцатидолларовым счетом по стойке:

– Как бы там ни было, это лажа, – сказал он, – мы врем, чтобы выжить, но ребята мы хорошие.

Он перегнулся через бар и пожал бармену руку, а тот был счастлив лицезреть, что мы проваливаем.

По дороге в фойе Скиннер вручил мне копию плана Марафона и заявил, что встретится с нами на вечеринке. Он бодро помахал рукой и вызвал коридорного, чтобы подали карету.

Спустя пять минут, все еще стоя в ожидании лифта, я услышал отвратительный металлический визг понтика на подъездной дорожке, после чего шум растворился в дожде. Пришел лифт, и я нажал на кнопку верхнего этажа.

Он не с нами

Когда жена Ральфа впустила меня в номер, его самого массировала пожилая японка. Восемилетняя дочь остервенело пялилась в телевизор.

– Ты хоть сейчас его не расстраивай, – предупредила Анна, – он думает, у него хребет сломан.

Ральф лежал в спальне, растянувшись на резиновом полотнище и жалобно охая, пока карга колошматила его по спине. На буфете стояла бутылка виски, и я заставил себя глотнуть.

Ральф спросил:

– Что за дефективного бандюгу ты представил мне в баре?

– Это Скиннер, – ответил я, – он – наше контактное лицо в гонке.

– Что? – проорал он, – ты рехнулся? Он – наркоман! Ты слышал, что он мне сказал?

– О чем?

– Ты слышал! – завизжал Ральф. – "Белая смерть"!

– Мог бы и угостить его, – заметил я, – ты был груб.

– Это твоих рук дело, – зашипел он на меня, – это ты его на меня натравил.

Он опрокинулся на полотнище, закатывая глаза и обнажая зубы, сраженный болевым спазмом.

– Будь ты проклят, – простонал Ральф, – все твои дружки ненормальные, а теперь ты завел знакомство еще и с поганим наркоманом!

– Успокойся, Ральф. Здесь все – наркоманы. Нам повезло встретить порядочного. Скиннер – мой закадыка. Он – официальный фотограф гонки.

– О, Боже, – ахнул он, – я ведь знал, что так и будет.

Я глянул через плечо, не смотрит ли жена, а потом вмазал ему в висок, чтобы привести в чувство. Он повалился на кровать... в этот самый момент вошла Анна с чайником и несколькими чашками на плетеном подносе, которые они заказали в обслуживании номеров.

Чай Ральфа угомонил, и вскоре он говорил уже сносно. Поездка за 20 тысяч километров от Лондона оказалась суровым испытанием. Жена Ральфа пыталась сойти с самолета в Анкорэдже, а дочь прорыдала всю дорогу. В самолет дважды при снижении к Гонолулу угодила молния, и у массивной чернокожей женщины с Фиджи, сидевшей рядом с ними, случился эпилептический припадок.

Когда они наконец сошли на землю, багаж Ральфа потерялся, а таксист заломил двадцать пять фунтов за то, что довез до отеля, где регистратор конфисковал их паспорта потому, что у Ральфа не было американских денег. Менеджер положил его фунты в гостиничный сейф, для безопасности, но позволил расписаться за плавание в маске с дыхательной трубкой в серферской будке на пляже за "Ресторацией Хо-Хо".

На этой стадии Ральф ощущал полную безнадежность, желая просто побыть один и расслабиться в море... поэтому он напялил ласты и погреб к рифу, но был подхвачен волной и брошен на шерба-тую скалу, проделавшую дыру в его спине и выкинувшую на берег как утопленника.

– Кто-то притащил меня в хижину, – сказал он, – а потом ширнул адреналином. К моменту, когда я доковылял до фойе, я истекал потом и кричал. Им пришлось дать мне успокоительное и погрузить в грузовой лифт.

Только отчаянный звонок Уилбуру воспрепятствовал менеджеру отправить Ральфа в тюремную камеру государственной больницы где-то в другой части острова.

Скверная история. Его первая поездка в тропики, о которой он мечтал всю жизнь... и вот ему каюк или, по меньшей мере, пожизненное увечье. Семья деморализована, добавил Ральф. Возможно, никто из них уже не увидит Англию и даже не будет достойно похоронен. Они помрут как псы, бессмысленно, на обломке скалы посреди совершенно чужого моря.

Пока он все это пережевывал, дождь бил по окнам. Отпустить шторм на перерыв было некому, и он неистовствовал много дней. Погода хуже, чем в Уэльсе, сказал Ральф, а боль в спине вынуждает его горько пить. Анна плакала каждый раз, как он просил налить еще виски.

– Это ужасно, – сказал он, – вчера я выдул целый литр.

Ральф всегда был пасмурен в заграникомандировках. Я бегло оценил его рану и заказал в гостиничном магазине подарков зрелое алоэ.

– Пришлите его сюда, – сказал я операторше, – еще нам понадобится чем его крошить – у вас есть большие ножи? Или тесак для мяса?

Несколько секунд ответа не было, потом донеслись вскрики и шарканье ног, и в трубке зазвучал мужской голос:

– Да, сэр. Вы, кажется, просили оружие?

Я мигом смекнул, что имею дело с бизнесменом. Самоанский говор, утробно каркающий, но инстинкт подсказывал, что он – швейцарец.

– Что у вас есть? – спросил я, – мне нужно размельчить алоэ.

Он взял тайм-аут, но вскоре вновь был на проводе.

– Есть отличный набор столовых ножей – 77 лезвий, включая превосходный мясницкий секач.

– Это я могу и в обслуживании номеров заказать, – сказал я, – что еще есть?

На сей раз пауза протянулась дольше. На заднем плане я слышал женщину, кричащую что-то о «сумасшедшем», который "отрубил нам головы".

– Ты уволена, – заорал он, – я устал от этого нытья. Не твоего ума дело, что у нас покупают. Вон отсюда! Нужно было уволить тебя еще раньше!

Послышались звуки потасовки и журчание злых голосов, после чего он вернулся.

– Думаю, у меня есть то, что вам нужно, – мягко произнес он, – заостренная самоанская булава. Ею вы и пальму раздробите.

– Сколько она весит?

– Ну... э-э... да, конечно... не могли бы вы подождать минутку? У меня есть почтовые весы.

Еще больше шума на том конце, сильное дребезжание и, наконец, голос:

– Она очень тяжелая, сэр. Мои весы не выдерживают. – Он крикнул. – Да, сэр, эта штукавина тяжеленная. Предположу, что килограмма четыре с половиной. Ею машут как кузнечным молотом. Нет такого существа в природе, которое с ее помощью нельзя было бы прикончить.

– Сколько стоит?

– Полторы.

– Полторы? За палку?

Секунду ответа не было.

– Нет, сэр, – сказал он по истечении, – то, что я держу в руке – не палка. Это боевая самоанская булава, которой порядка трехсот лет. А еще это великолепнейшее оружие, – добавил он. – Я бы мог с ее помощью вашу дверь вынести.

– Не стоит. Пришлите мне эту штуkenцию в номер немедленно, вместе с алоэ.

– Да, сэр. А как будете расплачиваться?

– Как угодно. Мы богаты до неприличия. Деньги для нас – мусор.

– Без проблем, – сказал он, – буду через пять минут.

Я повесил трубку и повернулся к Ральфу, который беззвучно корчился в очередном спазме на грязном резиновом полотнище.

– Все улажено, – заявил я, – считай, ты уже на ногах. Мой знакомый из магазина подарков уже поднимается с алоэ и убойной полинезийской булавой.

– О, Боже! – прокричал Ральф, – еще один!

– Ага. – Сказал я, накатывая себе новый стакан виски. – В его голосе было что-то не то. Вероятно, церемониться с ним не стоит.

Я отсутствующе улыбнулся и продолжил:

– Мы все равно примемся за твое добро, Ральф, рано или поздно. Так почему не сейчас?

– Какое добро? – вскрикнул он, – ты прекрасно знаешь, я не употребляю наркотики.

– Хорошо, Ральф, я уже устал от твоего заплесневелого вранья. Где оно?

Прежде чем он успел что-либо ответить, в дверь постучали, и в комнату с воплями "Алоха! Алоха!" скакнул гигантский самоанец, размахивавший здоровенной черной берцовой костью.

– Добро пожаловать на острова, – проревел он, – меня зовут Морис. Вот ваше оружие.

То была устрашающая хрень, которая без затруднений разнесла бы вдребезги мраморный унитаз.

– А вот подарок, – улыбнулся Морис, извлекая увесистый бокс спелой марихуаны из кармана, – там такой еще навалом.

– Анна! – завизжал Ральф, – Анна! Вызови менеджера!

Я хлопнул Мориса по плечу и вывел в коридор.

– Мистер Стедман сегодня не в себе, – объяснил я, – он пошел понырять и повредил спину о коралловый риф.

Морис кивнул:

– Дайте знать, если понадобится помощь. У меня куча родственников в Гонолулу. Я знаю многих врачей.

– Я тоже. Я сам врач.

Мы пожали руки, и он вприпрыжку направился к лифту. Я вернулся в спальню и размельчил алоэ, игнорируя старческие причитания Ральфа. Его жена нервно смотрела, как я аккуратно накладываю на рану зеленую кашицу.

– С его спиной все порядке, – уведомил я ее, – только раздулась. Он подцепил какой-то яд с ог-

ненного коралла, но алоэ его вытянет.

После лечения алоэ Ральф отключился, но через двадцать минут бесновался вновь, и я убедил его съесть кулек корня валерианы, который его моментально успокоил. Спазмы стали легче, и он смог сесть на кровати и упереться в вечерние теленовости, чтобы расстроиться от сцены, в которой громила пинал куски туристской плоти по общественному пляжу рядом с Пирл Харбор. Глаза Ральфа потускнели, а лицо стало болезненно бледным. Капли слюны стекали с подбородка. Несмотря на замедленную речь, он просветлел, когда я сообщил ему, что через три часа за нами заедет лимузин, чтобы откатовать на вечеринку.

– Мы сможем завести знакомства, – сказал он, – я хочу заключить сделку с "Бадвайзером".

Я пропустил это мимо ушей. Это говорит корень валерианы, подумал я. Видимо, я многовато ему скормил.

Ральф опять распустил слюни, зрачки – в кучу. Он хотел-было свернуть сигарету, но рассыпал табак по всей постели, и мне пришлось отобрать у него машинку для скручивания.

По-моему, он даже не заметил.

– Дождь еще не прекратился? – пробормотал он, – я не выдержу этой мерзкой погоды, она меня убивает.

– Не беспокойся. Это всего лишь сраный шторм. Все, что от нас требуется – это побыть здесь гонку. Потом скипнем в Кону и расслабимся. Там погода хорошая.

Ральф кивнул, пялясь сквозь ливень на красный гольф-кар, медленно ехавший по дорожке "Загородного клуба Уайлили".

– Кона? – спросил он, в конце концов, – я полагал, мы поедем на Гуам, к политикам.

– Что?

– Гуам.

– Мне набрал какой-то обсос из Орегона...

– Это Перри, – пояснил я, – из "Бега".

– Точно. Редактор. Он велел нам ехать на Гуам, чтобы взглянуть на долбанные выборы.

– Что?!

– В следующее воскресенье.

– Нет, Ральф, – сказал я, поразмыслив, – на этот день назначен Марафон в Гонолулу. То, ради чего мы здесь.

– Марафон?

Я пристально на него посмотрел. Рот не закрывался, а глаза превратились в красные щелки. Корень валерианы скоро отпустит, но, возможно, не так скоро, как хотелось бы. Между тем, совсем без стимуляторов Ральф может околеть.

Я протянул ему бутылку виски, которую он охотно ухватил обеими руками, тихо захныкав, поднеся ее к губам. Он сделал глоток, издал животный клич и заблевал всю кровать.

Я поймал его, когда он скатился на пол, и отволоч в ванную. Последнюю треть метра он проковылял на своих двоих и рухнул на колени в душевой кабинке. Я пустил воду, оба крана до отказа, и прикрыл дверь, чтобы ни жена, ни дочь не слышали его дегенеративных воплей.

Вечеринка выдалась бестолковая. Мы прибыли, опоздав на ужин, и везде висели таблички "НЕ КУРИТЬ". Ральф попытался общаться, но выглядел настолько больным, что никто из гостей не желал с ним контактировать. Многие были бегунами мирового класса, фанатиками своего здоровья, поэтому от вида Ральфа они поеживались. Алоэ подлечило его спину, но он все еще выглядел, как жертва разбоя, физический облик которого астрономически далек от идеального. Он хромал из комнаты в комнату со своим альбомом, в прострации от корня валерианы, пока мужчина в серебряном найковском спортивном костюме не вывел его наружу и не посоветовал пройти обследование в лепрозории Молокая.

Я нашел его за подпиранием ствола лецитиса на крыше, когда он вел ожесточенные дебаты о вреде марихуаны с каким-то незнакомцем.

– Чертовски скверная привычка. – говорил Ральф. – Меня тошнит от этого дыма. Надеюсь, тебя посадят.

– Ты – галимый алконавт, – отвечал незнакомец, – из-за таких, как ты, у марихуаны плохая репутация.

Я быстро встал между ними, бросив полную кружку пива на пол. Незнакомец отпрыгнул назад,

как ящер, и встал в стойку карате.

– Ты едешь в тюрьму, – сказал я, – тебя предупреждали не продавать наркоту этому человеку. Разве не видишь, он болен? – Что? – закричал дилер и бросился в свирепой попытке пнуть меня по ногам кедом с тяжелыми набойками.

Он промазал и повалился на меня, потеряв равновесие. Я затушил о его лицо сигарету, и он зашатался между нами, бешено сбивая с подбородка угли.

– Проваливай! – Крикнул я. – Нам не нужны наркотики! Оставь их себе!

Его схватили, когда он торопился к выходу. Лимузин ждал нас на подъездной дорожке. Водитель завел двигатель, увидев нас, и вывез с продолжительным визгом резины.

По дороге в отель у Ральфа случилось два спазма. Водитель истерил и предпринимал потуги просигнализировать шоферу скорой на бульваре Вайкики, но я пригрозил кинуть ему за шиворот сигарету, если он не привезет нас прямо в гостиницу.

Когда мы добрались, я отправил водилу обратно на вечеринку забрать остальных. Клерк-самоанец помог мне дотащить Ральфа до номера, после чего я съел два пакета корня валерианы и отпал.

Следующие несколько дней мы провели, погружившись в исследования. Ни один из нас не имел ни малейшего представления о том, как проходят марафоны и зачем люди в них участвуют. Я решил пообщаться с бегунами.

Это дало плоды, как только до Ральфа дошло, что мы не собираемся на Гуам, а «Бег» – не политический журнал... К концу недели наши уши настолько вяли от растерянной тарабарщины об "отрыве от соперников", "углеводной ценности", "втором дыхании" и "теории «пятка-носок»", подкрепляемой килограммами непостижимой пропаганды Бегового Бизнеса, что мне пришлось купить новый вещмешок от Пьера Кардена, чтобы все это вместить.

Мы побывали на всех мероприятиях, предварявших гонку, но, казалось, наше присутствие нервирует людей, и мы закруглились, проводя исследование в "Ресторации Хо-Хо". Мы убили столько времени, опрашивая бегунов, что я, в конечном счете, потерял нить и будоражил людей попусту.

Лило как из ведра, но мы научились с этим уживаться... и в полночь накануне гонки поняли, что готовы.

Поколение обреченных

Мы появились в эпицентре около четырех утра – за два часа до начала, но там уже стоял дурдом. Половина бегунов бодрствовала всю ночь, не в силах заснуть и слишком заведенная для беседы. Воздух переполняли вонь испражнений и вазелина. К пяти часам образовались огромные очереди к ряду биотуалетов, установленных доктором Скаффом и его людьми. Предгоночная диарея – стандартный кошмар всех марафонов, и Гонолульский не был исключением. Существует множество причин выбыть из гонки, но слабый кишечник – не из их числа. Задача в том, чтобы пробежать дистанцию с брюхом, полным пива и другого дешевого топлива, которое очень быстро переваривается...

Углеводная ценность. Никакого мяса. У таких людей протеины сгорают слишком медленно. Им нужна энергия. Их желудки болтаются, как крысиные яйца, а мозги забиты страхом.

Придут ли они к финишу? Хороший вопрос. Они очень хотят футболки чемпионов. Победить никто не рассчитывает, но все опасаются: Фрэнк Шортер, Дин Мэтьюс, Дункан МакДональд, Джон Синклер... У них самые скромные номера на футболках: 4, 11, 16, и они, по-видимому, придут первыми.

Бегуны в футболках с четырехзначными номерами выстраивались в шеренгу сзади, у них уходит время на то, чтобы взяться за дело. Карл Хетфилд был на полпути к Бриллиантовой Голове, когда большинство только выбросило баночки с вазелином и задвигалось, при том, что каждый из них сознавал, что не увидит даже пяток победителя до окончания гонки. Разве что взять у него автограф на банкете...

Здесь идет речь о двух определенных группах людей, двух совершенно разных марафонах. Первые напьются и окуклиться к половине десятого утра, когда вторые будут, пошатываясь, шкандыбать мимо дома Уилбура у подножия "Холма Разбитых Сердец".

В 5.55 мы запрыгнули в заднюю дверь фургона для радио-прессы, на лучшие места во всем мероприятии, и покатали перед потоком со скоростью 17 километров в час. Согласованный план заклю-

чался в том, чтобы сбросить нас у дома Уилбура и подобрать по пути обратно.

Какой-то урод с четырехзначным номером на груди сошел с дистанции, как гиена, набравшая темп, и стал приближаться к нашему фургону. Две дюжины полицейских мотоциклов хотели вмешаться... но он резво слинял.

Мы выскочили из фургона у дома Уилбура и сразу же выгрузили содержимое его укомплектованного бара рядом с обочиной, где устроили опорный пункт, и несколько минут просто стояли под дождем, осыпая всеми мыслимыми ругательствами возникающих бегунов.

– Ты обречен, чувак, тебе не светит.

– Эй, жирдяй, как насчет пивка?

– Трахните его кто-нибудь!

– Отсоси и сдохни! – любимое скиннеровское.

Один передовой грузный бегун, обернувшись, прорычал ему:

– Поговорим на обратном пути.

– Это вряд ли. На то, чтоб вернуться, тебя уже не хватит. Ты и до финиша не дотянешь. Окочурись.

Мы ощущали ту редкую свободу, когда без стеснения изрыгаешь любое, самое жестокое оскорбление, приходящее на ум, потому что остановиться никто из них не мог. Как шайка лишенцев, мы сидели на корточках близ беговой дорожки с телевизором, пляжными зонтами, ящиками пива и виски, громкой музыкой и дикими курящими женщинами.

Лил дождь – легкий теплый дождь, но достаточно плотный, чтобы улицы не высыхали, так что мы могли слышать каждый шаг на тротуаре, когда бегуны лишь появлялись на горизонте.

Передовики находились в тридцати секундах от нас, когда мы спрыгнули с едущего фургона, и удары их башмаков по мокрому асфальту были ненамного громче дождя. Звук тяжелых резиновых подошв, молотящих и шлепающих по улице, до нас не доносился. Этот шум послышался позже, когда передовики скрылись из виду, и пришел черед доходяг.

Передовики бежали мягко, ощущался отрегулированный, как роторный двигатель Ванкеля, шаг. Никакой растраты энергии, никакой борьбы за улицу или взбрыкиваний, как у бегунов трусцой. Они плыли, и плыли очень прытко.

У доходяг все иначе. Плыли из них лишь несколько человек, и немногие быстро. Чем медлительнее они были, тем больше производили шума. К моменту, когда появились четырехзначные, звуки стали тревожно оглушительными и беспорядочными. Мягкий свист передовиков деградировал в адский топот доходяг.

Мы следили за гонкой по радио в течение следующего часа или около того. Было слишком дождливо, чтобы торчать у обочины, поэтому мы переместились в гостиную – посмотреть футбол по ТВ и съесть большой завтрак, который Кэрл Уилбур сварганила "для синяков", прежде чем отправиться на Марафон в четыре утра (она финишировала впечатляюще, около 15.50). Было без чего-то восемь, когда нам позвонили, чтобы мы вышли на обочину, и нас подхватил фургон.

Дункан МакДональд, простой парень и двукратный победитель, возглавил гонку примерно на 24-километровой отметке и настолько обошел остальных, что единственный расклад, при котором он мог проиграть, было падение, что было маловероятно, несмотря на его реноме бомжа и здоровое презрение к традиционным тренировочным привычкам. Даже пьяный он был первоклассным бегуном и трудной мишенью для обгона.

С ним и рядом никого не было, когда он миновал 38-километровую отметку напротив уилбуровского дома, и мы проехали последние 3 километра до финишной прямой, держась за заднюю дверь радиоп фургона, метрах в 10 от него... и когда он спустился с холма с Бриллиантовой Головы, окруженный полицейскими мотоциклами и двигаясь как генсек во времена Черчилля, за ним тянулся длинный шлейф.

– Боже, – проворчал Скиннер, – ты посмотри, как бежит эта скотина.

Даже Ральф не остался равнодушен:

– Изумительно, – прошептал он, – перед нами атлет.

Что нельзя было оспорить. Бегун, работающий в полную силу – изысканное зрелище. И впервые за всю неделю Беговой Бизнес произвел на меня впечатление. Трудно было представить нечто, что смогло бы остановить Дункана МакДональда в этот момент, а он, вдобавок, дышал далеко не тяжело.

Мы поклонились около финишной ленты, чтобы посмотреть на победителей, потом вернулись к

Уилбуру, чтобы понаблюдать доходяг. Они брели – скорее мертвые, чем живые, пациенты – весь остаток утра с переходом в полдень. Последние приковыляли в седьмом часу вечера, как раз успели к закату и взрыву аплодисментов среди нескольких рикш, все еще патрулировавших парк около финиша.

В марафоне, как в гольфе: главное – участие. Вот почему Уилсон распродает гольф-клубы, а «Найк» – кроссовки. Восьмидесятые будут не лучшим периодом для игр, где ценятся только победители – за исключением самой верхушки профессионального спорта, например, Суперкубка или мирового первенства по боксу в супертяжелом весе. Остальным дисциплинам придется адаптироваться к новой тенденции или свыкнуться с упадком. Кто-то начнет спорить, но таких раз, два и обчелся. Концепция победы через поражение уже пустила корни, и многие согласны, что она не лишена смысла. Марафон в Гонолулу – наглядный пример Новой Традиции. Гран-при за участие в гонке – серая футболка для каждого из четырех тысяч «финишировавших». Это тест, не проходят который лишь бывшие из борьбы.

Никто не подготовил специальную футболку для победителя, который настолько всех обогнал, что лишь горстка участников видела его после гонки... и никто из них достаточно не приблизился к МакДональду в те последние 3 километра перед финишем, когда он шел как бескомпромиссный лидер.

Оставшиеся пять или шесть или семь или восемь тысяч участников бежали по своим личным причинам... только это нам и нужно – разумный повод, так сказать... Зачем этим долбоебам бежать? За что они так люто себя наказывают, заведомо не рассчитывая на приз? Что за больной инстинкт может подвигнуть восемь тысяч предположительно вменяемых людей встать в четыре утра и переть по улицам Вайкики в темпе вальса 42 яйцедробильных километра, тогда как самый хлипкий шанс на победу есть меньше, чем у дюжины из них?

Эти вопросы – из тех, что могут разнообразить пребывание в формате "все включено" в номере лучшего отеля Гонолулу. Но выходные на исходе, и все мы переключались в Кону, на 240 километров по ветру – на "золотое побережье" Гавайев, где любой, даже скукожившийся торчок, докажет вам, что жизнь лучше, шире и ленивей и... да... даже богаче во всех смыслах, чем на любом другом острове в этом маленьком шершавом лабиринте вулканических прыщей посреди Тихого океана, в 8000 километров от ближайшей суши.

Ни у кого из этих бегунов нет вразумительной причины. Только дурак пустится в объяснения, почему четыре тысячи японцев неслись на предельной скорости мимо осевшего мемориала в центре Пирл Харбор вместе с еще четырьмя-пятью тысячами убежденных американских либералов, скрюченных от пива и спагетти. При этом все и каждый рассуждают об этом с такой серьезностью, что лишь один из тысячи смог улыбнуться идее о 42-километровой гонке, которая включает четыре тысячи японцев и завершается в двух шагах от Пирл Харбор утром 7 декабря 1980.

Минуло 49 лет. Что эти люди празднуют? И почему в этот замызганный кровью юбилей?

Гонолулу – это загадочная жопа, обрастающая тайнами все больше и больше. Мы ведем речь о том, чего не знаем. То, что выглядело, как оплаченный отпуск на Гавайях, обернулось сверхъестественным кошмаром – и как предположил один-единственный респондент, мы ищем Последнее Убежище для либерального ума или, по крайней мере, Последнее Средство, которое может помочь.

Беги, чтобы выжить, спорт – это все, что тебе осталось. Те же люди, что сжигали свои чековые книжки в шестидесятых и канули в семидесятые, сейчас на дистанции. После того, как политика провалилась, а личные взаимоотношения доказали свою непредсказуемость; после того, как Мак-Говерн пошел на дно, а Никсон лопнул у него на глазах... после того, как застрелили Теда Кеннеди, а Джимми Картер сунул руку в карман каждого, кто ему доверял, нация повернулась лицом к атавистической мудрости Рональда Рейгана.

И вот, наконец, пришли восьмидесятые, а вместе с ними и время узнать, у кого острее зубы... Примешь ты это или нет, но ты – зритель на странном спектакле двух поколений политических активистов и социальных анархистов, которые переродились – двадцать лет спустя – в бегунов.

Как так вышло?

Вот что нам предстоит выяснить. Ральф проделал путь из самого Лондона – с женой и восьмилетней дочерью – чтобы разделаться с этим вопросом, который я описал ему, как жизненно важный, при том, что он может оказаться заурядным пустословием.

Почему было не рвануть в Эспен пострадать фигней?

Или проскрести в Голливуд? Только бы добраться, несмотря на сброд... Или даже вернуться в Вашингтон – на последний акт "Спи спокойно, Снаряд с радиовзрывателем"?

Зачем мы проделали путь на острова, которые называют не иначе как «бутербродными», чтобы посетить даун-шоу подобно тем восьми тысячам человек, что измываются над собой прямо на улицах Гонолулу, называя это спортом?

Ну... причина есть; или, по крайней мере, была, когда мы на это соглашались.

Фата-моргана.

Она всему виной – некая дикая и утонченная галлюцинация в небе. Мы оба ушли из журналистики; десять лет работы в мыле за все более скромное вознаграждение наделяют человека причудами. И однажды ты понимаешь, что можешь поднимать куда больше денег, просто снимая телефонную трубку раз в неделю, нежели разгребая мусор на потребу толпе в ритме, сочетающем нечто вроде трех часов сна за 30, 60 или даже 88 часов на ногах. После этого сложно внушить себе мысль о том, чтобы вновь залезть в долги к "Америкэн ЭКспресс" и «Мастеркард» ради лишнего взгляда на происходящее с малой высоты.

Журналистика – это билет на аттракцион, в ходе которого тебя вовлекают в те новости, которые другие смотрят по ТВ – что приятно, но аренду этим не оплатишь, а тот, кто не в состоянии оплатить аренду в восьмидесятые, неминуемо попадает в переплет. Мы переживаем крайне гадкое десятилетие, Дарвиновский бестиарий, который не несет ничего хорошего вольным каменщикам.

В самом деле. Настал час писать – или даже снимать кино – для тех, кто способен сохранять каменное лицо. Потому что тут водятся денежки; в журналистике – нет.

Но деятельность бурлит, и на нее легко подсесть. Заманчиво знать, что ты всегда можешь набрать номер и отправиться куда угодно – при оплате за 24 часа и, особенно, если за чужой счет.

Вот что мы упускаем: не деньги – активность; именно поэтому я все же уломал Ральфа вырваться из его замка в Кенте для поездки на Гавайи, чтобы взглянуть на этот странный, неизведанный феномен под названием «бег». Настоящего повода не было; просто я почувствовал, что пора куда-то вырваться... разозлился и настройся... езжай на Гавайи под Рождество.

Зачем они лгут нам?

Мы слились из Гонолулу на следующий день, опережая шторм, из-за которого закрыли аэропорт и отменили турниры серфингистов на северном побережье. Ральф ополоумел от боли в спине и погоды, но Уилбур убедил его, что Кона – место солнечное и уютное.

Дома были подготовлены, и агент, мистер Хим, должен был встретить нас в аэропорту. Дядя Джон обещал приехать навестить нас с семьей через несколько дней. Между тем, загорай и ныряй прямо перед домом, где море мирное, как озеро.

Ну-ну. Я был к этому готов – и даже Ральф разволновался в предвкушении. Непрекращающийся дождь в Гонолулу надпомнил его дух, а рана в спине все не заживала.

– У тебя нездоровый вид, – сказал я, когда он плелся ко входу в аэропорт с гигантской печатной машинкой IBM, украденной из отеля.

– Я болен, – заорал он, – мое тело гниет. Слава Богу, мы едем в Кону. Мне нужен отдых. Я должен увидеть солнце.

– Не волнуйся, Ральф, – успокоил я, – Уилбур все устроит.

Так я тогда полагал. Ему не было резона лгать, во всяком случае, очевидного.

* * *

Это было... как будто корабли невзначай вторглись в их жизнь в самую кульминацию, катарсис, изменивший их судьбу. С полинезийским возбуждением моряки были уже хорошо знакомы. В этой бухте целый народ, казалось, находится на грани массового помешательства...

Каноз привел шлюпку Кука в деревню Килакекуа на востоке бухты. Как только они причалили, и Кук сошел на берег, все моряки ощутили контраст между нынешней тишиной и бедламом, окружавшим корабли. Они также ощутили, что атмосфера намного отличалась от предыдущих церемоний, словно они угодили в смешанное положение почитания и ограничений – между богами и пленниками.

Канина крепко взял Кука за руку, когда они пристали к вулканической скале и повел его, как заключенного. Туземец шел впереди них, снова и снова растягивая погребальную песнь. Слово «Лоно» преобладало над другими, и когда его слышали аборигены, выходившие поприветствовать прибывших, они падали ниц.

Шеренга людей выстроилась во всю длину стены камней из лавы, во всю деревню, согласно традиции, которая здесь называлась хеиау. Они пришли к огромной и впечатляющей прямоугольной черной постройке 20 на 40 метров посреди покачивавшихся кокосовых деревьев, окруженной сумбурно составленным забором, на колья которого были насажены 20 человеческих черепов.

Грубо высеченные гротескные деревянные маски скалились им со столбов, прибавляя грозности этому святому месту. Тему развивал устрашающий эшафот с установленными полукругом двенадцатью масками и высокий алтарь, на котором лежали подношения, среди которых было множество фруктов и громадный, полусгнивший боров.

Появились четверо туземцев, ритуально облаченные, несущие жезлы в собачьей шерсти и монотонно распевające слово "Лоно".

Ричард Хью «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

* * *

Но он лгал. Почти все, что он говорил, всплыло обманом. Нам предстояло жить в аду. Рождество превращалось в кошмар. Страху и одиночеству было предначертано завладеть нами, а жизни – выйти из-под контроля. Хиреть день ото дня. Без намека на перепихон и малейшего смешка. Впереди были лишь сумасшествие, безысходка и мерзость.

Мистер Хим, риэлтор, ждал нас в аэропорту Каилуа-Кона, маленьком пальмовом оазисе у моря, в 16 километрах от города. Солнце слабело, а на посадочной полосе были лужи воды, но мистер Хим заверил нас, что погода стоит чудная.

– Мы, конечно, примем небольшой душ после обеда, – сказал он, – но, я думаю, вам он покажется освежающим.

В его машине не хватало места для нашего багажа, поэтому я ехал в город с местным рыбаком, представившимся Капитаном Стивом, который сказал, что мы будем жить на пляже совсем рядом с ним. Мы запихнули багаж в его пикап шевроле, а остальных я отправил с мистером Химом.

Ральф агитировал против того, чтоб оставить меня с незнакомцем.

– Он – наркоман. По глазам видно. Не случайно он сидел здесь, как тролль, когда мы сходили с самолета.

– Нелепо, – сказал я. – Он встречает свою подружку. Тут дружелюбные люди, Ральф, не то, что в Гонолулу!

– О, Господи, – простонал он, – опять ты врешь. Они повсюду, как кусты марихуаны, и ты – один из них!

– Верно, – сказал я, – равно как и этот Хим. Он сунул мне бокс травы, не успели мы сойти с самолета.

Ральф вытаращился на меня, а потом быстро притянул к себе дочь.

– Это ужасно, – заворчал он, – вы хуже любых извращенцев.

Дорога по шоссе из аэропорта в город была одной из отвратительнейших за всю мою жизнь. Пейзаж составляла пустыня враждебных черных камней, километр за километром по лунному ландшафту под зловещими, нависающими облаками. Капитан Стив объяснил, что мы пересекаем поток застывшей лавы, оставшийся после одного из последних извержений четырехкилометровой горы Мауна Ки слева от нас, там, в тумане. Где-то далеко справа проклеивалась тонкая линия кокосовых пальм, ставших визитной карточкой запада Америки, одинокой стены рваных вулканических скал, маячащих белыми шапками в океане. Мы были в 4 километрах восточнее таверны "Тюлений камень", на полпути к Китаю, и первым, что я увидел на окраине, была бензозаправка впритирку к "МакДональдсу".

Капитан Стив смутился от описания того места, куда меня вез. Когда я нарисовал ему пару первокласных пляжных домиков с выходом на черный мраморный бассейн и густую зеленую лужайку, скатывающуюся в безмятежную бухту, он печально покачал головой и сменил тему.

– Мы выйдем на серьезную рыбалку, – сказал он.

– Я ни одной рыбы в жизни не поймал, – признался я. – У меня не тот темперамент.

– В Конне обязательно поймаешь, – пообещал он, когда мы заворачивали за угол в центре Кайлуа, людном торговом квартале с голодранистым полуголым народом, снующим туда-сюда сквозь дорожное движение как песчаные крабы.

Мы уже передвигались ползком, пытаясь не задеть пешеходов, но, миновав таверну «Кона», попались блондинистому пузану с бутылками пива в каждой руке, который несся на нас с тротуара, крича:

– Ты – грязная сука! Шею сверну!

Он обрушился на машину на полной скорости, шмякнув мою руку о дверь. Он упал, а я попытался открыть дверь, чтобы вылезти и станцевать на нем, но травмированная клешня онемела. Двигать ею я не мог, даже пальцы не шевелились.

Я пребывал в шоке, когда мы остановились на красный, и заметил рой ослепительно прикинутых проституток, стоящих в тени бенгальской смоковницы на обочине. Внезапно в моем иллюминаторе выросла женщина, громогласно поливавшая помоями Капитана Стива. Она пыталась забраться внутрь и вцепиться в него, но моя рука отнялась, так что я не мог закрыть окно. Когда она полезла через меня, я схватил ее руку и вкрутил окуроч ладонь. Включили зеленый, и Капитан Стив рванул прочь, оставив шлюху визжащей на коленях посреди перекрестка.

– Молодчина, – похвалил Капитан. – Этот парень раньше на меня работал. Первоклассный был механик.

– Что? Эта потаскуха?

– Это не потаскуха, а Боб из Хило, трансвестит бессовестный. Он на этом углу с остальными уродами каждый вечер ошивается. Они все трансвеститы.

Мне стало любопытно, не этим ли живописным маршрутом вез мистер Хим Ральфа с семьей. Я представил их дерущимися до потери пульса с оравой трансвеститов в эпицентре пробки и не врубающимися что к чему. Дикие шлюхи с грубыми размазанными рожами рывкают низкими голосами, размахивают сумками с кайфом перед лицом Ральфа и требуют американских денег.

Мы застряли в этом гадюшнике минимум на месяц с арендной платой в 1000 долларов, половину из которых я заранее выдал мистеру Химу.

– Ситуация хреновая, – сказал Капитан Стив, когда мы набирали скорость, выезжая из города, – эти уроды захватили главный перекресток, а копы ничего не могут поделать.

Он неожиданно свернул, избегая ДТП с участием грушевидного бегуна трусцой.

– Боб из Хило выживает из ума всякий раз, как видит мою тачку. Я уволил его после того, как узнал, что он подрабатывает подстилкой, а он нанял адвоката и подал иск за моральный ущерб. Он хочет полмиллиона долларов.

– Боже! – сказал я, растирая пострадавшую руку. – Банда развратных полубаб, берущих на абордаж автотранспорт на главной улице.

– Ага. – завелся он. – Я сделал над собой не одно усилие в отношении Боба, но он стал слишком непонятно обращаться с клиентами. Как-то я пошел за лодкой утром с жуткого похмелья и обнаружил его спящим на ведре со льдом с оранжевыми волосами и размазанной по всему лицу помадой. После операции он сделался по-настоящему разнузданным и странным. Начал помногу пить. Я никогда не знал, чего еще от него ждать. Однажды утром он появился в джинсах с вырезанной жопой, но я не сказал ему ни слова, пока мы не бросили якорь, и позволил насладиться победой. Однажды на борту у нас была семья японцев, и все они разом посходили с ума. Дедушка был известным рыбаком лет ста от роду, и родственники притащили его в Кону, чтобы он поймал своего последнего марлина. Я был в рубке, опять же полусонный и похмельный, когда услышал страшные крики из каюты. Мне показалось, Боба там убивают. Я спустился по лестнице с заряженным 45-ым, но получил по морде острой от старухи ростом в метр с кепкой и вырубился. Когда я очухался, лодка наворачивала круги, а Боб матерился в аутригере. Из его спины торчали два крючка, а воду сильно разбавила кровь, но японцы не дали мне остановиться, чтобы затащить его на борт. Старик хотел застрелить Боба, и мне пришлось дать им 500 долларов налом, прежде чем они позволили подобрать его. Они пырнули его еще раза три-четыре по пути в порт.

Он усмехнулся.

– Это был мой худший опыт на море. Они сообщили обо мне в Береговую Охрану, и те едва не отобрали у меня лицензию. История попала на первую страницу газеты. Меня обвинили в попытке

изнасилования, и пришлось отбиваться на открытом слушании.

Он опять засмеялся.

– Боже! Как такое объяснить – первый помощник капитана расхаживает по палубе с членом наголо!

Я промолчал. От услышанного мне стало не по себе. Куда мы приехали? Вопрос еще тот. А если Ральфу захочется порыбачить? Капитан Стив казался вменяемым, но его истории – жуть. Они противоречили большинству представлений о современном спортивном рыболовстве. Многие клиенты обедали одним лишь кокаином, сказал он; другие шизели после пива и лезли в драку, если не клевало. Если рыба не проявляла активность до полудня, капитана начинали прессовать. За пятьсот долларов в день клиенты хотели крупную рыбину, а если за день не клевало вообще, на закате, на обратном пути, разгорался мятеж.

– Никогда не знаешь заранее, – констатировал Стив, – бывали люди, хотевшие насадить меня на багор без видимой на то причины. Потому-то я и ношу 45-й. Бессмысленно звать копов, когда ты в 40 километрах от берега. Спасение утопающих дело рук сам знаешь кого.

Он глянул в сторону прибоя, задевая взглядом камни метрах в тридцати справа от нас. Там был океан, это я знал, но солнце село, и все, что мне посчастливилось рассмотреть – это мрак. Ближайшая к нам суша в этом направлении – Таити, в 2600 милях к югу.

Пошел дождь, и Капитан включил дворники. Все продвигались вперед бампер к бамперу. С обеих сторон шоссе обступали недостроенные жилые здания – новые кооперативные корпуса и сырые стройплощадки, развороченные бульдозерами и башенными кранами.

Обочину заплотили патлатые отморозки с досками для серфинга, не обращающие внимания на уличное движение. Капитан Стив начинал терять терпение, но успокоился тем, что мы почти у цели.

– Есть тут один запрятанный проезд, – пробрюзжал он, сбавляя скорость, чтобы посмотреть номера на жестяных почтовых ящиках.

– Быть того не может, – сказал я, – мне сказали, это вдали от узкой проселочной дороги.

Он захохотал, затем внезапно ударил по тормозам и указал сквозь узенькую щель в кустарнике за дорогой.

– Приехали, – сказал он, еще раз затормозив, чтобы не вписаться в зад авто мистера Хима, которое было припарковано у кучки дешевых лачуг метрах в 45 от шоссе. Рядом никого не было, а дождь зачастил.

Мы выгрузили багаж и затолкали в ближайшую лачугу, жалкую коробочку, в которой из мебели предлагались две койки и диван Армии Спасения. Раздвижные двери смотрели на море, как и обещалось, но мы боялись их открыть из-за гула прибоя. Здоровущие волны обрушивались прямо перед верандой. Белая пена колошматилась по стеклу, и вода забегала в гостиную, где все стены кишели тараканами.

Шторм продолжался всю неделю: угрюмое солнце утром, дождь днем и страшный прибой ночью. Мы даже не могли купаться в бассейне, не говоря уже о подводном плавании. Капитан Стив приходил во все большее исступление от нашей неготовности зайти в воду или хотя приблизиться к ней. Мы совещались ежедневно по телефону, слушали метеорологические сводки и ждали у моря погоды.

Проблема, объяснял Стив, была в заморском шторме – возможно, циклон в Гуаме или что похуже к югу от Таити. В любом случае, мы не могли ни контролировать это, ни хотя бы установить местоположение. Но это что-то посылало по океану мощные буруны откуда-то издалека. Гавайи настолько заброшены в сердцевину, что даже слабый порыв ветра в проливе Малакки, в 5 километрах отсюда, может обратить 15-сантиметровую рябь на воде по достижении Коны в 5-метровую волну. Нет другого такого места на планете, где люди терпели бы столько прихотей чужой погоды.

Побережье Коны расположено на одной из сторон Большого Острова. Выдающиеся бугры двух 4-километровых вулканов предохраняют побережье от преимущественно северных ветров. Все восточное побережье – это шершавые пустыри с папоротником и черной галькой, овеваемые теми же арктическими ветрами, благодаря которым северное побережье Оаху считается раем для серферов.

Но та же волна, что подхватывает доску, может легко подхватить и лодку и отправить ее к пляжу на бешеной скорости. Никто из тех, кому довелось так проветриться и выжить, не желает этого повторять.

– Вырулить оттуда невозможно, – сообщил мне Капитан Стив, – если попробуешь вести лодку

прямо, тебя размажет по скалам, как сырое яйцо, а если решишь повернуть, волна поднимет судно и закрутит волчком. Так или иначе, ты обречен.

Это случилось с одним его другом, сказал он.

– Однажды днем он шел с партией туристов, которые пребывали в ужасном настроении, потому что никто ничего не поймал, в связи с чем одним глазом он поглядывал на них, а сам был занят разговором с женой по рации. За волнами он не следил, как вдруг внезапно осознал, что лодка в трех метрах над водой несется на порт с такой скоростью, что единственное, что ему оставалось – это сигануть за борт. Лодка продолжала свой полет, и он сказал, что слышал крики бедолаг весь ее путь до скал, – Стив печально улыбнулся, – один парень находился внизу, меняя портки, когда лодка впечаталась в препятствие; он оказался в ловушке из воздушной полости под лодкой на два часа, прежде чем нам удалось его вызволить. Пришлось пролезть снизу с баллонами, взять его за ноги и волочить метров пять, – он покачал головой, уже не улыбаясь.

– Боже, – добавил Стив, – надеюсь, ничего подобного я впредь не увижу. Он был в чем мать родила и истерил на полную, когда мы доставили его ко врачу. Жуткая сцена. Все над ним ржали, и это срывало ему башню еще больше. Один из парней со спасательной шлюпки хотел ему помочь. У него до сих пор отпечатки зубов по всей руке. Потом этот кекс закрылся в машине, и нам пришлось выбить окно, чтобы его оттуда вытащить.

– Лодка – в муку, – добавил он, – порядка 50–60 тысяч долларов улетели в трубу. То, что от нее осталось, в конечном счете, село на мель и заблокировало вход в порт на пять дней.

* * *

Всю жизнь нам талдычат о "Тихом, беззаботном океане", "мягком и чарующем маршруте на Бутербродные острова", "размеренном занятии ремеслами", над которыми не властно время, и все наше детство уходит на прочтение историй о том, как полоумный старпер Бальбоа, вскарабкавшийся на верхушку высокой скалы в морских просторах, столь же спокойных и мирных, сколь лесное озеро, и пришедший в экстаз от удовольствия, как любой другой макаронник от любой другой безделушки, кричащий на тарабарском и размахивающий флагом своей страны и назвавший великое открытие "Тихим океаном" – вот как тиражируется ложь, которая овладеет умами одного за другим обманутых поколений везде, где простирается океан. Если бы я был там, с моим-то опытом, я бы сказал этому Бальбоа:

– Теперь, если считаешь, что достаточно поизголялся, выделявая курбеты на видной скале, советую собрать манатки и вернуться в лес, потому что ты уже дошел до лампочки, окрестив этого спящего мальчугана женским именем, даже не удостоверившись в его половой принадлежности.

Из всего этого можно сделать вывод, что если этот иностранец назвал океан "Четырехмесячным Тихим", ему следовало получше разобраться в предмете. По моей информации, лето сопряжено с теплой порой, гладким морем и ровными ветрами, еще месяц держится хорошая погода в конце весны и в начале осени. Остальные 7–8 месяцев года, как правило, обещают встречные ветры и полные ветры, ветры с раковины и ветры в верхних слоях атмосферы, а также ветры, дующие с нижней точки, а еще ветры, которые дуют с такой силой, что нос утлегаря пронзает их, как лезвие. А море бушует и жонглирует кораблями, как хочет, когда приходит буря; а когда она уходит, является норд-вестовый накат ветровых волн и стоит на страже, поддерживая морское землетрясение, пока ветры не будут готовы безобразничать вновь.

Словом, Тихий океан «суров» семь-восемь месяцев в году – речь не о штормах, поймите меня правильно – но он трудный и очень "суровый".

В силу вышесказанного, если бы удав Бальбоа придумал для него имя «Дикий» или «Неукротимый», в его поддержку высказались бы лишние пара месяцев в году.

Марк Твен, "Письма с Гавайев"

* * *

Волны вроде той – редкое явление на побережье Коны, где воды обычно менее агрессивны, чем где-либо на островах, за исключением тех дней, когда погода поворачивается задом, как говорят здесь, и с запада задувают ветры.

Марк Твен не лгал – по крайней мере, не о Тихом океане зимой. Побережье Коны в декабре условиями граничит с чистилищем. Самым большим чистилищем на земле, куда только может добраться примат. И это левая сторона Большого Острова – тихая его сторона. Одному Богу известно, что творится с подветренной стороны, в районе Хило... это "мокрое побережье", говорят тут, и даже настоящие риэлторы отговорят вас от поездки туда.

А вот на счет Коны они промолчат... и тут за дело берусь я; пока трава зелена, и реки впадают в море, побережье Коны может сойти за заманчивую дестинацию на пару часов в самый жаркий день июля – но даже рыба сюда не сунется зимой; если вас не прикончит прибой, за него справится Волна, и любому, кто скажет вам обратное, следует повышибать все зубы стамеской.

Х.С.Т.: Я звоню по поводу штормового предупреждения по радио. Сами мы люди не местные, туристы, в общем.

КОП: Да-а? Где остановились?

Х.С.Т.: За Магическими Песками.

КОП: Прямо на пляже?

Х.С.Т.: Прямо, блин, на пляже.

КОП: Ладно – ожидается высокий прибой около четырех утра.

Х.С.Т.: Чем это грозит конкретно мне? У нас тут и так прибой высокий.

КОП: Ага, ну, стало быть, к четырем часам высота гребня может составить пять метров.

Х.С.Т.: Пять метров? А как это измеряется? Это же – ой – это высокая волна, да?

КОП: Верно. Что-то вроде шторма к северу от островов или типа того. Тем не менее, пока это только уведомление. Но если наметится что-то серьезное, вам следует принять меры.

Х.С.Т.: И что, камни из океана принесет ко мне в спальню?

КОП: Нет, все не так плохо. А, ну, разумеется, если будет хуже, если ситуация усугубится, сразу будет подключена ГО, Гражданская Оборона.

Х.С.Т.: Ну, в четыре поутру большинство из нас, хочется надеяться, будет спать. Как мы узнаем, когда надо волноваться?

КОП: Мы, видимо, задействуем полицейские машины или пожарных с громкоговорителями, которые поедут по Алии-Драйв, предлагая эвакуацию. Но пока это только совет.

Х.С.Т.: Это тот же шторм, что хозяйничает на Севере? Он набирает обороты?

КОП: К четырем прилив достигнет своего предела.

Х.С.Т.: Предела.

КОП: Точно. Но в данный момент он выглядит довольно спокойным.

Х.С.Т.: Это да. Я только что из центра – там прилив действительно спокойный.

КОП: Волны в Кайлуа-Бэй насчитывают полтора метра; в Кахео-Бэй тихо, вообще ничего не происходит.

Х.С.Т.: Какого размера были волны недели две назад? У нас тут были проблемы. Заливало крыльцо.

КОП: Даже не знаю, по всей видимости, у меня тогда был выходной, раз не помню.

Х.С.Т.: Тревоги не было. Волны были не очень высокие. Может, 2,5–3 метра – я просто пытаюсь сравнить. Ну, проживем увидим, правильно?

КОП: Ага, как я сказал, пока мы только советуем – если у вас что-то лежит на крыльце, лучше обезопаситься.

Х.С.Т.: (смеясь) Обезопаситься...

КОП: Мы предпримем шаги по предупреждению населения на пляже.

Х.С.Т.: Шаги? Шаги какого рода? Звонки по телефону? Сирены? Как мы узнаем? Я ж говорю, мы, скорее всего, будем дрыхнуть.

КОП: Ну, как я сказал, мы задействуем громкоговорители на машинах полиции и пожарной охраны либо будет использована (ПАУЗА) будет использована сирена Гражданской Обороны, она вас гарантированно разбудит.

Х.С.Т.: Хорошо, главное, нас не вынесет из постели цунами?

КОП: Никакого цунами. Не переживайте.

Х.С.Т.: Ладно, спасибо.

КОП: Не за что. Пока.

Сиськи – шаровые молнии

Какая-либо работа в нашем лагере прекратилась в преддверии праздников. Я сел за футбольные матчи, по-крупному споря с Уилбором по телефону на результаты и проматывая выигрыши на пиротехнику. Рождественская пора на Гавайях – это еще и время выхода ежегодника "Пир Лоно", бога бесчинств и изобилия. Миссионеры, может, и научили местных любить Иисуса, но где-то в глубине их языческой души он им не нравится: Иисус для них слишком негибкий. У него не было чувства юмора.

Иерархически выстроенные боги и богини древней гавайской культуры, в основном, разделены по подвластным отраслям, но отнюдь не по степени непорочности. Их почитают за недостатки точно так же, как и за приводящее в трепет число добродетелей. По существу, они не отличаются от самих людей – только крупнее, круче и лучше во всех отношениях.

Фаворитов двое – Лоно и Пеле, распутная богиня вулканов. Когда она устраивала вечеринки, приходили ВСЕ; соблазнительная, длинноволосая красотка танцевала обнаженной в плавающей лаве с бутылками джина в каждой руке, и любого, кто имел что-то против, немедленно убивали. У Пеле были свои проблемы – обычно с чокнутыми любовниками и периодически – с целыми армиями – но она всегда побеждала. Говорят, она до сих пор живет в своей пещере под вулканом на горе Килуэа и изредка выходит прошвырнуться по острову в том обличье, какое сама выберет – иногда в теле прекрасной девушки на волшебном серфе, иногда – потасканной шлюхой, в одиночестве сидящей в баре "Вулкано Хаус"; но, как правило – по причине, которую легенды никогда не объясняли – в обличье умудренной жизнью старухи, автостопом движущейся по острову с литром джина в рюкзаке.

Встречались ли Пеле и Лоно – момент, по сей день окутанный тайной, но, как игрок, я бы сделал ставку. На этих островах не хватит места для двух самых могущественных божеств в гавайской истории, чтобы те мотались туда-сюда 1000 лет и ни разу не поцапались.

Король Лоно, правивший островами еще до появления на них письменности, слеплен не из того теста, что Иисус, хотя у него превалируют почти те же хорошие манеры. Он мудро заправлял на своей земле, и период его царствования вспоминается как эра мира, счастья и великого изобилия в королевстве – Старые Добрые Деньки, сигувшие с приходом белого человека, который сумел повлиять на потерю божественного статуса Лоно, воспользовавшись его физическим отсутствием.

Кроме того, Лоно слыл хроническим, необузданным буяном. Острый глаз до голой правды жизни и тяга к крепким напиткам в любое время суток. Эта сторона его натуры приносила обожание поклонников и постоянные проблемы в быту. Жена Лоно, прелестная Королева Кайкилани Алии, тоже славилась отвратным характером, и королевский семейный очаг часто раскалывали принципиальные ссоры.

В ходе очередной перебранки Король Лоно мутузил королеву по всей хижине так жестко, что ненароком убил. Смерть Кайкилани породила в нем такой приступ скорби, что он забросил королевские обязанности и пошел скитаться по островам, множа боксерские и рестлерские матчи, в которых уделывал всех претендентов. Вскоре его это утомило, и он, говорят, непобежденный, ушел в отставку, где-то в конце восьмого или в девятом веке. Заскучав и обезумев, он сел в каноэ и отбыл в тур по "заморским землям" – откуда вскорости обещал вернуться, как только выпадет удачный момент.

Аборигены по-прежнему ждут его, передавая эту клятву от одного поколения другому и честно празднуя дни памяти их давно ушедшего Бога/Короля в конце каждого года двумя неделями угара диких вечеринок и фейерверками космической мощности. Миссионеры сделали все, дабы выбить из туземцев их веру, что выразилось в своего рода сильно запоздалой вариации Христа, а современные политики пытались укорачивать или даже запрещать ежегодную оргию пиротехники в Рождественский сезон, но бесполезно.

Бои без правил

Обо всем этом – ну, во всяком случае, о чем-то – мы узнали от Капитана Стива, местного чартерного рыболова, поддержавшего нас по прибытии в аэропорт Кайлуа и ставшего впоследствии главной опорой на острове. Капитан Стив владел во все щели вытраханной рыбацкой лодкой и был непреклонен в намерении вывезти нас половить марлина – жест здорового гостеприимства, обещавший еще больше обогатить и встряхнуть наше пребывание в Коне с самого начала. Помимо этого,

рыбалку для нас приготовил Уилбур; имелась лодка и у Стена Дзуры, старого товарища из Колорадо, который предлагал воспользоваться ею, как только возникнет желание.

В этой связи возникало ощущение, что положение наше наладится, и по мере приближения зимнего солнцестояния я достаточно проникся оптимизмом, чтобы пригласить сына Хуана на Гавайи на неделю или около того ради шикарного спорта на воде. Побережье Кони предлагает одни из лучших в мире угодий для ловли промысловой рыбы, признанные серьезными рыбаками как ничуть не худшие, чем те, что можно отыскать на Багамах или на Большом Барьерном рифе в Австралии.

И Ральф, и я были очень довольны непредвиденным джек-потом. В дополнение к собственному бассейну на закрытом пляже перед нашим жилищем, где можно было плавать и нырять с аквалангом, теперь нам в распоряжение отходили собственные лодки, готовые к выходу в океан и поимке крупного марлина. Деньги не проблема, объяснил Капитан Стив. Чартерные лодки в Коне обычно обходились в \$500 в день, но для нас – задарма; все что требовалось – притаранить своей еды и выпивки...

Ну и ну. От одного вида этих слов на бумаге по моей спине даже сейчас бежит дрожь, хотя прошло достаточно времени, мы спаслись и успели пережить другие муки. О деталях после, но предпосылки истории таковы:

1) Ранним декабрем нас принесло во что-то наподобие приморского поместья, состоящего из бассейна и трех деревянных домиков – в одном обитал сторож, в другом – Ральф с семьей, а в третьем – я, Лэйла и Хуан.

2) Капитана Стива, жившего на пляже неподалеку от нас, обуяла одержимость вытащить нас в море половить рыбу.

3) В декабре того года побережье Кони страдало от серии ужасающих штормов, превращавших нашу жизнь в ад.

И 4) наше групповое поведение стало безобразным и оскорбительным и периодически выражалось в играх с фейерверками, злоупотреблении виски и погромах на территории, поэтому нас остерегались даже местные.

Все это время рыболовный флот Кони спокойно стоял в порту, отводя Капитану Стиву и другим мореходам уйму свободного времени – которое большинство из них проводили на высоких табуретах с мягким сиденьем, неустанно проклиная погоду, нехватку платежеспособных туристов на острове и первое скверное предзнаменование, которое кое-кто из них окрестил угрозой скорого обвала местного рынка недвижимости. Гавайи были единственным штатом, не отдавшим голоса за Рейгана, поэтому попадалось много типов, праздно шатавшихся по барам и беспрестанно твердивших "А я что говорил?" любому, кто готов был их слушать.

Вот такая трясина нас засосала, и единственным спасением – по крайней мере, для меня – было смотреть футбол по телевизору, чем я с энтузиазмом и занимался, чем все больше нервировал Ральфа. Ввиду его пожизненной неприязни к спорту он не мог разделить со мной времяпрепровождения за ставками, и мы медленно расходились – он, как мудака, высиживал яйца, а я общался с телевизором, обычно выбираясь в горы к Стену Дзуре. В те редкие разы, когда мы выходили в город вместе, эксцентричное поведение Ральфа так коробило местных, что кое-кто из них называл его «педиком», а другие – «оборотнем». К тому моменту, когда со дня нашего приезда минуло две недели, Ральф повсеместно числился Тем Самым Оборотнем-Гомиком, и это отнюдь не приводило его в восторг.

Один за другим мы покидали нашу дружную лодку. Первым был Ральф, как всегда – и, как всегда, винил в этом меня. В известной степени, справедливо. Я был виноват. Сорвавшийся план принадлежал мне, а не Ральфу, и теперь вся его семья билась в небезосновательных психопатических судорогах. Кто-то в состоянии выдержать десять дней в пасти урагана, а кто-то нет.

Ральф все больше запаривался над этим аспектом ситуации, поскольку ее катастрофичность усугублялась с каждым днем. Его примитивный валлийский предок, проснувшись, помогал ему вновь обрести душевное равновесие. Он это чувствовал. Но в способности своей жены и дочери пережить шок такой интенсивности Ральф уверен не был.

– Сколько дней террора и унижений может вынести восьмилетняя девочка? – спросил он меня однажды, после того, как мы расправились с пинтой жгучего джина у него на кухне. – Первые признаки уже налицо. Она постоянно уходит в себя, грызет узлы веревки, а по ночам разговаривает с тараканами.

– Для того и нужны психбольницы, – сказал я. – Когда твои соседи заведут телегу про своих детей в Кембридже и Оксфорде, ты похвастаешься, что твоя дочь в дурдоме.

Он остолбенел, потом одернулся и загоготал:

– Вот именно. Я смогу навещать ее по выходным и приглашу друзей на выпускной.

На этой стадии мы оба были полубезумны. Все отчаянные усилия, положенные на то, чтобы смыться с Большого Острова, дали нулевой результат. Не получилось достать даже билеты до Гонолулу, не говоря уж о других направлениях... Но наша воля к тому, чтобы СМЫТЬСЯ, была вполне реальна: я собирался выписать фальшивый чек за чартер до Таити, 42 километра в один конец – но шторм вырубил телефонное сообщение, и мы распрощались с надеждой связаться с кем-то, находящимся далее, чем в двух-трех километрах от нас. Единственное место, куда мы точно могли добраться – это бар таверны "Кона".

* * *

Долгая и утомительная церемония, наконец, закончилась, и Кук заявил о том, что желает устроить лагерь в хеиау. Вожди Пареа и Канина сразу это поняли, и когда Кук выбрал огороженное поле батата и принялся гаранитровать хорошую компенсацию владельцу, жрецы воткнули свои жезлы в забор, чтобы освятить и "табуировать".

Они возвращались к шлюпке. Когда Кук проходил мимо деревни – в своем красном плаще – мужчина, женщина и дети скопом бросились на колени и не поднимали головы с земли, пока моряки не скрылись. Лоно!.. Лоно!..

Чего Кук так и не узнал, чего так и не смог осмыслить, так это того, что его признали за воплощение бога Лоно, чье появление стало величайшим событием в истории Гавайев. Лоно был гавайским богом сезона изобилия и отдыха от работы, который должен был причалить к острову, двигаясь по часовой стрелке, чтобы его встретили белыми стягами и церемониями поклонения. Кук прибыл в назначенное время, а, согласно его решению плыть медленно мимо берега для поиска наилучшей пристани, корабль действительно двигался по часовой стрелке вокруг острова, и команда отчетливо разбирала с топа мачты белые флаги на берегу. И, действительно, в соответствии с легендой, Кук прибыл отдохнуть в Килакекуа, бухту, которую называли "тропой богов", на своем чудесном гигантском каноэ в период великих церемоний почитания, посвященных ему за изобилие богатств, которые он снизошел им даровать.

Кук немного припозднился к Арктическому лету, но дату его прибытия на Гавайи можно считать безошибочной. Его дальнейшие поступки и впрямь напоминали деяния божества, а апофеозом стали церемонии, которым он только что подвергся.

Все, что он пережил в последующие две недели согласовалось с мифом о боге Лоно. Немного удивляет его ремарка – "это небывалое благоговение" – о впечатлении от приема на Гавайях, которого он не получил нигде в Полинезии, а также о том, что аборигенов бросало в состояние, близкое к истерике. Даже у самого древнего жителя не было предка, который рассказывал бы ему, как присутствовал при появлении живой реинкарнации великого бога Лоно.

Ричард Хью «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

Пидорская западня

Ночь на понедельник, побережье Коны, два дня до Рождества. Три часа ночи. С футболом по понедельникам покончено. Закончился сезон. Ни Говарда Косселла, ни этого лунатика-говноеда в парике в стиле афро, исполосованном всеми цветами радуги. Этого урода надлежит усыпить, не дожидаясь повода. Нам на Гавайях этого дурачества не нужно, даже по ТВ... особенно, сейчас, когда прибой так вздыбился, и одичалые сорвиголовы шастают по улицам Вайкики, а погода настолько мерзкая, что люди звереют и теряют способность адекватно реагировать. Гораздо больше народу, чем обычно, съедет с катушек, если солнце не покажется к Рождеству.

Это называют "погодой в Конe"; серое небо и жесткое море, горячий дождь поутру и гнусные пьянки ночью, скверная погода для демонов-нюхачей и желтопузых беженцев... Огромное уродливое облако неотрывно висит над островом, а это паскудное море неустанно насаждает на мою веранду... Уебище никогда не спит и вообще не отдыхает; только прибывает, накатывает, гремя, набрасываясь на камни и сотрясая дом каждые две-три минуты.

Море практически у моих ног, даже сейчас, когда я сижу и это печатаю, даже в моменты нер-

возного затишья, которое обыкновенно означает, что Большая Волна набирается сил там, во мраке, для очередного нападения на сушу.

Моя рубашка влажная от смеси пота и соляных брызг. Мои сигареты гнутся, как резина, а бумага настолько дряблая, что писать на ней приходится водонепроницаемыми ручками... а теперь эта зловещая белая пена бежит по моей траве, в двух метрах от крыльца.

Вся лужайка может быть на полдороге к Фиджи на следующей же неделе. Той зимой Большой Шторм вынес мебель со всех веранд на этом отрезке побережья и метал валуны размером с телевизоры в спальни. Половина лужайки к ночи исчезла, а бассейн наполнился камнями такой величины, что их пришлось доставать краном.

Теперь бассейн ближе к морю. В ночь, когда мы прибыли, меня чуть не засосало в прибой волной, которую прибило, пока я стоял на трамплине для ныряния, а на следующий день другая, покрупнее, перемахнула через бассейн и едва меня не прикончила.

Несколько дней после этого к бассейну мы не подходили. Начинаешь предвзято относиться к помоям в вольере, в который может забрести море и застать тебя там без предварительной договоренности. Словно на тебя упал метеор. Мептпр? Меотор? Метеор... да, так правильно: все равно что попасть под метеор на шоссе по пути на работу.

Ральф сидит за соседней дверью, всецело поглощенный состоянием "террора и унижений". Его семья спит на полу гостиной с упакованными вещами под боком, в полной боевой готовности свалить по первому свистку. Когда я хотел спереть у Ральфа ТВ, чтобы посмотреть поздний баскетбол, я чуть не наступил на голову его ребенку, переступив слизистый деревянный порог.

Зачем они лгут нам?

Этот вопрос меня сейчас не покидает, роковой рыболовный крючок в этой истории, не дающий мне запросто положить на все с прибором. Я, как какая-то скотина, впопыхах карабкаюсь по отполированному, горящему столбу и вдруг нахожу... да, выход.

Линять... Руки в ноги, с места в карьер, резиновый жилет вниз. А потом бежать, по-стайерски, без оглядки... поскольку то, что может оказаться сзади, наверняка находится в лучшей форме, нежели я, и оно не даст мне форы.

Эти пидоры последовательно пробегают 42 километра за несколько минут каждый. Но даже этого недостаточно, чтобы обогнать ту штуку, что продолжает нарастать...

Почему они не гоняют на мотоциклах?

И впрямь, почему?

С этим мы разберемся позже, раз и навсегда.

Все, что нам известно на данный момент, и все, что нам нужно знать – это то, что его величество говенный прибой по-прежнему громыкает на лужайке в пять утра, и длится этот антисанитарный гавайский кошмар вот уже битых тринадцать календарных дней.

Бомбовая лихорадка

После двух недель на побережье Коны я осознал, что получаю удовольствие от разбегающихся дворняг, каждый раз въезжая в город... и чем сильнее я пьянел, тем больше мне хотелось их поубивать.

Единственное, что имеет смысл – это бомбы. К такому заключению мы пришли в канун Рождества.

Эти иступленные каракули, датированные 25 декабря, я обнаружил в своем блокноте: "Поганое море все еще неистовствует и бомбардирует камни перед моей террасой. Где-то на западе хозяйничает чудовищный шторм с ветрами в 40 узлов и высотой волн в 10,5 метров. Я думаю, это тайфун. Мы башляем \$1000 в неделю за то, что торчим здесь под дождем на краю дикой черной глыбы в ожидании ежегодного тайфуна – как будто мы везде с собой носим табличку «дурачье». Что ж, ебать их всех. Нам наврали, и от этой лжи мы всерьез пострадали... а, значит, мы должны пойти к этим тюфякам и рвануть их так, чтоб в море повыбрасывало. Мы, как тупые измочаленные животные, ютимся здесь 15 дней, тогда как и десять – уже слишком. Мы живем у океана, но не можем приблизиться к воде. Ныряние с этих камней перед домом сулит мгновенную смерть. В пятнадцати метрах от моей печатной машинки – клокочущий ад белой пены, волновой толчеи и пули брызг, в которых даже акула очокурится. Время мстить".

Это было вчера. В районе полуночи нам окончательно свернуло башни, и мы решили заложить огромную китайскую бомбу прямым на крыльцо местному charterному рыболову. Она сработала с поистине ужасающим грохотом через 3/10 секунды после того, как я поднес спичку к фитилю.

Мне неоднократно доводилось баловаться со взрывчаткой, но ничто из того, что я поджигал, не было так, как эта хреновина. Я попытался сбежать, но фитиль обуглился так быстро, что я успел сделать только полтора шага, когда мир озарился, полыхая желтым, и я шлепнулся в кусты метрах в трех от пешеходной дорожки. Я убирался на четвереньках с опаленной растительностью на ногах, оглядываясь на дом, исчезающий в зарнице огненного шара, уверенный в том, что это последнее, что я вижу.

То, что я поджег, не было шутихой; я держал в руках полноценную Бомбу – 2490 ярко-красных китайских фейерверков, упакованных в 5-килограммовый шмат, любезно обернутый фитилем, создающим иллюзию того, что до детонации – целая вечность. Большая часть шутих взрывается и сразу тухнет, но эта сработала, как барабанная дробь самого Дьявола... и продолжала рокотать, набирая громкость, пока меня не охватил Страх. Шум был чересчур мощным, а огненный шар рос; крыльцо, казалось, расплзается в замедленной съемке, и изнутри послышался шум.

Обитателей было двое, и нечеловеческий крик ясно дал понять, что один уже рехнулся – а бомба не собиралась уgomаниваться – и мысль об этом вселила в меня ужас. Я стоял на коленях на дорожке, настолько близко к сполохам, что понимал – с открытыми глазами я ослепну – но стиснуть веки не мог; меня парализовал испуг от штуковины, которую я ебнул.

На это я никак не рассчитывал, подумалось мне. Не-не-не, совсем не рассчитывал. Я планировал приколы, своего рода жест... самое время, почувствовал я, восстановить древний гавайский "Закон Весла".

* * *

Закон Весла

Во времена, когда Гавайи еще не были объединены, их раздирали межостровные войны, разжигаемые конкурирующими вождями. Король Камехамахе Первый сам участвовал в серии разрушительных и безжалостных рейдов на мирные побережья и поселения.

В ходе одного из них он атаковал какого-то рыбака, а тот в ответ дал Камехамахе веслом по голове. Сила удара была такой, что второго король не пережил бы. Позднее, когда рыбак был схвачен в плен и предстал перед Камехамахой, тот пощадил его, признав, что зря напал на него, а также, что все эти неспровоцированные атаки напрасны как таковые. В результате, был принят Закон Весла, обеспечивший защиту мирным жителям от рейдов и беспощадного мародерства соперничающих вождей.

* * *

Вскоре меня посетила идея, как это обычно делают все хорошие идеи, и я незамедлительно направился к телефону. Было 11 вечера, канун Рождества, наш четырнадцатый день на этой туманной, избитой прибоем скале в растущем напряжении. Между тем, мне никто не врал часа три-четыре, в связи с чем я уже почти расслабился, когда сторож ни с того, ни с сего стал затирать что-то наподобие низкопробного рэпа по поводу продажи мне жестяной лодки, которую он, дескать, припрятал в бухте на Аляске. Он просил \$12000 – зато я мог ловить сельдь в океане и делать в день по 50 кусков.

Если б у меня была лодка (плюс лицензия – еще \$60 авансом), я бы выходил в море и на всех набрасывал сеть. Да. И последующие три недели мы бы бодрствовали 24 часа в сутки, обедаясь «спидами» и ловя друг друга в сеть.

– Там слегка свихиваешься, – предупредил сторож, – но оно того стоит. Пятьдесят штук в день.

Я кивнул и уставился на море, чувствуя, как подкатывает желчь. Господи, подумал я, да у них ни у кого совести нет. Сперва побережье Коны, потом селедочное кидалово на Аляске. В канун Рождества, \$12000 налом...

Я резко встал.

– Ладно, – сказал я, – шутки кончились. Час бомбы пробил.

– Что? – спросил он. – Тебе нужна бомба?

– У меня ЕСТЬ бомба, – ответил я. – У меня шесть сраных бомб и длинная седая борода, а все это вранье ВЫВОДИТ МЕНЯ ИЗ СЕБЯ. Где телефон?

Он показал, и я набрал первый пришедший на ум номер. Трубку снял Капитан Стив, поведший нас за рыбой на собственной лодке за день до того и не поймавший ни одной рыбины. Вообще ни единой – что нисколько не удивило меня, но ранило Ральфа. На рассвете его пристегнули к креслу и развернули спиной к нашим бдениям и густому туману от дымящего дизеля; затем ему всучили гигантскую удочку с рулеткой и сказали держаться, потому как его крючок в любой момент заглотнет рыбу размером с лося-культуриста, которая вырвется из пучины морской, как торпеда, и "понесется над кромкой воды со скоростью 110 километров в час".

Ральф торжественно кивнул, натягивая леску:

– Так-так-так. Это быстровато, я б сказал.

Меня пробрал смех.

– Не волнуйся, Ральф, лажа это все. Ни хуя мы не поймаем.

Он нервно улыбнулся:

– Это офигительно приткая рыба. Навскидку 110 километров в час? Размером с быка, говорите?

Он бегло глянул на свою леску:

– А у нас подходящее снаряжение?

– Еще бы, блин, – сказал Капитан Стив, – просто держи руки подальше от лески, когда клюнет. Рулетка завертится, и леска станет такой горячей, что сможет взорваться у тебя в ладонях.

Рыба так и не показалась.

В отличие от бомбы. Ничего личного, но я знал, что это нужно сделать...

Ральф с семьей отродясь не бывали к западу от Сан-Франциско, а единственная увиденная ими пальма росла на участке голливудской компании «Юниверсал»... Но сейчас, на пороге Рождества, они маются дурью в деревянной лачуге на периферии какой-то бесплодной, черной скалы посреди Тихого океана, где никто не говорит на их языке, и даже их ближайшие друзья ими пренебрегают.

Британцы очень сентиментальны по части Рождества. Им подавай снег и слякоть Англии, болезненных попрошаек, колокольчики на каждом углу, новости о продовольственных бунтах по телику, известный простудный холодок каменного дома без центрального отопления и семейство, бодро сбившееся в кучу рождественским утром вокруг горшка с сжигаемым углем.

Им претит сама идея о Святом Нике, которого принесет на серфе с мешком тараканов и «ТВ-гидом», наштипованным невразумительным американским футболом на следующие две недели.

* * *

Несколько дней спустя Кук узнал, что король Гавайев, никак не меньше, прибыл в Килакекуа, чтобы встретиться с ним. Король Джеймс в это время базировался на берегу в командовании лагерем, проверяя его защищенность. От аборигенов не было никаких неприятностей. Они изредка сидели на стене, наблюдая за непостижимой для них деятельностью бога и его помощников, особенно, плотников с их восхитительными инструментами, которые могли управляться с лесоматериалами со столь очевидной легкостью и аккуратностью.

Сопровождающие вожди, облаченные в затейливые плащи и шляпы, принялись петь, когда достигли берега, мыча с невероятной торжественностью, а потом встали. Когда они приблизились, принимающая сторона увидела на борту другого каноэ Главного Жреца Коа, сутулого и безостановочно трясущегося, дородно одетого и окруженного сборищем отталкивающего вида оборванцев. Их тела покрывало разноцветное оперение, глаза словно жемчужницы, перекошенные рты с зубами, как у собак.

Сам король остался сидеть, когда его каноэ пришвартовалось к сходням. На нем была пышная мантия и не менее роскошная корона из перьев на голове. Песнопения прекратились, раздался возглас. Внезапно стало ясно, что король прибыл, дабы всего-навсего составить Куку компанию по дороге на тот берег, где намечались церемонии.

Кука в его шлюпке доставили на берег. Король отказался от сопровождения матросов, которые уже успели выставить напоказ свою неопрятность и неряшливость. Официальная часть должна была проходить в самой большой палатке, и лейтенант внимательно следил за тем, как приближались король со свитой. По флангам от короля находились его сыновья, позади них – вожди; племянник короля, вождь Камехамена, навскидку свирепый человек с длинными волосами, по всей длине забитыми пылью и перемазанными глиной; очень энергичный и величавый вождь Калирну; другой атлет –

вождь Куа и еще несколько. Парад настолько же внушительный, насколько дикий.

Король терпеливо сетовал в пользу начала церемонии с тоскливым выражением на лице. Он возвышался среди обитателей острова, несмотря на сутулость человека средних лет. Потом он выступил вперед, держался король прямо и без помощи, не уступая при этом в трясуности верховному жрецу.

Король сорвал с себя мантию и набросил на плечи Куку, снял шляпу и одел ему на голову, и только тогда на его лице появилась тень эмоции. Как и верховный жрец, он был оборван и покрыт нарывами, красные глаза слезились, но выражение лица за счет действия кавы было счастливым и благодушным.

К изумлению лейтенанта Король Гавайев был никем иным, как Террибу, который встретился им на Мауи; Король Террибу принимал великого бога Лоно собственной персоной.

Ричард Хью «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

Южная точка

Мы пытались выйти на лодке Капитана Стива почти неделю, но море так бушевало, что не имело смысла даже покидать порт.

– Возможно, выйти в море и удастся, – изрек Капитан Стив, – но обратно нас ждать не стоит.

Спустя неделю горчайшего пьянства и раздумий у него созрел план. Если правда, что погода улучшается, логично предположить, что беспощадные воды на той стороне уже утихомирились до кондиции озера.

– Раз плюнуть, – божился Капитан Стив. – От нас это южная точка, командир. Давай готовить лодку...

Что мы и сделали. Но прибор только усиливался, и после пяти-шести дней мрачного ожидания у меня началось размягчение мозга. Мы ездили на верхушки вулканов, пили, как сапожники, рванули много бомб... Шторма все прибывали, счета росли, а дни влачились, как полудохлые звери.

В канун Нового года мы осознали, что непременно пойдем на любой отчаянный шаг, лишь бы залезть в воду. Вместо дайвинга, рыбной ловли или хотя бы заурядного купания нас с Хуаном принуждали играть в гольф, с которым я расстался 20 лет назад, когда мы с Биллом Смитом подмазались к команде по гольфу средней школы для мальчиков в Луисвилле и слили во всех матчах. У каждого из нас имелся свой ночной кошмар, и моим был именно плохой гольф... хотя это далеко не последнее, к чему прибегнешь, сражаясь с прибором.

В ночь перед тем, как Хуану надо было возвращаться обратно на его каторгу в Колорадо, мы устроили в честь проводов что-то наподобие семейного ужина в таверне «Кона». Перед этим позвонил Капитан Стив, сообщивший, что накат волн, наконец, спал достаточно, чтобы мы рискнули выйти из порта, скажем, завтра, но к этому моменту никто ему уже не верил, да и путешествие к Южной Точке заняло бы два дня... то есть, даже если все на мази, мы брались за дело без Хуана.

Ральф расстался с водой раз и навсегда. Единственный поход на лодке запомнился ему как кошмар, поэтому он сфокусировал все остатки сил на поисках досуга на суше. Его поездка в "Вулкано Хаус" дала немного, поэтому теперь он вознамерился повстречаться с призраком капитана Кука, а заодно и легендарным королем Камехамахой. После того, как я проинформировал его о том, что памятник капитану Куку на противоположной стороне бухты Килакекуа документально заверен как клочок Британии на территории США, он решил сделать то, что на его месте сделал бы любой англичанин – податься туда и припасть к обломку родины на краю чужого острова.

По морю открывался простой путь, но не при погоде Коны; поэтому он заявил, что возьмет всю семью в поход – в мучительную пятимильную пешеходную экскурсию вниз по скалам от шоссе. Прогулка вниз не представлялась катастрофой, чего нельзя было сказать о дороге обратно. Анна и Сейди с готовностью восприняли идею экскурсии и преклонения перед единственной святыней, какую они могли здесь найти.

Тошнотворное путешествие, иметь хоть малейшее отношение к которому я не желал. Мы с Капитаном Стивом наблюдали за ними с лодки, двигаясь вдоль побережья. Памятник Куку представлял собой маленькую мраморную колонну наподобие миниатюрного монумента в честь Вашингтона, всаженного в склон черных камней.

Правительство США официально и документально отдало этот крохотный обрезок Англии в ка-

честве жеста деликатной благодарности за все деяния капитана Кука: он, в сущности, отдал жизнь за то, что открыл грудку камней, которой позже суждено было стать 50-ым штатом Союза и нашим единственным реальным форпостом в Тихом океане.

История Гавайев настолько изгажена алчностью, дилетантством и тупой ковбойской дипломатией, что свора декадентов, руливших Англией в тот период, заслужила повешенья за ноги на манер Муссолини за то, что позволила обменивать эти острова на бетонный кол. Англия контролировала бы весь Тихий океан последующие 200 лет, если бы Граф Сэндвичский не получал такого субсидирования от Короля Георга III за членство в "Клубе Геенны Огненной", что не видел ничего дальше кончика собственного шишака. Граф в тот год не вылезал из оргий, пока Король пытался совладать с гаденьким восстанием, получившим имя "Американская Революция". К тому дню, как капитан Кук пристал к пляжу в бухте Килакекуа, британская армия увязла в грязище в штате Вирджиния в местечке под названием Йорктаун, а Граф Сэндвичский – первый лорд из адмиралтейства и покровитель, в честь которого острова получили прозвище Бутербродных – был так занят, суя туда-сюда, что времени озаботиться чем-то еще просто не хватало.

Точно так же сэр Френсис Дэшвуд, один из наиболее позорных дегенератов, когда-либо топтавших улицы Лондона, ведя переговоры с Бенджаменом Франклином, игнорировал тот факт, что его друг Сэндвич, по сути, обнаружил территорию, которая позволила бы Англии контролировать весь Тихий океан.

* * *

Камехамеху отличали предприимчивость, энергия, решительность, неутомимость и упорство в достижении целей. Вдобавок, у него было мощное телосложение и непревзойденная осведомленность по части военных игр и физических упражнений его страны. За эти качества тела и духа за ним, вероятно, и признавали огромную власть и многолетнее владычество над Бутербродными островами.

Несомненно, Камехамеха был проницательным принцем с твердым характером. В его правление люди стали более образованными, улучшилось и материальная сторона; приобретение железных инструментов облегчило их труд; появление огнестрельного оружия изменило военное ремесло; и во многих случаях ткань с Европейских мануфактур заменяла местная хина. Но эти новшества, по-видимому, явились скорее результатом общения с пришельцами, нежели принятых мер их владыки; хотя постоянное поощрение Камехамехой прибывающих визитеров, несомненно укрепило его позиции.

Его прозвали Альфредом Гавайским, хотя он скорее был их Александром, которым большую часть его жизни двигали амбиции и жажда завоеваний, и затмевало их только корыстолюбие.

Судовой журнал Уильяма Эллиса

* * *

Первым, кого я увидел, войдя в таверну «Кона» тем вечером, был Эккерман. Он сидел у барной стойки с каким-то ушлепком в колоколообразных «левайсах», в котором я узнал отъявленного юриста-нарка из Калифорнии. Мы общались на одной из марафонских тусовок в Гонолулу, где он совал свои визитки всем, до кого мог дотянуться, со словами:

– Вот, держите. Рано или поздно пригодится.

Боже, подумал я. Вот пиявки хреновы, они везде. Сначала они просто шмалили дурь, потом принялись ее распространять, а теперь точат корни всей наркокультуры, как выводок диких кротов. Пробьет час, и они еще вырастут соляными столбами у нас на пороге.

Одна из причин, почему я отважился поехать на Гавайи – чтобы хоть немного отдохнуть от юристов, поэтому я собрал нашу вечеринку подальше от них за столиком с видом на волнорез. Семья Ральфа уже была в сборе, а сам он надрался в дрова. Когда мы дошли до столика, он посмотрел на Капитана Стива и прорычал:

– Опять ты здесь! Какие байки ты на сей раз продаешь? Новые рыбные истории?

Стив нервно улыбнулся:

– Нет, Ральф. Сегодня обойдемся без вранья. Я выучил урок – ты человек, которому лучше не врать.

– Вот отличие от меня, – сказал я. – Я – легкая добыча. Мы сегодня снимаемся и движемся к Южной Точке.

Я сел за стол и закурил косяк, который, похоже, никто не заметил. Ральф пялился на меня, лицо выражало шок и отвращение.

– Невероятно, – заворчал он. – Ты опять собираешься выйти в море на этой придурочной лодке?

– Верно, Ральф, – кивнул я. – До нас, наконец, дошло – если на этой стороне острова шухер, значит, на другой стороне его быть НЕ МОЖЕТ.

Капитан Стив улыбнулся и пожал плечами, словно логика говорила сама за себя.

– А Южная Точка, – продолжил я, – ближее место на той стороне, где погода совсем другая.

– Айда с нами, Ральф! – предложил Капитан Стив. – Там тихо, как на озере, и места там поистине загадочные.

– Земля По, – сказал я, – безлюдная мотня в океане, в пределах видимости одни скалы на берегу, – я кивнул, как грамотный. – Ты ищешь могилу короля Камехамехи – может, найдешь ее там.

Ральф одарил меня презрительным взглядом, но промолчал. Он уже успел влюбиться в короля Камехамеху – главным образом, из-за того небольшого, что он знал о "Законе Весла" – и он был убежден, что наш материал лежит где-то в древних погребальных пещерах возле Города-Заповедника в бухте Килакекуа. Как бы там ни было, это не на море.

– Рыбы нет, – пробрюзжал он. – Ее нет даже в меню. Все, что они подают сегодня – это замороженная кукурузная каша из Тайваня.

– Не переживай, Ральф, – сказал я, – у нас будет навалом свежей рыбы, когда я вернусь с Южной Точки. Как только мы доберемся до тихих вод, я обую море, как никто до меня не обувал.

Теперь меня сверлила глазами невеста. Хуан таращился на потолочный вентилятор, а Капитан Стив оскалился так, будто во всем этом еще оставались крупинцы здравого смысла.

В эту секунду мне на плечо опустилась рука.

– Привет, Док. А я-то все думал, куда ты пропал.

Я рывком развернулся на стуле, чтобы увидеть улыбающегося Эккермана. Рука была по-прежнему голубой. Я встал, мы поздоровались, и я представил его сидящим за столом. Всем было начхать. По подсчетам Ральфа, мы уже встретили двоих чудиков, Капитан Стив явно был знаком с Эккерманом, а Лейла посмотрела на его голубую руку и холодно кивнула, словно в помещение ворвался странный и тревожный запах.

Я был рад Эккерману и отвел его в сторону, когда увидел, что он встряхивает торчка-юриста. Мы прошлись по газону, и я протянул ему косяк.

– Слушай, – начал я, – как на счет завтра дернуть на Южную Точку?

– Куда? На Южную Точку?

– Ага, – ответил я. – Только ты, я и Стив. Он говорит, там отменная погода.

Эккерман захохотал:

– Дурдом. Но какого черта, почему бы и нет? Стив – свой чувак. И моряк он классный.

– Вот и славно, – сказал я, – так и поступим. Хотя бы в море сходим.

Он захихикал:

– Ага. Мы СДЕЛАЕМ это.

Эккерман добил косяк и пульнул его в океан.

– Химию я беру на себя, – сказал он, – она может пригодиться.

– Химию?

– Ага, – кивнул он, – у меня есть убойный мескалин. Я его притараню.

– Правильно – хороший резерв на случай, если мы выдохнемся.

Эккерман хлопнул меня по спине, когда мы вернулись к столику.

– Добро пожаловать на побережье Коны, Док. Здесь ты получишь то, за чем приехал.

В океане все равны

Следующим утром я отвез Хуана на рейс в Гонолулу. Он сказал, что славно провел время – особенно с бомбами и уроками вождения с превышением скорости – но отъезд его ничуть не расстроил.

– Чересчур уж тут напряжно, – поделился он – Все сходят с ума. Долго я бы этого не выдержал.

– Век живи, век учись, – сказал я. – И к этому со временем привыкаешь.

– Или съезжаешь с катушек, – усмехнулся он.

Мы шли по крытому переходу к выходу на посадку "Алоха Эйрлайнз" в окружении десятков япошек.

– Ага, – согласился я, – съезжаешь напрочь.

Оставшийся путь мы проделали молча. Вид у него был меланхоличный, рассеянно довольный. Когда мы подошли к воротам, самолет уже должен был взлетать, поэтому Хуану пришлось втопить. Я видел, как он, улыбаясь, вприпрыжку преодолел летное поле до самолета. Как давно ему известно – призадумался я – что дядя Ральф помешался?

По дороге в город я остановился у лодки Капитана Стива и нашел его там за перетаскиванием баллонов сжатого воздуха из дока в шкафчик на корме.

– Эккерман только что здесь побывал, – сказал он. – Кажется, он всерьез настроился на эту ходьбу.

– Ага, – подтвердил я, – я дал ему список необходимого.

– Он поехал к Танауги за кайфом. Осталось затариться бухлом.

– И льдом, – присовокупил я. – А как погода?

– Погодка шепчет, – сказал он, всматриваясь в море, – шторм, наконец, отвалил.

Когда я добрался до винной лавки "Британский Флаг" в самом центре Кайлуа, Эккерман уже ждал снаружи в пикапе, под завязку загруженном пакетами из бакалеи.

– Я все собрал, – сказал он, – с тебя триста-пятьдесят пять долларов.

– Матерь Божья! – выпалил я.

Мы зашли в "Британский Флаг" и взяли по моей кредитке четыре ящика пива, 4 с лишним литров виски, две бутылки джина и 3,78 литра апельсинового сока вкупе с шестью бутылками их лучших вин и еще шестью для коктейль-приема на вечер.

По плану предполагалось, что моя невеста и Ральф с семейством встретят нас в Южной Точке где-нибудь на закате, чтобы славно поужинать на борту. Мы должны были домчаться туда за шесть часов на скорости с троллом, но по суше этот путь занимает только час, так что они могли скоротать полдня в Городе-Заповеднике и все равно прибыть в Южную Точку раньше нас.

Капитан Стив определил место встречи – пляжик на оконечности самой южной открытой гавани острова. Он даже позаботился о радиосвязи – через друга, держащего ранчо недалеко от Южной Точки.

– Волноваться не о чем, – сказал он Ральфу, – можешь припарковаться прямо на пляже. А когда завидишь лодку, просто просигналь и помигай фарами. Мы подгребем и подхватим вас.

На ужин. И коктейли. Вслед за этим, проведя ночь на лодке, мы собирались вернуться в нашу обитель и понырять поутру, потом протралить побережье в обратном направлении и появиться в Ханоахоу примерно на заходе солнца, чтобы замутить еще одну вечеринку с коктейлями и большой рыбный обед на дому.

Таков был план. Не вопрос. Крейсировать к Южной Точке и поужинать на борту.

Мы отбыли из Хонокау не позднее 10.30, осторожно раздвигая кору дымящейся древесины, течением прибитой к порту. Лодка вспыхнула прошлой ночью и – дотла. "Голубой Тихий", старая калоша Ли Марвина. Наследники вели долгие споры на счет прав на нее, объяснил Эккерман, но теперь дележу конец.

– Батюшки святы! – произнес Капитан Стив, продирая лодку через грязный, тлеющий мусор. – Ну, страховка им точно не светит. Я керосин отсюда чую.

Пара чартерных лодок по обеим сторонам от "Голубого Тихого" едва не шли ко дну от поползновений тучных гавайцев из дока. Они весело помахали нам, когда мы покидали пределы порта. Капитан Стив помахал в ответ и проорал что-то на счет поднимающегося прибоа.

Дым покрыл мглой пространство между нами и горячим утренним солнцем. Когда мы миновали главный буй ограждения фарватера, я увидел вершины Мауна Ли и Мауна Коа в небе впервые за время пребывания здесь. Обычно весь остров покрыт гамбургерообразным облаком большую часть дня, но то утро стало редким исключением.

Я воспринял это как добрый знак, но ошибся. К сумеркам нас поглотит схватка со смертью и всеми ее элементами, мы будем беспомощно барахтаться в страшнейшем прибое, какой я когда-либо видел, полубезумные от страха и мощной химии.

Мы сами этого добивались. Вне всяких сомнений. Эккерман знал, что это идиотизм с самого

начала, подозреваю, что и Капитан Стив тоже. Я же без колебаний подписался на эту программу для слабоумных: ага, мы просто совершим 6-часовой рейс вниз по побережью, метнемся к защищенной бухточке и окунемся в лес черных кораллов. Легко. Приглашай всю семью на ужин. Мы просто подплывем и заберем вас с пляжа...

На борту был и "Уолл Стрит Джорнал", и "Солджер оф Форчун". Я зацепил их в "Британском Флаге", но по пути к Южной Точке мне было совсем не до чтения. Мы валандались по лодке, как пьянчуги, держа курс строго на юг. Волны с той стороны начинали расти. В какой-то момент мы затормозили, чтобы подобрать спасательный жилет, на затычке от которого было написано: "Сквайр/Ява".

Капитан Стив, как заправила, тусовался, в основном, за штурвалом на мостике, пока мы с Эккерманом сидели в кабине, куря марихуану и ожидая, когда же улягутся вихри.

Я уже давным-давно избавился от наваждения, что рыба поймается, и главное – ловить. Сама идея погромохивания с толстыми лесками на скорости с троллом звучит абсурдно. Я настаивал, что единственный вариант заарканить рыбу – это навестить ее с аквалангом и гарпуном по месту жительства.

И Эккерман, и я периодически брались за штурвал, но ненадолго. Капитан Стив был убежден, что мы вот-вот цепанем марлина или хотя бы крупную ахи, и очень хотел быть у руля, когда это произойдет. Он провел больше полудня на мостике, вылупившись на бесплодные глубокие сточные воды сквозь треснувшие рыболовные очки.

Эккерман, казалось, уже разделял мой агрессивный пессимизм по поводу вероятности улова, но не спускал с лесок хозяйственного глаза.

– Я – первый помощник капитана, – объяснял он. – У меня есть профессиональная гордость.

Я совсем запамятовал, что он был дикарем из племени лицензированных чартерных капитанов, единственно составлявшего реальную элиту на всем побережье Коны.

– В океане все равны, – сказал Эккерман. – Это серферская тема, но что-то в ней есть.

Я согласился. Ничего не было плохого в том, что хоть кто-то из нас сможет уметь и в сохранности доставить лодку обратно в порт, если с Капитаном Стивом что-то приключится. Эккерман явно чувствовал себя здесь, как дома. Он знал, что там к чему, и мало что могло его озадачить. Я предложил ему присоединиться к нам, особо не думая, но только после того, как несколько раз услышал от Стива, что они "довольно близкие друзья".

Рыбы НЕ БЫЛО. Мы тралили, не переставая, но вся живность, что попалась нам на отрезке "Кайлуа – Южная Точка" – это стадо морских свинок и несколько птиц. Прогулочка выдалась длинная и жаркая, так что к полудню мы уже трепались, набухавшись пива.

Перед самым закатом мы, наконец, завернули к Южной Точке. Море злобствовало в направлении Коны – но это были цветочки в сравнении с тем, с чем мы столкнулись, приблизившись к пункту назначения.

Море так вздыбилось и озверело, что нам оставалось только отвалить челюсти. Слова были излишни. Мы искали приключений на пятую точку и напоролись на персональный ураган, спрятаться от которого было негде.

На закате я перешел на джин, а Эккерман открыл скляночку с белой пудрой, которую втянул носом с кончика крючка No10, после чего вручил пузырек мне.

– Поаккуратней, – предупредил он, – это не то, что ты думаешь.

Я уставился на склянку и принялся дотошно изучать содержимое, укрепясь ногой на палубе, как внезапно лодку наклонило и подбросило на очередном буруне.

– Это Китайский Белый, очень сильный сорт, – сказал он, сражаясь с рыболовным креслом, когда мы шмякнулись о волны.

Боже, подумалось мне. Да я тут с полноценными торчками. Лодку опять потрянуло, и я потерял равновесие на мокрой палубе с чашкой джина в одной руке и пузырьком героина в другой.

Я побросал и то, и другое, катясь мимо Эккермана и хватаясь за лестницу, чтобы не улечь за борт. Эккерман дернулся за склянкой со скоростью юной кобры и поймал ее налету, но она успела промокнуть, за что удостоилась его озлобленного взгляда и полетела в море.

– Какого хрена, – сказал он, – мне все равно никогда эта дрянь не нравилась.

Я подтащил себя к стулу и сел.

– Мне тем более, – заявил я. – Больно тяжелая для желудка пища.

Он мрачно понаблюдал за мной с минуту, и я подобрал обе ноги, не зная, чего ждать. Плохи твои дела, если похерил чужой героин – особенно, если это случилось далеко в море да при надвигающемся шторме – а Эккермана я знал постольку поскольку. Поджарый детина с охрененной мускулатурой пловца, его скачок за склянкой конкретно впечатлил меня быстротой. Я ЗНАЛ, что он достанет меня гарпуном, прежде чем я достигну лестницы.

Я отверг позыв покликать Капитана Стива. Вдруг они ОБА – торчки? Я гадал, все еще балансируя на краю белого стула: каких тараканов может нагнать Китайский Белый?

– Хороший кайф для океана, – сказал Эккерман, как будто я размышлял вслух. – Зачастую это единственный способ удержаться от убийства клиентов.

Я кивнул, предвкушая длинную ночь. Если первый помощник может между делом разнюхаться гердосом в предобеденный час, то на чем сидит сам капитан?

До меня дошло, что по-хорошему я не знаю никого из людей, с которыми теперь закупорен на одном судне, в двадцати милях от западного края Америки, солнце опускается, а вода вокруг чернеет.

Земли видно не было, она потерялась в опустошающем ночном тумане. Солнце скрылось, и лодка грохотала сквозь волны напрямик к Южной Точке, жуткой Земле По. Красные и зеленые ходовые огни на носу корабля едва различались с кормы, с каких-то девяти метров. Ночь вокруг нас сомкнулась подобно дыму, холодная и пропитанная дизельными выхлопами.

Стукнуло почти 7, когда исчез последний красный отблеск солнца, перепоручив нашу участь компасу. Двигались мы, по сути, вслепую. Сидя на корме, мы прислушиваясь к морю, двигателям и периодическому глухому похрустыванию голосов по коротковолновому радио на мостике, где, как моряк из сказок про пиратов, окопался Капитан Стив.

Земля По

Море и не собиралось успокаиваться, когда мы достигли пункта назначения – маленького пляжа у подножия сплошных скал. Капитан Стив, протавив нас полпути, сбавил скорость и слез по лестнице.

– Похоже, что-то собирается.

Эккерман не отрывал взгляд от пляжа, когда пошли огромные буруны. Капитан Стив сработал как сигнализация, вырубив двигатель и вернувшись к нам.

– Крепитесь, – сказал он, – мы застряли на всю ночь.

Он нервно вперился в море на секунду, метнулся в кабину и принялся вытаскивать спасательные жилеты.

– Забудь, – сказал Эккерман, – теперь уж нас ничто не спасет. С тем же успехом можно сожрать мескалин.

Он принялся проклинать Капитана Стива.

– Это твоя вина, тупорылый ты сукин сын. К утру мы все – покойники.

Стив пожал плечами, а Эккерман уже жевал таблетку. Я съел свою и стал собирать хибати, японскую жаровню, купленную утром для приготовления свежей рыбы на ужин. Эккерман откинулся в кресле и откупорил бутылку джина.

Остаток ночи мы бесили друг друга, беспорядочно блуждая по лодке в полнейшем смятении, как крысы, плывущие в обувной коробке, и стараясь держаться подальше один от другого. Обычная гулянка на закате превратилась в лихорадочную трудовую дифференциацию, согласно которой каждый ревностно заботился о своем секторе.

Мне достался огонь, Эккерману – погода, а Капитану Стиву – отлов рыбы. Хибати угрожающе шаталась по кабине, изрыгая столбы пламени и грязного дыма всякий раз, как я прыскал в нее керосин. Важность поддержания огня стала первостепенной, несмотря на очевидный и откровенно суицидальный риск.

В баках под нами было без малого 380 литров дизельного топлива, и любая подложенная морская свинья могла разметать пылающий уголь по всей кабине и превратить лодку в полыхающий комок – выбросив троих дураков в открытое море, где нас незамедлительно подхватил бы прибой и на смерть долбанул о камни.

По фигу, подумал я. Огонь НУЖНО поддерживать. Он стал символом жизни, и я не мог позволить ему скопытиться. Все согласились. Мы давно распрощались с идеей приготовить что-либо на

ужин – и, в сущности, выкинули большую часть еды за борт, как приманку – но все понимали: пока есть огонь, есть шанс выжить.

На закате я потерял даже намек на аппетит, а теперь меня еще и покрывали слои холодного мескалинового пота. Время от времени по спине пробегала дрожь, из-за которой вибрировало все тело.

В такие моменты моя речь неожиданно ослабевала, а голос выводил трели в те несколько секунд, когда я пытался успокоиться.

– Господи, – сказал я Капитану Стиву в первом часу ночи, – как хорошо, что ты избавился от того кокаина. Не хватало нам только амфетаминов.

Он кивнул, кося под мудреца, наблюдая за вспышками в воде, крутанулся на стуле и издал серию диких криков. Зрачки нездорово посветлели, зашлепали губы.

– О, да, – выпалил он, – только их нам сейчас не хватало.

Я попятился, не спуская глаз с его рук. Эккермана в наличии не было, но я слышал, как он блеет в ритме стаккато откуда-то километров за 150 от нас. Он был на носу – носился там с острой, выжидая изменений ветра и ругаясь с далекими скалами.

– Вы, безмозглые косоглазые, – орал он, – а ну-ка погасите эти долбанные огни!

Капитан Стив перегнулся через киль и утопил еще один, последний в нашем рационе, хот-дог.

– Что стряслось с этими япошками? – ворчал он. – Они, никак, подают нам сигнал.

– Ага, – отозвался я, – это старая Ки-Эстовская уловка – врубить ложный маяк и приманить лодку на рифы.

Внезапно он отскочил назад и завопил:

– Боже! Морская змея!

– Чего?

– Морская змея! – он указал на воду. – Смертельный яд, мгновенная смерть! Она прошла вплотную к моей руке!

Пожав плечами, я плеснул новую порцию керосина в хибати и растворив в ночи еще один огненный шар.

Я схватил ведро воды, которое на всякий пожарный поставил на палубе. Капитан Стив шатался во все стороны, прикрывая лицо от пламени.

– Осторожно! – закричал он. – Оставь ты в покое этот огонь!

– Волноваться ни к чему, – сказал я, – я знаю, что делаю.

Его пальцы нервно скребли карманы.

– Где она? – зашипел он. – Я давал тебе бутылку?

– Какую бутылку?

Он упал и сграбастал стул, когда нас подхватила очередная большая волна.

– Тема, – вопил он, – где чертова тема?

Я держался за одну из хлипеньких ножек хибати, которая почти перевернулась. Наконец волна спала, и мы вновь устроились в болоте.

– Дурак, – сказал я, – ее нет. Ты ее выбросил.

– О чем ты? – закричал он. – Куда выбросил?

Мне хватило одного взгляда на его зрачки, чтобы поспешить в кабину за пивом. Капитан Стив впервые попробовал мескалин, и тот явно завладел его мозгом. По замешательству, намалеванному на его лице, было видно, что он ни черта не помнит о том, как унес бутылку с последним нашим допингом в кармане штанов, когда отправился с аквалангом в море, чтобы обезопасить якорный канат, намотавшийся на громадный камень на дне, на глубине 30 метров.

Когда он вернулся, я изъял у него бутылку и ополовинил смесь соли с горечью в один присест. Эккерман, быстро расчихавший природу трагедии, залпом осушил остатки.

Выбора у нас не было. Бессмысленно пытаться спасти кокаин после того, как смешал его с морской водой.

Капитан Стив пропустил очередь – что было справедливым. Любой придурок, спускающийся на дно Тихого океана с двумя граммами кокаина в кармане, достоин самого сурового наказания; к тому же он ошизел от психоделиков.

Дело плохо, решил я. Пора прятать ножи.

Я очнулся на рассвете и обнаружил вырубившегося Эккермана, похожего на животное, не пережившее передоз, и Капитана Стива, в бешенстве бродящего по кабине, сражающегося с клубком ве-

ревок и без конца твердящего самому себе:

– Батюшки святы! Надо выбираться отсюда!

Я очухался и вылез из кабины, где пару часов продрых на валике, усыпанном рыболовными крючками. Мы еще были под крылом у скал, поэтому утро выдалось морозное. Огонь давно потух, а термос изредка потрескивал ночь напролет. Палуба умывалась вязкой смесью керосина и плавающей копоты.

Ветер так и не ослаб. Капитан Стив, по его словам, бдел ночь напролет, не сводя глаз с якорного каната, готовый в любой момент рвануть за ним в воду.

– Никак не пойму, благодаря чему мы выжили, – пробормотал он, таращась на скалы, где вокруг костров по-прежнему теснились поселения подлых япошек. – Теперь хоть понятно, почему все так относятся к Южной Точке. Это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** опасное местечко.

– Земля По, – констатировал я.

– Ага, – поддакнул он, сматывая последнюю из наших ночных лесок.

Все хот-доги сожрали угри, обглодали крючки дочиста. Даже морская змея не позарилась на столь дебильную наживку. Вода вокруг нас кишела дрейфующим мусором: пивными бутылками, апельсиновыми корками, пластиковыми мешками и искореженными банками из-под тунца. Метрах в десяти от кормы плавала пустая бутылка из-под виски с клочком бумаги внутри.

Эккерман запустил ее в море еще ночью, когда добил то, что было внутри. В емкость он запихнул клочок почтовой бумаги из таверны «Кона», на которой накалякал: "Берегись! Здесь рыбы **НЕТ!**"

По моим подсчетам, мы были уже на полпути к Гуаму, служа предостережением для всех дураков, которые соберутся порыбачить на Земле По.

Капитан Стив хмуро взирал на якорный канат.

– Все, что нам теперь осталось, – проговорил он, – это поднять якорь и убраться отсюда к чертям собачьим.

Он качнул головой и выдал нервический свистящий звук.

– Дай-ка я тебе кое-что разжую, – добавил он. – Мы В РУБАШКЕ РОДИЛИСЬ, раз еще живы. Это худшая ночь, что я провел в своей жизни.

Он указал в сторону суши, где прибой бился и пенился о камни.

– Хоть раз бы ветер изменил направление, – сказал он, – и нас бы закрутило так быстро, что я б и двигатель завести не успел. Сейчас бы уже лапы склеили.

Он все еще не отрывался от якорного каната. Я знал, что другой его конец был тщательно обвит вокруг камня глубоко под нами, и мы оба понимали, что от нас требуется. Не было возможности ни поднять его, ни сманеврировать лодкой, чтобы размотаться. Нам выпало либо перерубить канат, либо отправить кого-то с аквалангом, чтобы развязать узел.

Мы постояли на кормовом подзоре, всматриваясь в ледяную черную воду. Кандидатура Эккермана не рассматривалась, оставался Капитан Стив и я. Он ходил ночью, так что пришла моя очередь. Справедливо. Закон моря, истинный краеугольный камень жизни в стиле мачо.

Я застегнул куртку и открыл пиво.

– Сколько стоят якоря? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Ну... с 27-метровой длиной каната при, скажем, шести долларах за метр...

Похоже, он скрупулезно складировал сумму в уме.

– Ага, – заключил он. – Четыреста где-то, может, четыреста пятьдесят.

– Почти даром, – обрадовался я, извлекая из футляра нож, – я выпишу чек.

Я свесился, чтобы взяться за канат, готовя наше освобождение. Ничто, кроме физического насилия не могло затащить меня в воду тем утром.

Капитан Стив остановил мою руку, прежде чем я успел резануть канат.

– Минутку, – сказал он. – Я не могу вернуться в порт без якоря – они насмешками меня из города выживут.

– Да пошли они все на хуй, – ответил я, – их бы сюда вчерашней ночью.

Стив надел баллоны с воздухом.

Он спускался за борт, а я провожал его взглядом.

* * *

Было 4 февраля, погожее, теплое утро. Туземцы бухты Килакекуа поднялись рано, узнав, что большие корабли отбывают. Берега, разделенные огромной, черной скальной плитой заполнили смуглые тела, некоторые аборигены размахивали тряпками.

Для людей Кука это было ярким свидетельством сожаления о расставании после удовольствия от иноземного визита. Для гавайцев то были странные две с половиной недели, загруженные, эмоциональные, даже травматичные, как никакой иной период их жизни за всю историю: напророченное пришествие; радостное событие за огромную цену.

Ранним утром 6 февраля они подошли к северной оконечности глубокой бухты Гавайев, Юполу Пойнт. Здесь они закончили свое плавание по часовой стрелке вокруг острова, в соответствии с легендой о Лоно. Следующие 36 часов дул сильный ветер.

8 февраля, три года спустя – почти час в час – с того дня, как Кук вызвался в Адмиралтействе возглавить это путешествие, фок-мачта «Резолюции» треснула... Двигаться так дальше они не могли еще и из-за того, что утечка под надзором кормы открылась с новой силой, как недолеченная рана.

Разразился шторм, и Кук был вынужден принять непростое решение, где встать на ремонт. Должен ли он продолжить движение на Мауи в надежде на убежище на западном или южном побережье, которые он еще не исследовал? Или, может, держать курс на другой остров? Кауаи и Ниихау уже показали себя, как малообещающие. На всем маршруте только бухта Килакекуа была безопасной стоянкой. Чтобы выиграть время, Кук послал Блая через ураганные воды, дабы ознакомиться с обстановкой на втором корабле. Теперь обе команды встали перед дилеммой. Они оставили без подножного корма целый район. Съев всех тех свиней, они лишили туземцев части припасов. Ремонт занял бы минимум неделю или даже две.

Куку предстояло выбрать из двух направлений, и в 10 утра 8 февраля две шлюпки двинулись на юг к их проверенному убежищу. "Все были раздосадованы, – писал Король, – и проклинали фок-мачту".

Ричард Хью «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

* * *

Эккерман проснулся, когда Капитан Стив еще был на погружении, и я поведал ему историю.

– Вот ведь чиканашка, – пробурчал Эккерман, вынимая нож для подводной охоты из футляра на ноге. – Заводи движок, пусть гребет обратно.

Он начал резать канат, потом засомневался и отступил.

– Нет, – сказал он, – как только мы заведемся, он услышит шум и пулей сюда примчится. И заработает благодаря нам кессонную болезнь.

Капитан Стив, наконец, вернулся с глубин и дал мне знак поднять якорь. Двадцать минут спустя мы уже вновь боролись с прибоем, держа курс на север с непринужденной скоростью с троллом. Капитан Стив совсем ослабел, забираясь на борт, и уронил акваланг на ногу Эккерману, раздракотив ему большой палец и захлестав кровью всю палубу. Эккерман жадно проглотил очередную пригоршню драмина и впал в глубочайший ступор. Мы положили ему на ногу пузырь со льдом и уложили, как жмура, на валик в тени мостика.

Я встал у штурвала, пока Капитан Стив разбирался с утлегарями.

– Ты что, окончательно выжил из своего долбанного ума? – проорал я со своего насеста на тунцовой башне. – Отвали от этих лесок! Иди поспи.

– Нет! – крикнул он. – Это рыболовецкая лодка! Мы ДОЛЖНЫ поймать рыбу.

На нем уже начало сказываться напряжение от длинной ночи. Глаза набухли, как тухлые яйца; он так тщательно пережевывал губы ночью, что теперь едва мог говорить. Пытаясь вскарабкаться на мостик, он потерял равновесие и рухнул на спину в каюту, где яростно забился в луже кровавой грязи.

Зрелище не из приятных. С мостика мне открывался вид на палубу с капитаном и первым помощником, и оба выведены из строя. Один походил на мертвеца с раззявленной пачкой и закатившимися зрачками, другой дрыгался, как рыба со свернутой шеей.

Каша из человеческих модулей подо мной выглядела так, будто Король Камехамеха вернулся в Кону с очередной серией боевых действий и устроил на несчастных засаду. А мы – жертвы того же чудного высокомерия, что погубило гавайских воинов в период Великих Завоеваний. Мы угодили в

жернова иступленного покорения – оказались в ненужном месте в ненужное время и, вероятно, за зря – и теперь плелись восвояси с залитой кровью палубой и нервами, сварившимися до состояния желе. Все, на что мы сейчас могли уповать – это на возвращение без эксцессов, радушный прием наших друзей и красотку на палубе. Тогда мы сможем отдохнуть и зализать раны. Я не мог бросить штурвал, в противном случае, лодку закружит, и винт запутается в лесках. Чтобы приманка не скрывалась из виду, приходилось поддерживать скорость в 1750 оборотов в минуту и двигаться, не сбиваясь с курса. Любое изменение скорости или направления грозило гибелью.

Если винт запутается в водорослях, придется канючить по радио, беспомощно раскачиваясь на волнах часов 8, пока спасательная лодка не явится нас отбуксировать.

Неприемлемо. Команда была не в том состоянии, чтобы сдюжить еще одни сутки в море. Я правил лодку ближе к берегу, слегка налегая на тормоз. Если прямая – самое короткое расстояние между двумя точками, рассудил я, то прямая на предельной скорости существенно сократит дистанцию.

Я все еще поздравлял себя с прорывом в высшей математике, когда был взбудоражен пронзительным воплем снизу. Я перегнулся через перила, чтобы увидеть, как коленопреклоненный Капитан Стив на корме в бешенстве указывает на бережно установленную приманку, записавшуюся в ВДВ и прыгающую в связи с этим над водой, как летучая рыба.

– Сбавь обороты! – кричал Стив. – Ты что, спятил?

Это я-то спятил, подумал я, едва не сбросив ему на башку бутылку пива. Заданный им курс завел бы нас далеко в море через марлиновые косяки. Ленивая параболическая петля прибавила бы нашей прогулочке два-три часа. Капитан Стив все еще был одержим идеей поимки рыбы. Глаза лихорадочно сверкали.

– Забудь, – заорал я, – шутки в сторону. Пора домой.

Лицо пиздострадальца говорило мне, что спорить бесполезно. В его мозгу не было пространства для мысли о возвращении в порт без рыбы; и мне казалось, он вот-вот махнет за борт с ножом в зубах, если сочтет, что оно того стоит. Помимо всего прочего, это была ЕГО лодка. Я не был готов взбунтоваться, поэтому дал по тормозам и сменил курс, чтобы его порадовать. Он вновь захлопотал над лесками и взялся за пиво. Я занял выгодное положение и какое-то время слушал радио, клюя носом по мере того, как солнце раскалялось. Периодически меня будили взрывы тарабарщины, издаваемой рацией:

– ...вызываю Ципочку, ответьте!

Продолжительная пауза и треск сквернословия, а затем:

– Чертпоberi, чертвозьми, да, чертпоberi, да, это Ципочка. Вас слышу, каковы ваши координаты? Прием.

– Они не наши. Прием.

(Грубый ржач и еще большая ругань)

– Так вот, чертвозьми, там и оставайся, урод, и даже не приближайся ко мне.

– Что? Ципочка, повторите!

– Держись от меня подальше. У меня на борту две голые девицы.

(Пауза и треск)

– Каковы ваши координаты, Ципочка? Я сам голый. Давайте скооперируемся.

Балагур продолжал отмачивать еще какое-то время, а я крутанул штурвал, чтобы лодку не качало, и спустился за пивом. Капитан Стив прокрался в кабину и вырубился на морозильной камере. Я немного за ним понаблюдал, а, убедившись, что он действительно спит, вернулся на корму и смотал лески. Вид Эккермана по-прежнему отдавал мертвечиной. Казалось, он еле дышит, я перевернул его на другой бок и обмотал вокруг шеи ремень, чтоб засечь, если он вдруг начнет задыхаться.

Вслед за этим я поднялся на мостик и навел лодку четко на порт, ведя ее так близко к берегу, что почти читались дорожные знаки на шоссе. Я врубил радио, дабы заглушить шум движка, набрал скорость, и наша баржа уже парила параллельно морю, как занюханная моторка для прибрежных гонок. Ага, подумал я, мы ввели новый вид рыбалки – изнурить этих гадин, повышибать им мозги винтом, а потом развернуться и подобрать то, что останется.

Три часа спустя мы встали перед бум у порта и размотали лески, затем я долго выворачивал Эккерману ногу, пока не разбудил. Он забился, как аллигатор в западне.

– Тихий час кончился, – сказал я, – настал час труда. Мы дома.

Он сел и осмотрелся, потом медленно встал и дотянулся до бутылки рома в ящике для инстру-

ментов.

– Где капитан? – спросил он.

Я показал на Стива, все еще дрыхнувшего на морозилке в считанных сантиметрах от перил. Эккерман дошел до него, дал ему подсрачник и жестоко выкинул за борт.

Капитан Стив озверело ухватился за рукоятку, но все равно упал в море. Он вырвался на поверхность, плюясь, но еще до конца не проснувшись, и отчаянно цепляясь за скользкую часть лодки.

Эккерман хотел было втащить его на борт острой, но я его присмирил.

После того, как он достал из воды Капитана Стива, тот немного подулся в каюте и, наконец, принял штурвал. Он привел лодку в порт, угрюмо сидя на корточках на мостике и игнорируя взгляды улыбающихся канаков у дока с горячим.

Нас никто не встречал, но значения это уже не имело. Бойцы вернулись с Земли По, и им было что рассказать. Но только не в порту и не в таверне. Слишком уж зловещую байку мы принесли. Капитан Стив все еще торчал на мостике, пока мы с Эккерманом выгружали наше барахло и готовились свалить.

– Куда направляетесь, ребят? – окликнул капитан. – Не в «Хагто» ли?

Я пожал плечами, слишком изможденный, чтобы думать о том, куда податься, только бы подальше от моря. Я чувствовал себя так, словно взобрался на гору или подал заявление на вакансию ковбоя на ранчо.

Ощутить сушу под ногами, пить джин ночь напролет и бегать голышом. Но когда я обмолвился об этом Эккерману, он помотал головой.

– Нет. – сказал он. – У нас теперь одна дорога – в Город-Заповедник.

Жизнь на балконе

Пора было сваливать. Эккермановская затея дернуть в Город-Заповедник поначалу казалась привлекательной, но то, что предстало нашим глазам по возвращении с Южной Точки, нельзя было вылечить поездкой по побережью до какого-нибудь предрассудочного дряхлого храма, неподалеку от которого мы найдем или не найдем заповедник. Так, решил я, по боку это глупое туземное фуфло. Где телефон? Что нам надо, так это быстро связаться с "Алоха Эйрлайнз".

Эккерман согласился. Нас обоих ошеломил хаос, наблюдаемый нами из кабриолета, пока мы ехали. Тот же шторм, что едва не завалтузил нас до смерти в океане, прошлой ночью переместился на север и всыпал побережью Коны 4,5-метровыми волнами и слепящими муссонными дождями. Минувя Хонокохау, мы наблюдали брошенные машины и мопеды по всему Алии-Драйв, заваленному древесиной и шершавыми черными камнями. Громадные волны долетали до шоссе по исчезнувшему пляжу, и у нас заняло почти два часа, чтобы добраться до жилища, которое испытывало на себе нештучный прибор.

* * *

Все ощутили основательные перемены в атмосфере в бухте и контраст по сравнению с предыдущим их пребыванием. Каноэ на воде не было, ни один зритель не вышел на шкот скалы на всем протяжении гребня. Кто-то из людей Кука забеспокоился, другие, как подметил Король, чувствовали свое самолюбие ущемленным. И в тот момент, когда все решили, что население эвакуировано или вымерло от какой-то чумы, показалось одинокое каноэ, направлявшееся к «Дискавери». На продольном мостике шлюпа возвышался свирепого вида вождь в красной мантии с оперением. То был племянник короля, Камехамена, чье появление так встревожило их тремя неделями раньше, когда он представился им вместе с двумя сыновьями Террибу.

Мастера-парусники, плотники, моряки и сам Король не встретили никаких возражений против возобновления их лагеря и палаток. Кто-то даже перенес на берег часы и телескопы. Жрецы выглядели не менее дружелюбными, чем раньше, и у плотников появилась возможность приняться за дело, чистя основание мачты, снимая треснувшие фиши, вытачивая новые из твердого дерева, которое чудесным образом сохранилось у них еще с Мури.

Следующим утром Король Террибу прибыл в бухту, как и раньше, с большой помпой и на приличной скорости. Табу с вод бухты было немедленно снято, и внезапно все встало на свои места, как

в те дни, когда несчетное число каноэ курсировало между берегом и кораблями, а шум и суматоха торговли не утихали от заката до рассвета.

Но кое-что изменилось. В гавайцах притаилась жажда насилия. По лицам прошел рубец враждебности, словно вулкан Мауна вновь извергнулся, и вот-вот хлынет лава ненависти.

Трясущийся король Террибу, поддерживаемый сыновьями, прибыл на «Резолюцию». Зачем они вернулись? Что они делали? Сколько здесь пробудут?

– Он выглядел крайне недовольным, – заметил Джем Берни.

Ричард Хью «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

* * *

Оба дома пустовали, бассейн затопило, прибой пускал слюни у веранды, а шезлонги, облепленные чем-то вроде красных водорослей, беспорядочно раскидало по лужайке. Более тщательный осмотр выявил, что «водоросли» – это две-три сотни тысяч китайских шутих, наводнение красной рисовой бумаги от дюжин китайских громомолний, которыми мы развлекались. Я прикинул, что, наверное, пиротехнику выбросило в море, а потом принесло обратно.

Ральф уехал, прихватив семью. Дверь в их дом была открыта, а место, где он парковался, по лоджку залило соленой водой. Фасады обоих домов загажены слоем красной слизи. Ни малейших признаков жизни. Всему кранты; оба дома атаковал разорительный прибой, и первой моей мыслью было: все, включая обитателей, волновой толчеей засосало море и насмерть заколошматило о камни.

Эккерман отверг это предположение, сказав, что они, наверное, перебрались на более высокую точку еще до того, как прибой забился о крыльцо. Такая процедура была стандартной для Алии-Драйв зимой: пожарные сирены, дорожные заграждения, паника и принудительная эвакуация всех прибрежных жителей силами гражданской обороны.

– Это ежегодное явление, – признался он, – потери – несколько домов, несколько машин, но людей – совсем немного.

Я продолжал рыться в спальнях в поисках признаков жизнедеятельности, одним глазом поглядывая на море. Я знал, что эта срань могла нагряться в любой момент без какого бы то ни было предупреждения, как бомба. Даже сейчас я представляю себе Ральфа, цепляющегося за щербатые камни в пасти рычащего белого прибоа с криками "Помогите! Помогите!". В его ногу впираются большущие челюсти тихоокеанской зубатки.

Что бы мы сделали, услышав его крики и увидев, как он сражается с морем в сотне метров от нас?

Ничего. Стояли бы и смотрели, как волны колотят его о камни, раз за разом. К утру от него осталось бы мокрое место.

Я попытался заставить себя добыть большой прожектор, чтобы поискать Ральфа в море, но мне не хотелось. Что если я его обнаружу? Это зрелище не покинет меня до конца дней... Видеть, как он умирает в луче моего фонаря, бешеные глаза горят в пене нахлынувшей волны, потом он исчезает...

Голос Эккермана послышался в тот момент, когда гигантская волна ударила по бассейну, подбросив в небо тонны четыре воды.

Я сиганул с крыльца и припустил к подъездной дорожке. Возвышенность, думал я. Нужно лезть на гору. Подальше отсюда.

Эккерман зывал ко мне с балкона коттеджа сторожа. Я взлетел по ступенькам, мокрый насквозь. Он сидел за столом с пятью-шестью людьми, преспокойно пившими виски и курившими марихуану. Весь мой багаж, включая печатную машинку, был сложен в углу на веранде.

Никто не утонул, никто не пропал без вести. Невеста протянула мне косяк, я глубоко втянул. Ральф, доложили мне, испарился в районе полудня, когда красная липкая волна швырнула ему на крыльцо 25-килограммовую связку зеленых бананов. На лужайку выбросило сотни мертвых рыбин, дом внезапно наводнили летучие тараканы, а море подкатилось к полу.

Сторож сказал, Ральф отвез семью в отель "Король Камеха" у причала в центре Кайлуа, после того, как обломался с билетами на ночной рейс в Англию.

– Где собака? – спросил я.

Я знал, что Сэйди очень привязалась к зверю, но его трупа в этой разрухе я не наблюдал.

– Они взяли ее с собой, – ответил сторож, – тебе просили передать записку.

Он вручил мне скомканный клочок гостиничной бумаги, влажный и грязный от пачкотни Ральфа. В записке говорилось: "Я больше не могу. Шторм нас чуть не убил. Не звони. Оставь нас в покое. Гостиничный врач позаботится о Руперте и вышлет его после карантина. Пожалуйста, организуй все как надо. Сделай это для Сейди. Она сидит. Все было хуже некуда. Я с тобой поквитаюсь. С любовью, Ральф".

– Боже, – проговорил я, – Ральф готов. Совсем расклеился.

– Он знал, что ты так скажешь, – отреагировал сторож, принимая у Эккермана косяк и делая глубокую затяжку, – вот почему он оставил тебе собаку. Он сказал, так будет правильно.

Я сложил записку и убрал в карман.

– Разумеется, – согласился я, – Ральф – художник. Он очень остро чувствует что хорошо, что плохо.

Мы посидели на веранде, смоля свежую марихуану и слушая "Асов Атасных Ритмов", а потом поехали ночевать к Эккерману. Наше поселение затопило, вода пропитала все полы. Нечего было и пытаться здесь заснуть.

Ральф уехал, а я слишком притомился, чтобы ему звонить. Скоро он и родные сядут на самолет до Англии, отчаянно вцепившись друг в друга и слишком истощенные, чтобы спать дольше двух-трех минут в один присест – как уцелевшие в жутком кораблекрушении и лишь наполовину осознавшие, что же с ними приключилось. Они непременно будут досажать пассажирам своими стонами и плачем, пока стюардесса не уgomонит их снотворным.

В эти дни жизнь на побережье Коны течет неторопливо. Рыба все так же питательна, солнце светит, с Таити дует ветер...

Но в воздухе висит какое-то новое спокойствие, не имеющее отношения к погоде. Свирепствует скверная тоска. Люди снимаются и – на корабль. Все побережье выставлено на продажу, и даже престельные сестры-дикарки Чан собираются двинуть на материк. Бум Коны недавно сошел на нет, и серферы спешно выписываются.

Никакие мои доводы не заставят их передумать. Здешним людям я по душе, но моим суждениям они не доверяют.

Поэтому я коротаю ночи на балконе номера 505, в люксе Королевы Каламы в отеле "Король Камехамеха", из которого открывается вид на все – целиковая прибрежная часть Коны, вулканы Мо в снежных шапках и особенно городской волнорез в бухте Кайлуа, возле которого всегда кто-то трется.

Мне здесь нравится. Культивирую у себя вкус к балконной жизни. Счет оформлен на имя Ральфа, но не суть. Менеджеры покроют.

Они сами взвалили на себя ответственность за все неполадки с собакой Ральфа, которую все еще держат в международном карантине. В питомнике она рехнулась от блох, будучи под личным наблюдением гостиничного ветеринара, и теперь они официально за нее в ответе. Причем, не только за Руперта, но и за любое мое повреждение мозга, опухоль, слепоту, пропущенные дедлайны, снижение дохода или какое бы то ни было другое огорчение, боль или психические муки, полученные от укуса осы в глаз в баре у бассейна. Тварь впечаталась в меня и застряла между лицом и очками, после чего трижды тяпнула в глазницу. Голова угрожающе вспухла, и все, что мне дали – это грязный носок со льдом, от которого все разболелось похлеще, чем от укуса. Попросив о помощи, я обрек себя на общение с доктором Хо, ветеринаром "по большим зверушкам".

Так или иначе, теперь я у них на руках. В некотором роде я удерживаю господствующую высоту и отказываюсь выехать, пока мы не найдем консенсус.

Дабы управиться с необъятным иском, я нанял адвоката-корейца из Гонолулу... тем временем, я научился кайфовать в отеле, который на поверку оказался не так плох для проживания. Внизу навалом приятных магазинов и три бара. Правее – большой голубой бассейн, левее, на берегу через бухту – «Халихи-палас» и тьма зеленых лужаек, сбегających к молу, Дому Лоно и месту похорон Камехамехи Великого.

Он кинул кони в хижине под соломенной крышей в тени королевских пальм 8 мая 1819 в возрасте 61 года. Его старшие шаманы бросили тело в кратер вулкана, а кости предали земле в секретной пещере, которую никто так и не нашел. В честь Камехамехи воздвигли множество памятников на Гавайях, но только не могильную плиту. Те же шаманы, что участвовали в погребении костей, съели его сердце из-за силы, заключенной в нем – так же, как когда-то сам Камехамеха съел сердце капитана Кука.

Разборки по-конски

В конце городского мола Кайлуа – громадные весы, установленные япошками из местного ледохранилища, которые регулярно покупают каждую рыбку в порту и отправляют в Токио, там ее шинкуют на суши, повторно замораживают и высылают обратно в Лос-Анджелес. Суши – популярный бизнес по всему Тихому, а японские рыбные брокеры контролируют большую его часть.

Лицензии на суши на Гавайях куда прибыльней, чем на игровые автоматы в аэропорту Лас-Вегаса. На суши всегда большой спрос, чем рынок может предложить. Единственное, что варьируется – это цена, которая простирается от 10, а порой 20 долларов за килограмм на Рождество до 40 центов за кило в пик сезона рыбной ловли, открытого на побережье Кони с мая по сентябрь. Количество суши для рынка при этом колеблется от 10 до 20 тонн ежедневно.

Ахи, большой желтоперый тунец – далеко не бестселлер, но стоит кучу денег. Ахи – это суши в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке, равно как и в Токио – а в рождественские недели, когда спрос взлетает, складская цена за крупную ахи в Коне доходит до 10 или даже 20 долларов за кило.

Обычно она не идет ниже доллара, что делает ее заманчивой для ловли. Но ахи не самая обаятельная рыба в Коне. Эти места славятся марлином. **КРУПНЫМ** марлином. Именно его все здесь хотят видеть на тарелке. Любая лодка под традиционным темно-синим марлиновым флагом на корме враз меняет настроение толпы.

Побережье Кони – рыбная столица Гавайев, бухта Кайлуа – это социальная и коммерческая ось побережья Кони, а громадная «висельная» установка на весах на моле перед моим отелем – то самое место, где рыбные профи Кони живут и умирают каждый день на всеобщем обозрении.

Спортивная рыбалка в Коне – серьезный бизнес, а в 4 пополудни на кончике мола начинается шоу местных чартерных капитанов. Сюда они привозят взвешивать рыбу и фотографируются рядом с ней, если поймали что-то стоящее. Весы-весищи на самом краю служат для триумфаторов и их улова, а неудачники здесь даже не показываются.

Лодки без пятен крови на палубе к молу не подходят; они быстренько чешут домой – в порт, что в 13 километрах к северу. Последние километры от буя зачастую превращаются в долгую и суровую прогулку для шкипера с полной нагрузкой лодки, если клиенты выложили \$500 за день за то, чтобы вернуться ни с чем. Хонокау на закате – далеко не рай на земле. В сумятице всех этих неудачников прибой все больше колотится о кромку черной лавовой скалы, смотрящей на док, и начинает рвать. Всем подавай недоеденное в обед мясо, а не рыбу, и ужасная сцена предстает перед их глазами после дня, угробленного на безнадежные попытки что-то поймать.

Каждый день большинство лодок возвращается в Хонокау. Но немногие придут к молу, где разыгрывается совсем иной спектакль – особенно в "жаркий денек", когда полгорода уже оповещены о чьей-то победе по радию, вещающей из открытого океана о том, чтобы приготовили весы для нешутливого действия по прибытии судна.

В районе трех толпа начинает собираться на моле. Джимми Слоан, профессиональный фотограф, прикрепленный к молу, чтобы вкрячить в историю снимки 8 на 10 по \$10 каждый. Парень из "Таксидермии Грея" непременно будет охотиться на тех, кто захочет увековечить свой трофей.

А для тех, кто не захочет, рядом будет стоять пикап «Датсун» из ледохранилища, всегда готовый отстегнуть за добычу налом. Марлин идет по дешевке: 50 центов за кило, так как есть его станут только японцы, и основной рынок – Токио, расположенный почти за 5 тысяч километров отсюда.

Парни, которые заправляют весами почти всегда в курсе, чего им ждать, но понятия не имеют, когда... отчего к 16.00 у них сдают нервы. Любый шкипер, отпартовавший о крупной рыбине, прибьет не раньше сумерек, а ждать его никому не охота.

Толпа осведомлена. Разносится молва, туристы затаривают фотоаппараты. Лодки подваливают с запада напрямик к закату. В тихий летний денек можно стоять на моле и за 15 километров наблюдать, как к берегу чешет судно. Сперва это лишь белая точка на горизонте... Затем – отблеск солнечного света от шпиля тунцовой башни... Вскоре белая точка брызг за кормой взбалтывается струей от быстрого приближающегося корпуса.

Вот она лодка – достаточно подошла, чтобы обладатели хороших биноклей могли различить флаг, который полощется на мачте утлегаря. На фоне алеющего неба Тихого океана у белого стяга ахи ощутимо выигрывает синий – он подтолкнет толпу к весам куда расторопнее, когда спадет первый выкрик "Синий!"

Любой успешный чартерный капитан понимает разницу между рыбным бизнесом и шоу-бизнесом. Первый имеет место там, в глубоких водах, второй помыкает чудаками раскошеляться за рыбалку. Поэтому когда тебя приносит в бухту Кайлуа на закате с громадной амфибией, торопиться тебе не с руки. Просочись в бухту, заложив протяжную изящную дугу на фоне парусников и вулканов, потом разверни лодку к молу, преисполнившись форсу бандитского и проверни такую шлюпочную драму, на какую только способны ты и твой экипаж.

Шкипер – на ходовом мостике, обозревает толпу и ведет судно обеими руками, заложенными за спину: одна рулит, другая на тормозе.

Палубный матрос и клиенты при этом стоят на корме, тоже встречая взглядом толпу и вылезая из кишок, чтобы не сделать что-то неправильно или неуклюже в этот критический для всех момент, по мере того, как лодка пятится к весам, а цепная лебедка тянется за их уловом.

Большинству морских чертей, выложивших свои кровные за привилегию поохотиться на крупняк в компании больших шишек, идя на мировой рекорд в водах Коны, до лампы, что станется с пойманной рыбиной после того, как они снимутся рядом с бестией, висящей во весь рост на дыбе на краю мола. Прибытие Рыбы в город – фактически единственное действо за день; ибо рыбалка-спектакль – именно то, что характеризует побережье Коны (не считая всех слухов об урожаях ма-рихуаны и неправдоподобном риэлторском кидалове).

Разборки по-Конски подразумевают вторжение в порт к весам с одной БОЛЬШОЙ рыбой, а не тремя-четырьмя сдохляками, и толпа на моле это осознает. Они во весь голос высмеют любой улов, который можно извлечь из лодки чем-то мельче подъемного крана.

На заходе солнца в воздухе носится жажда крови. К пяти толпа пьяна и безобразна. Пара, впервые выехавшая на каникулы из Питсбурга, стоит на моле и, как дуэт прожженных экспертов, рассуждает о габаритах рыбы размером с компактное авто, которое они арендовали в аэропорту.

– Насколько велика эта штука, Генри?

– РЕАЛЬНО большущая штука, дорогая. На весах цифра 1.21, но это может быть только голова. Тело, как у коровы, думаю, весит с тысячу.

Настроение вокруг весов на закате в бухте Кайлуа – серьезная драма, и с каждой новой лодкой напряжение растет.

К пяти вечера в удачный день они требуют 500-килограммовых и клянут капитанов, приносящих что-то меньшее.

Линчевания не избежать никому, ибо даже 50-килограммовая ахи уходит япошкам из ледохранилища по \$2,78 за полкило в июне – этого достаточно, чтобы оплатить горючее за весь день и стоимость самого похода – а цена за то, чтобы не представить рыбу на суд толпы и щедрых япошек слишком высока даже для серьезных шкиперов. Они сшибают кучу денег за оказанные услуги, и одна из них – фотографировать клиентов на моле с добычей – даже за скромного 45-килограммового марлина, чуть не оторвавшего руки тому, кто его ловил, вплоть до момента истины на весах "будет стоить не менее пяти сотен".

Любая рыбина выглядит огромной, когда пружинит в 6 метрах на конце твоей лески. 50 килограмм кажутся миллионом, когда ты провоевал с ними пару-тройку часов; а за \$500 многие клиенты влюбляются в нее к тому моменту, как наконец заташат на борт.

Они жаждут фотографий 8 на 10 – начиная с момента входа в порт и заканчивая вздергиванием рыбины на виду у целой толпы, хорошо то или плохо. Хуже того, чтобы приволочь «выдру» – не приволочь ничего вообще.

* * *

Король Джеймс волновался не меньше. Он первым из высадившихся на берег заметил пропажу ялика. Его окликнул Берни, подгребая к «Дискавери» по пути на «Резолюцию». Клерке только что вернулся на корабль, а Король прибыл на борт в критический момент – когда Кук отважился на решительную и опасную акцию.

Когда Король начал излагать детали происшествий предыдущего вечера, Кук, как пояснил потом Король, "резко его перебил".

– Вот что я намерен сделать, мистер Король, – угрюмо объявил Кук, – доставить короля и кое-кого из вождей на борт и содержать под стражей в качестве заложников до возвращения ялика.

Кук удовлетворенно закончил заряжать мушкет.

– Ваша задача – охладить пыл индейцев на вашей стороне бухты. Сообщите им, что никто не пострадает. И вот еще, что мистер Король, не давайте им разбредаться и выходить из-под контроля охраны.

Король зашел на борт в тот момент, когда капитан погрузился в шлюпку. Он наблюдал, как шлюпка в сопровождении Уильямсона на баркасе и Ланьона в ялике двинулись на север от «Резолюции» – к месту высадки на Каауалоа. Король высадился на пляже и был встречен Бейли, взволнованно ожидавшим вестей. Вражеский говор едва доносился до них, уносимый восточным ветром. В лагере, среди моряков, плотников и остальных стояло возбуждение, равно как и среди аборигенов, тревожно стоявших вокруг.

Несколько каноэ сошли на воду, включая одно под командованием величавого и энергичного вождя Калирну. Их постигла та же участь, что и каноэ из Каауалоа. Король вспомнил слова Кука, приказавшего Ледьярду расставить людей с мушкетами, заряженными дробью, и открывать огонь при провокации, а потом направился в дом верховного жреца Коа.

Коа и остальные жрецы нервничали. "Я объяснил им, как смог, цель наших приготовлений, – написал Король в отчете, – я понял, что они уже слышали про кражу ялика, и заверил в том, что хотя Капитан Кук и намерен вернуть его и наказать виновников, жрецы и жители деревни на нашей стороне острова не должны даже допускать возможность того, что кто-нибудь из них хоть малейшим образом пострадает от наших рук".

Ричард Хью «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

На хуй послан: я богат!

Трагически и неожиданно покинув острова, Ральф оставил мне тучу бледских проблем, многие из которых были посерьезнее, чем судьба собаки Сейди. Половину Эккермановского урожая ма-рихуаны на Южной Точке ночью скоммуниздили копы или кто еще. В любом случае, сказал он, пришло время собирать жатву и ненадолго убраться из города.

– Сто пудов, они еще вернутся, – твердил он, – и если это копы, на сей раз они прихватят ордер. Мне нужно повыдергать ее СЕЙЧАС. Речь идет о паре сотен тысяч долларов.

Кроме того, не ладилось с мистером Химом, риэлтором, жаждавшим оплаты за наш постой – минимум две тысячи налом. Вдобавок, неизбежен был вопрос о корочке красного дерьма по всем владениям. Если она затвердела, снять ее под силу только промышленной пескоструйке.

Лично мне цвет нравился. Я окунулся в воспоминания о Востоке. Странные красные блики на домах в послеобеденное время. Я несколько раз проезжал мимо, и замечал, что даже трава на лужайке блестит. Бассейн иногда выглядел как кровавый холм, а частая листва на лимонных деревьях, казалось, вот-вот воспламенится. Окрестности вообще смотрелись иначе, овеянные аурой тайны и магии. Странные, но значительные вещи творились здесь. И, возможно, еще будут. В этом крылась своя красота, но производимый эффект выбивал из колеи, в связи с чем я не сомневался: Химу едва ли удастся сдать эти дома приличным людям.

– Рассчитайся с ним и не спорь, – посоветовал Эккерман. – Две тысячи – копейки, когда можно отделаться от такой свиньи, как Хим. Он из тебя всю кровь высосет. Тяжба затянется на годы.

Хим был могущественной фигурой в местной политике. Даже как-то избирался президентом Риэлторской Ложы Коны, но ушел из-за скандала.

– Он продавал несуществующие квартиры пенсионному фонду, – пояснил Эккерман. – Ксерил договор в трех экземплярах, облапошивал стариков. Господи, да половинадохлых строительных проектов на острове – химовских рук дело. Он настолько проворовался, что, наверное, ссытся в штаны каждое утро, но он богат и содержит ораву адвокатов, чтобы запикивать таких, как ты, в тюрьму Хило.

Я согласился, что тогда, конечно, лучше раз и навсегда расплатиться с мистером Химом, но мои золотовалютные запасы поисчерпались. Я дал ему две тысячи авансом, остаток был за Ральфом.

– Вот здорово, – обрадовался Эккерман, – теперь мы оба попали. Единственная наша надежда – это урожай. Нужно всего-то собрать все в мусорные мешки и доставить в аэропорт.

– Почему бы и нет, – согласился я.

Смысла в этом я не видел, но настроение мое портилось, а невеста отбыла в Китай на несколько

недель, бросив меня в не самой благоприятной ситуации. Я расслаблялся на крыше у Эккермана с термосом маргарит те несколько часов, пока он инспектировал состояние входов. Наконец, он вернулся с продуманным планом. Он говорил более, чем о двухстах тысяч долларов. Скорее, даже о миллионе.

Нам предстояло собрать добро в мешки и отправить почтой в отделение аграрного Техаса, где один тип, как-то меня наколовший, держал заброшенное ранчо. Такой объем, рассудил я, либо привлечет колоссальное внимание, либо вообще никакого. При последнем раскладе мы живем.

Если объявимся там недельки через две и обнаружим людей, тусующихся за телефонными столбами, на почтамт не пойдем. Но если все будет чисто, мы разбогатеет. Я знал людей в Хьюстоне, они отогнули бы сотню тысяч, чтобы только дунуть. Многие всю жизнь ждут шанса сделать что-нибудь в этом духе:

– Салют! Это ДеЛорейн, я – новый фронтмен "Трипл Сикс". Мне там почта не пришла?

За следующие секунды люди часто расплачиваются: нервные окончания напряжены до предела, а жизнь висит на волоске. Что бы дальше не произошло, это будет всерьез. Ни в Вегасе, ни даже в наркотиках нет ничего такого, что хотя бы шло в сравнение с ЭТИМ кайфом. Для того, кто подписался набить гавайской марихуаной сотню ящиков из-под пива, из техасского почтамта ведут лишь две дороги. Либо тебя подкараулят чекисты и уведут в цепях, а то и попросту прикончат в уличной разборке. Либо ты покупаешь марки или разглядываешь фото "Осторожно, разыскиваются", пока наемные грузчики таскают коробки в грузовик под зорким оком почтмейстера.

Эккерман изъявил готовность пойти на такой риск, посему мы скатились с горы до отеля "Король Камехамеха", где и поселились. Ральф позаботился обо всем, что касалось ухода за собакой, но нигде не упомянул ее опекунов, вследствие чего регистратор разнервничался, когда я сказал, что мы селимся в ральфовский люкс до разрешения вопроса. Предварительно я побеседовал с гостиничным доктором, который покался, что поддал, когда составлял заявление о врачебной ответственности, и теперь об этом сожалел.

– Это не просто пизданутая псина, – сознался он мне. – Это своего рода чау-чау-выродок. Когда я взвесил его сегодня, он весил на 2,5 кило больше, чем вчера. Тело растет, как гриб, соразмерно полному истощению центральной нервной системы.

– Не волнуйся, – сказал я, – я растил его с щенячьего возраста. Это был мой рождественский подарок дочери мистера Стедмана.

– Боже правый! – пробормотал он. – Что же тогда она вам преподнесла?

– Руперт бесценен, – ответил я. – С этого пса начнется целая порода, когда мы доставим его в Англию.

– Ужасная затея, – сказал врач. – Если бы у меня была подобная собака, я бы ее усыпил.

– Такое решение вне нашей компетенции. Мистер Стедман оставил инструкции. Наше дело их выполнять.

Доктор согласился. Равно как и регистратор, от которого, тем не менее, ускользнули кое-какие детали.

– Кто-то должен вот тут подписать, – заявил он, – и собака этого сделать не может.

Он обратил взор на счет, который держал в руках.

– Кто такой Руперт? – спросил он. – Это единственная подпись, которую я могу распознать.

А, действительно, кто он, подумал я и уставился на горбинку его носа. Руперт – имя собаки, но я знал, что такой поворот клерка не воодушевит. Эккерман был снаружи, на стоянке, с десятью мусорными мешками сырой марихуаны. Он пребывал в боевой готовности загрузить их в лифт и откантовать в номер Ральфа на тележке. Назад пути не было.

– Не стоит беспокоиться, – сказал я, – мистер Руперт скоро придет и подпишет все, что пожелаете.

В ту же секунду в фойе возник Эккерман. Он злобно жестикулировал, минуя стойку.

– А-а! Мистер Руперт, – сказал я.

Эккерман пришел в замешательство.

– Вам надо здесь подписать, – продолжал я. – Собака слишком больна.

– Само собой, – отвечал он. – У меня с собой лекарство для бедного зверя.

Эккерман вынул из хозяйственной сумки пригоршню красных и желтых блошелонок – то были цвета Али. Голос клерка приобрел иной тон.

– Ах, да... собачка. Теперь припоминаю. Разумеется. Доктор Хо очень переживал. Животное в 505-ом номере, – он сверился с компьютером, – и в 506-ом, – буркнул он с осадком расшатанных нервов в голосе.

– Что?

– Это животное нужно усыпить! – клерк внезапно заорал. – Оно покрыто МИЛЛИОНАМИ красных блох! Мы даже ЗАЙТИ не можем в эти номера, не говоря уже о том, чтобы их сдать! Это вонючее существо обходится нам в триста долларов ежедневно!

– Знаю, – сказал Эккерман. – Мне придется ЖИТЬ с бедным зверем. Мистер Стедман взял с меня клятву, прежде чем улетел в Лондон. Он хочет, чтобы мы посадили этого пса на самолет сразу, как он будет готов к путешествию.

– Руперт теперь наша забота, – сказал я клерку. – ТОЛЬКО наша.

– Руперт? – переспросил Клерк.

– Не суть, – брякнул Эккерман. – Доктор Хо организовал специальный уход за ним. О деньгах забудьте. Деньги для мистера Стедмана – навоз.

– То то и оно, – подтвердил я. – Он – богатейший в Англии художник.

Клерк с уважением кивнул.

– Чем он обязан нам и никому больше.

Я подтянул Эккермана к стойке.

– Мистер Руперт, – пояснил я, – личный менеджер мистера Стедмана. Он разгребет любую волокиту.

Эккерман тепло улыбнулся и протянул все еще блекло-синюю руку. Клерк помедлил, явно встревоженный трупной окраской плоти мистера Руперта... но на руке росли светлые волосы и висел золотой ролекс. Регистратор смотрел настороженно, но, казалось, уже расслабился. Мы производили четкое впечатление живых людей, не взирая на эксцентричное поведение.

– Очень приятно, мистер Руперт, – сказал он, – вылезая из-за стойки, чтобы пожать Эккерману руку, – мы окажем вам всестороннюю помощь.

– На нас ляжет вина за трагедию, если животное не удастся вылечить.

– Не волнуйтесь, – сказал клерк, – доктор Хо пользуется большим авторитетом. Именно поэтому мы выбрали его нашим терапевтом.

– Безусловно, – встрял я. – Он до сих лечит пор мою инфекцию от укуса осы.

Клерк невыразительно кивнул и положил на стойку бланк для кредитной карты, который учтиво подвинул Эккерману.

– Теперь не могли бы вы подписать здесь? – попросил он.

Эккерман что-то резво накарябал на бланке и взял у регистратора два ключа.

– 505-й был номером мистера Стедмана, – сказал клерк, – но мы открыли дверь в смежный 506-й – так что теперь в вашем распоряжении весь люкс Королевы Каламы – с баром и обширным пространством, необходимым для немытой собаки.

Мы поблагодарили его и пошли к лифтам, но он окликнул нас:

– Вы, конечно, понимаете, что этот люкс – запретная зона для всего персонала гостиницы.

Эккерман остановился на полушаге и медленно, как робот, развернулся на пятках. Улыбаться он перестал.

– Что вы имеете в виду под запретной зоной?

Клерк опять зашаркал к нам.

– Ну... э-э... думаю, дело в медицинской проблеме, мистер Руперт. Красные блохи вредны для здоровья. Мы не можем позволить нашим сотрудникам подвергаться опасности заразиться инфекционным заболеванием.

Он разволновался.

– Эти чертовы штуки переносят бактерии, – кричал он. – Красные блохи хуже крыс. Они переносят оспу. Переносят холеру, сифилис.

– Как на счет доставки в номер? – спросил я.

Клерк колебался. Глаза не фокусировали.

– Доставка в номер? – издал он эхо. – Э-э, да... ну... не волнуйтесь об этом. Никаких проблем, мистер Руперт. Вы получите полное обслуживание номера, какое вам будет угодно – единственное, мы будем оставлять все за дверью.

Он счастливо закивал, явно довольный своей находчивостью.

– Именно так, – продолжал он. – Номера не обслуживаются, но коридор, разумеется, здесь ни при чем – поэтому я просто порекомендую нашим людям в обслуживании ни под каким предлогом не входить внутрь. Они доставят все, что пожелаете к дверному проему, но не перейдут порог. Это вас устроит?

Эккерман задумчиво кивнул, как если бы ставил неутешительный диагноз. Вслед за этим он улыбнулся клерку и произнес:

– Само собой. Это единственное приемлемое решение, разве нет? Мы будем делать все перед дверью: никакого риска – никакой ответственности.

Это прозвучало вполне четко, и клерк усердно закивал.

Равно как и я, пока мы двигались к лифтам.

– Базовый канон всей англоговорящей юриспруденции, – прошептал я, – НИКТО не станет оспаривать эту истину!

– Точно, – сказал Эккерман. – Курс права в Оксфорде. Первое, чему нас научили.

– Очень ловко, – ответил я. – И предельно легально. Мистер Стедман хотел бы, чтобы все делалось именно так.

Эккерман пожал плечами:

– Поживем – увидим. Мы сможем нагнать километровый счет, прежде чем нас накроют – что-нибудь вроде пятисот долларов в день, учитывая доставку в номер и врачей. Блин, я только что выложил сорок восемь долларов наличными за эти блошеловки. Надо будет накинуть эту сумму на карточку Стедману.

– Сколько же ты взял? – спросил я, заходя в лифт.

– Две дюжины, – ответил он, – двенадцать тебе, двенадцать мне. Напьем по шесть на руку, как браслеты.

– Здравая мысль, – сказал я.

* * *

Они провели Кука и Филлипса к дому Террибу – крытой соломой хижине, выстроенной без напуска и украшений, но более крупной, чем соседние. Офицеры ждали появления короля, и спустя несколько минут Кук сказал:

– Развейте, что там к чему, Филлипс. Мне не с руки идти внутрь, я вообще сомневаюсь, что старик там.

Филлипс нырнул в дом.

– Когда я зашел, старик только проснулся, – скажет позже Филлипс.

Он известил короля, что Кук стоит снаружи и хочет увидаться с ним. Медленно, нерешительно за счет своих лет и состояния здоровья, король встал и одел мантию. Филлипс помог ему выйти из дома. Увидев бога Лоно, Террибу выказал радость и полное отсутствие каких-либо признаков вины.

Кук повернулся к Филлипсу и сказал по-английски:

– Уверен, он совершенно непричастен к произошедшему.

Затем он по-полинезийски пригласил короля на борт «Резолюции». Тот немедленно согласился и поднялся не без помощи двух сыновей, которые взяли его под локти. Процессия двинулась к берегу.

Дальше события развивались в ускоренном режиме по направлению к катастрофе, не готовым к которой оказался только Кук. Первой реакцией на арест короля стала ярость – вспышка гнева, с которой прежде не приходилось сталкиваться ни королю, ни его жене. Сам король внезапно превратился в жалкую и нецарственную персону – со слов Филиппа он был "угнетен и испуган".

В то же время четверо человек на каноэ принесли весть о смерти вождя Калиму из Ваупунаулы от пуля. Эта новость накалила обстановку, распалив туземцев. Они приблизились, две или три сотни. Вялый ропот резко перерос в откровенную враждебность, к ней добавилась небывалая жесткость – пронзительный, заунывный визг стромбидов, в которые они дули.

Даже Кук не мог игнорировать превосходящие силы, окружившие его, а равно и их угрожающий настрой. Ни один из аборигенов, включая тех, кто стоял вплотную, не пали ниц. Напротив, они размахивали палицами и копьями, кое-кто держал новоприобретенные железки с кораблей, а кто-то – 50-сантиметровые лезвия.

Ричард Хью «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

* * *

Двери лифта открылись, и мы вышли.

– Как ты расписался?

– "Руперт".

– И все?

– Ага. Правда, я навертел кучу завитушек, вволю позабавился с филигранью готического шрифта, – он опять пожал плечами. – А какого хрена? Все равно это подпись собаки. Я же не Руперт.

– Теперь Руперт. Ты ИМЕННО мистер Руперт, и как только ты об этом забудешь – окажешься в тюрьме Хило за мошенничество в гостинице. Это тяжкое преступление.

Он кивнул, поворачивая ключ в замке 506 номера.

– Ладно, ты прав. А псину мы переименуем.

– В Гомера, – сказал я. – Пес по кличке Гомер. Я возьму с доктора Хо что-нибудь типа письменных показаний.

– Вот именно. Как бы то ни было, это мудачье внизу не должно колыхать, как нас зовут. Они нам что угодно на блюде с каемкой притаранят, лишь бы ральфовская кредитка авторизовывалась.

– Господи, – добавил он, – а Ральф вообще вовремя оплачивает счета?

– Может, и нет. Сколько нам потребуется времени?

– Немного. Я смогу упаковать все всходы за три дня – меня, кстати, устраивает эта параша с "запретной зоной"; нам не придется дергаться из-за прислуги.

Я кивнул. Это была другая сторона медали, и меня она беспокоила. Я знал, что мы управимся с собачьей проблемой и даже с риском внесения нового имени чау-чау и Ральфовой кредиткой, но я совершенно не разделял той легкости, с которой Эккерман планировал использовать лучший номер отеля "Король Камехамеха", что в самом центре Коны, как склад урожая марихуаны. Он хотел нанять уплотнитель отходов и спрессовать целый сад марихуановых кустов до размеров телевизора.

– Сколько там у тебя? – спросил я.

– Немного. Килограммов двести пятьдесят.

– Сколько? Двести пятьдесят? Это чересчур. Нас раскусят. И примут.

– Не стоит волноваться. Весь люкс занесен в запретную зону. Они не имеют права переступить порог.

– Херня это все. Из-за двухсот пятидесяти кило они переступят через что хочешь. Последнее, что нам сейчас нужно – это парад банчей в номер и обратно. На нас набросится весь город. Мы спровоцируем смуту в обществе. Одно дело красные блохи, но...

– Забей, – отрезал Эккерман. – Блохи нам НУЖНЫ. О лучшем прикрытии нельзя и мечтать.

Я подумал с секунду, а потом отбросил тревоги. В конечном счете, это был люкс мистера Руперта, а не мой – и именно мистер Руперт будет расписываться на листках доставки в номер. Я же всего-навсего оказываю любезность моему закадыке Стедману, богатому и известному британскому художнику. Он, видите ли, в срочном порядке улетел в Лондон, а нас попросил позаботиться об умирающем псе. Зверь был слишком болен, чтобы его тревожить. Его мозг давным-давно закоротило от непрерывного третирования красных блох, которых он, верно, подцепил на Гавайях – вероятно, в этом самом отеле. Когда мы об этом узнали, у нас не оставалось выбора, с чем согласился доктор Хо.

– Не парься на счет этого чокнутого шарлатанишки, – убеждал меня Эккерман. – Это худший кокосовый объебосник на острове. Я его много лет знаю. Он на меня пашет.

– Что? Доктор Хо?

– Ага. У него друзья в Вайкики. Поставляют море собачьих медикаментов. И поставляют здоровенными ящиками.

Здоровенными ящиками? Собачьи медикаменты? Ну и ну. Ральфу бы это понравилось.

После двух недель в гостинице стало очевидным, что нам нужна передышка. Слишком высоко было напряжение. Мы торчали там слишком долго, и местные начинали нервничать. Риэлторы с самого начала переживали по поводу негативного эффекта, который могла оказать история нашего размещения на их рынок, а отвратный опыт рыбной ловли лишь раскошегарил их страхи.

Мы и сами куксились. Мое настроение сделалось настолько гадким после того похода, что

скрывать его я не мог. Капитан Стив тяжело квасил, Норвуд смылся, пляжные сорвиголовы по-прежнему охотились за Лейлой, а внезапный отлет Ральфа в Лондон – который расстался, как он считал, со стыдом, постоянными неудачами и публичным унижением – явился свидетельством того, что даже с друзьями каши не сваришь.

В том-то и дело. Это было ясно с самого начала – хотя и не все в это вникли как следует: бизнес в Конне – это бизнес. Особенно продажа недвижимости. В одной только Конне зарегистрировано 600 риэлторов, и последнее, что им сейчас нужно – это волна антирекламы в прессе на материке. Цены на рынке взвинтили до такой степени, что я знал – такими темпами, вскоре люди будут рыбачить по месту жительства вместо того, чтобы нагряться сюда. Спекулянтский рынок начала 70-х нашел продолжение на Гавайях, таких же легендарных, как спесь капитана Кука.

По пиздатой, по дорожке

Когда Эккерман вернулся из Гонолулу, мы решили ненадолго залечь на дно. Даже наши друзья из «Хагго» занервничали от того, как я околачивался там три недели после отъезда Ральфа. Риэлторы вили вокруг нас сплетни. Я понимал – мы достигли той переломной точки, когда даже бармены в таверне «Кона» начали говорить "Я думал, вы уехали на той неделе", стоило мне только войти.

Или:

– О чем вы НА САМОМ ДЕЛЕ пишете?

– Неважно, – отвечал я. – Скоро узнаем.

В какой-то момент я приобрел привычку окапываться в углу бара таверны «Кона», чтобы почитать газетку и попить холодных Маргарит, одним глазом следя за весами через бухту – на тот случай, если увижу сборище, что означало неминуемое прибытие крупняка.

С жердочки в углу, под медленно вращающимися вентиляторами мне открывался весь берег. Славное было местечко почитать – на лужайке практиковались в хуле – гавайском танце, высокие кокосовые пальмы качались у волнореза, большие рыболовные лодки шли в бухту, а вокруг меня тихо болтался целый зоопарк шизанутых людей.

Мы въезжали в жизнь мачо. Несомненно. И бесповоротно. Мы жили среди этих людей, имея с ними дело 24 часа в сутки на их поле. Они ходили в море на собственных лодках, поддатые уже к обеду и вечно недовольные этими молчаливыми ублюдками-мореплавателями с их специальными знаниями и кругами, которые они нарезали по воде. Кое-где на побережье Коны глубина – двенадцать километров. Двенадцать километров строго вниз, все равно что упасть со скалы. Тело будет долго оседать на морское дно. И все черным-черно, полный мрак.

Так глубоко не заплывают даже акулы. Но они легко подберут тебя по пути вниз, где-нибудь на мутно-голубой отметке в 90 метров, там, где меркнет свет. Болтаться в лодке размером с пикап в открытом море, когда под тобой 12 километров, хочется меньше всего, особенно, если ты капитан. Или матрос. Да кто угодно.

Правил нет. Делай, что сказано, вне зависимости от того, насколько безумно это звучит. Даже если капитан заперся в сортире в трюме в девять утра с литром виски, забив на то, что лодку водит кругами 45 минут, а матрос завалился в кресло для ужина с закатившимися глазами, похожими на инкрустации белого мрамора.

Даже тогда не рискуй что-либо спрашивать. Эти люди – профессионалы, шкиперы, капитаны с лицензиями, и они воспринимают себя со всей серьезностью. Слова вроде «мачо» и «фашист» принимают совершенно иное значение, когда земля теряется из виду. Ничто так быстро не превращает человека в нациста, как выход в открытое море с кучкой невежественных незнакомцев, и неважно, сколько они платят. Это почти правило моря, считают чартерные капитаны, что «клиент» запаникует и все испоганит при первом признаке беды, посему они разыгрывают карту по-своему; если несколько твоих клиентов попадали за борт, выбить страховку будет непросто.

– Ни один из вас, хамы, не нашел бы работу в Карибском бассейне, – заявил я однажды вечером в «Хагго» сидевшим за стойкой профессиональным рыбакам. – Вы бы и во Флориде с голоду померли.

Реакция последовала зловещая. Настроение за столом безнадежно испортилось, и Эккерман попросил счет. Набежало около \$55, и Эккерман быстро расплатился кредиткой, когда народ сбегался, чтобы поглазеть на мордобой.

– Пора смываться отсюда, – сказал я, когда мы отъезжали со стоянки. – Мне уже отказывает чувство юмора.

– Им тоже, – ответил он.

Движение на Алии-Драйв было «бампер-к-бамперу». В пробке копошилась толпа головорезов, топтавшая мотоциклиста, потерявшего управление и пробороздившего стаю серферов. Сорок-пятьдесят человек, ополоумевших от марихуаны.

Я развернулся на 180 и нацелился на гостиницу, избегая царившего безумия. Чуть позже, стоя на балконе отеля, мы слышали хорошо знакомое завывание полицейских сирен.

Эккерман открыл новую бутылку скотча, и мы сели насладиться закатом. Был отлив, никакого прибоя, и рукопашная на шоссе сгребла отбросы с пляжа. Я почувствовал, что настал час расслабиться и подумать о море.

Эккерман смолил без передыху. Лицо потускнело, что затруднило беседу.

– Что ж, – сказал он в итоге, – пошли к вулкану. Там они нас не найдут.

Он рассмеялся и неожиданно встал.

– Вот именно, – добавил он, – мы рванем на гору. Возможно даже, по Пиздатой Дороге.

– По Пиздатой Дороге?

– Ага. Тебе понравится. Можем пойти на рекорд – час семнадцать минут из Хило в Ваймеа.

– Далеко это?

– Восемьдесят-пять километров на предельной скорости.

"Сомневаешься – сверли дырку"

Харлей Дэвидсон

Мы слишком быстро мчались в Хило, съехав со склона под дождем и совсем чуток недобрав до 160 км/ч. Спидометр показал 250, но я не был настроен на необоснованный риск, поэтому перешел на вторую скорость.

Эккерман что-то прокричал мне, когда жестяной почтовой ящик летел прямо на нас. Я успел проскочить и вновь дал по газам, выйдя из виража. Мы подпрыгнули, как на батуте, и понеслись дальше.

До этого я Феррари не водил, и у меня ушло время, чтобы наблаться, но вот я уже расслабился, хотел немного помастурбировать машиной, откинуться назад и потарабанить ее (мне казалось, что любая машина за \$60 тысяч изготовлена с некой особенной целью – и до сих я никак не прорюхаю, для чего была сделана та; чего именно она сама хотела).

Цифры на спидометре какое-то время дурили меня, что Феррари 308 предназначалась для быстрой езды. Но тут я ошибался. Многие машины гоняют, и большую их часть я водил сам – но никогда мне не доводилось управлять транспортным средством, которое я бы осмелился протащить змейками вниз по склону на 160 км/ч под дождем, по двухполосной бетонной магистрали, с трех километров над уровнем моря до нуля меньше чем за 10 минут.

Перепады на 160 км/ч всякий раз настолько резки и быстры, что порождают жуткое ощущение свободного падения. Как будто паришь или летишь со скалы. Посторонний шум сходит на нет, и глаза вырастают до невероятных размеров, фокусируя остро-остро.

Мы уже побили рекорд – или так только казалось – но уверенности во мне не было, а Эккерман до того заостенел на пассажирском сиденье, что перестал следить за секундомером. Больше часа он только и делал, что вопил мне цифры каждые десять-пятнадцать секунд, но тут вдруг занервничал. Глаза озарились безумием, а руки вцепились в приборную панель. Уверенность улетучивалась. Все, чего нам сейчас хотелось – это результата наших усилий, но об этом речь уже не шла. Мы уже не рубили фишку, когда оказались на вершине холма, в тени тюрьмы Хило, чудом выжив и не дожав до рекорда каких-то двух минут.

Соберись, сказал я себе. Держись и не трогай тормоз, не зевай. Опасно, я почти потерял управление.

Но не совсем, у машины потрясающая балансировка. Она шла почти на автопилоте, работая на пределе своих возможностей, и у меня не хватало духу сбавить обороты. Там, далеко впереди, за облаками, белая линия прибоя билась о камни у порта Хило. Она растягивалась в обоих направлениях, как полоса, нарисованная мелом, сочно-зеленое побережье Гавайев с одной стороны и темно-серая зыбь Тихого с другой. Бухту заполонили барашки, лодок не было... унылое воскресное утро в Хило, столице Большого Острова. Из населения, в основном, японцы, привыкшие спать по воскресеньям и

немногие из которых – добродетельные католики.

Я уже успел принять это во внимание, равно как и другие этнические факторы, когда скоростной пробег проходил стадию планирования.

За шесть часов до этого, собственно, перед тем, как позакрывались все бары в Коне, Эккерман обронил, что собирается сгонять в поход за тунцом в Бимини на следующий день... мне это не понравилось, так как у меня были совершенно иные планы в отношении его новенькой желтой Феррари: установить новый рекорд в скоростной езде по Пиздатой дороге.

4 июня 1981, Кона

Дорогой Ральф,

Я застрял тут, в Центральной Уебанской, наблюдаю за тюленятами в перерывах между преумножением километровых счетов. Я откладываю свой отлет и ошиваюсь тут на балконе, как мудрой, любящий посинячить вождь краснокожих в ожидании какого-нибудь амбала, чтобы с ним схлестнуться. Я всегда знал, что этим кончится.

И я почти чую козла, он ходит кругами, в нескольких метрах от попадания на мой крючок... на сей раз, правда, он ведет себя иначе; теперь ему, похоже, любопытно.

Все изменилось с тех пор, как ты уехал, Ральф. Во-первых, я разок вымыл голову. Во-вторых, я исчез из поля зрения... но не вообще исчез. По крайней мере, для Капитана Стива. Я постоянно с ним созваниваюсь – по любому поводу или просто поделиться посетившей идеей: охота на диких свиней? машинописные ленты? глубоководные погружения под кислотой? почему тамагочи не дошли до Данхиллз? кто берет джипы напрокат? куда девалась Пеле? с какой скоростью может бледнолицый ехать по Пиздатой дороге на закате? зачем я здесь? кому принадлежит «ДаКайн»? где вся рыба? не звал ли меня Руперт? не мог бы ты оформить еще один чек на две сотни? почему Норвуд мне не перезванивает на счет кладбищенских участков? что за мать была у Сполдинга? почему ты не устроишься на работу?

Обычно со всеми этими вопросами ему звонит Лейла. Что вдвойне его нервирует, потому что в душе он понимает – это не нормально. Но он никогда не кладет трубку. А потом она ему перезванивает, чтобы уточнить кое-какие детали... словом, они проводят вместе много времени за делом и часов за потехой.

Кое-что срывается. Это проветривает мой мозг и дает передышку, чтобы сфокусироваться. Ночи напролет я печатаю, а днем шмонаю дороги в поисках Пеле. Она постоянно голосует, главным образом, в обличье старушенции. Посему я очень много езжу и сажаю толпы хичхайкеров, особенно старых перечниц... но на скорости 65 километров в час срок годности установить непросто; и позорная правда в том, что в любой жаркий полдень меня можно наблюдать на Алии-Драйв в мустанге, цепляющим женщин всех возрастных категорий.

Пока мы едем, я их пытаю. Некоторые этого не выдерживают: рыдают, врут, подвывают радио и демонстрируют сиськи во всей красе, а многие клянутся, что влюблены в меня по уши к тому моменту, как мы подъезжаем к автостоянке.

Туда я их и везу, вне зависимости от того, куда они просят их доставить. Я везу их до самого конца Алии-Драйв, потом со склона к призрачной бухточке, и всю дорогу предлагаю кирнуть теплого джина из бутылки без горлышка, зажатой у меня между ног.

Многие дамы согласны на что угодно, лишь бы не пить джин со стокилограммовым лысым психом в машине с открытым верхом в послеобеденные часы на Алии-Драйв или на парковке. Где я, кстати, их всегда и бросаю. Ну, за исключением тех, кто пьет джин.

ОК

Х.С.Т.

Хозяин гуляет – место теряет

10 июня 1981, Кона

Дорогой Ральф,

Ладно... сейчас все **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** иначе. Это заняло чуть больше времени, чем я предполагал, но орешек под названием Кона, наконец, раскололся. Примерно через шесть часов после того, как я совершил последнюю ходку по Пиздатой дороге, я сидел в кресле для рыбной ловли в лодке под

названием «Ципочка». Я ввязался в отчаянную схватку с громадной рыбиной – и 17 минут спустя я подтянул ее так близко, что смог дотянуться и разнести ей мозг одним сумасшедшим ударом Большой полинезийской булавы.

Былого высокомерия как не бывало, Ральф. Теперь я могу бухать с рыбаками. С большими мальчиками. Мы собираемся в «Хагго» где-нибудь на заходе солнца – потравить байки, попить коктейль «Каталажка» и погорланить дикие песни про Цингу. Я стал одним из них. В ночь, когда я поймал рыбину, я отрубился в «Хагго», а прошлой ночью меня вышвырнули из таверны «Кона» за то, что без причины пнул хозяина по яйцам. Последнее, что он спросил после того, как пригласил нас на ужин и принял чек на \$276, было:

– За что ты меня так?

Вслед за этим его глаза закатились, а сам он с жутким стоном приложился о выступ из черного камня на лестничной площадке. Вот что я услышал сегодня, когда позвонил узнать, получил ли он отправленные мной в качестве извинения розы... ага, все именно так. Впервые в жизни я послал мужчине дюжину роз. Парни в «Хагго» озверели, услышав об этом. Они ржали, как дураки, похлопывали меня по спине и даже восстановили мои привилегии в баре. Мардиан – тот, кому я дал по яйцам – им не по душе, потому что первым, что он сделал после покупки таверны «Кона» был поход к рыбакам в «Хагго», где он заявил, что разорит заведение за полгода, и любой, кому это не понравится, может смело пососать его черный пояс.

Он очень хорошо владеет каратэ и, видимо, открутит мне голову в следующий раз, как я соберусь у него выпить... Но мне нравятся маргариты на закате, Ральф, а таверна «Кона» – единственное место в городе, где мои чеки идут не хуже налички.

Хватит уже, да? Кажется, пора уезжать.

Но прежде чем я соберусь, хочу поведать тебе рыбацкую историю. Рабочее название – "Как поймать большого марлина в глубоких водах", но я еще могу передумать до того, как она пойдет в печать.

Это шизанутая история, Ральф. Она была шизанутой с самого начала и неумолимо шизеет день ото дня. Им не понять, почему я до сих здесь. Я с ними солидарен, по правде сказать – разве что это работа, но расходы чудовищны.

Они и ВПРЯМЬ чудовищны. Если эта книга не станет бестселлером, мне придется идти работать или charterным капитаном, или риэлтором, а, может, и по совместительству. Такой шаг обеспечит мне своего рода точку опоры – вернее, ее иллюзию, да и то ненадолго.

На рыбной ловле я бы концы с концами свел, а вот за рынок недвижимости не ручаюсь – сегодня он настолько никудышен, что дай мне дом на Алии-Драйв, и к рождеству я все равно обанкрочусь. Все побережье уходит с молотка: достается тому, кто предложит наивысшую цену, а, в сущности, вообще любому покупателю. Никто ничего не приобретает, если цена не занижена в десять раз.

Шестьсот риэлторов Коны, и все, что сейчас они между собой поделили – это 50 сорванных контрактов с условными платежами. Такова обстановка спустя полгода после того, как ты уехал в начале января.

Язык не повернется назвать это рынком спекулянтов.

* * *

Затем один туземец вышел из толпы, следовавшей за ним, с палицей, занес ее и ударил его со страшной силой. Кук шатаясь, прошагал несколько метров и сел на колено, уперев в землю руку. Его мушкет с грохотом упал на камни рядом.

Удар явно не убил капитана, хотя и сильно контузил. Другой туземец добил его. Кука узнали несколько свидетелей. Мускулистый вождь Куа подскочил к нему, наклонился, занес дротик и воткнул Куку в шею.

Он был все еще жив, даже этот удар его не убил, но отбросил капитана в каменную расщелину, полную воды, принесенной приливом. Куа вновь налетел на него, пронзив несколько раз, пока остальные пытались утопить капитана. В качестве последнего жеста неповиновения Кук поднял голову. Те, кто был в шлюпке, видели его грубоватое лицо отчетливо, но недолго. Его губы сложились в немом крике, он слабо махал им рукой. Он попытался встать, но получил еще один удар палицей. Теперь уже не было ничего – за исключением кошмарного зрелища нанесенного увечья.

Генри Роджерс из Шорхема в графстве Сассекс, первый помощник капитана, был одним из невольных очевидцев в шлюпке; и эта картина будет преследовать каждого из них всю оставшуюся жизнь. Аборигены сгустились над трупом, как волки над убитым лосем, вонзаясь в него дротиками и колошматя камнями и палицами. В какой-то момент они подняли тело из расщелины и несколько раз ударили головой о скалу.

Ричард Хью «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

* * *

Зато это наш рынок, Ральф. Здешные педрилы уже легли кверху жопой, многие сваливают. Если к Дню Труда у нас на руках будут деньги, мы здесь все скушим и замутим свои законы.

Именно так. Да. И довольно об этом. Пора вернуться к истокам. Мы можем приобрести недвижимость, Ральф. И наказать виновных... Но сейчас я расскажу тебе, что случилось, когда я поймал рыбу.

Как тебе известно, эта у меня первая. И поймал я ее весьма некстати. Я уже собирался уезжать. У нас был билет на 8-часовой рейс до Гонолулу, а оттуда – ночной в Лос-Анджелес и Колорадо. Ебал я их всех. Их вранье стоит немалых денег, и я уже всерьез терял чувство юмора.

Все случилось, когда я решил в последний раз коротко переговорить с остатками Команды 200: деловая встреча или типа того; ровно в 10 утра в яхт-клубе – просто чтобы задать пару каверзных вопросов, записать ответы на пленку и убраться из города на следующий же день.

Но благодаря выпитому все пошло вкривь и вкось, и к полуночи мое настроение испортилось настолько, что я решил – движимый поистине извращенным желанием – пойти на марлина еще разок. Этот день должен был стать моим последним днем в Коне, а самолет не собирался взлетать раньше восьми, так почему бы и нет?

Я все еще печатал, в припадке тихой ярости, когда взошло солнце, и я понял, что пора еще разок сгонять в "Британский Флаг" за парой ящиков «Хайнекена», потом запрыгнуть в мустанг и совершить последнюю скоростную поездку по шоссе до Хонокахауа и скоротать остаток дня на море.

Это все, что тебе нужно знать о моем состоянии на тот момент. Я не убрал чертову полинезийскую булаву в сумку, нутром чуя, что к концу дня мне найдется кого ею поохаживать... может, рыбу, может, кресло для ее ловли.

Натикало почти десять, когда я галопом въехал на стоянку на 90 с гаком километрах на первой передаче и еле справился с управлением, когда занесло все четыре колеса. Я миновал груды металлолома, которая некогда принадлежала Ли Марвину буквально в паре метров, потом выпрямил машину и направил передние колеса на тунцовую башню «Ципочки». Я заметил голубой шевроле Стива на краю скалы рядом с лодкой...

Как они скажут позже, они слышали, как я подъехал, но бежать было некуда, кроме как на нос судна или в воду. Вот они и побежали. Но недостаточно резво. Следующим, что они услышали, стал визг тормозов и ужасный рев шин по гравию... а вслед за ним – острый металлический "БАМ!" от удара моего бампера в зад шевроле, сильный ровно настолько, чтобы та проскакала почти метр вперед, как лягушка.

Все произошло в доли секунды, настолько быстро, что казалось сном. Никакого урона, никаких проблем... но когда я подошел к краю скалы с первым ящиком пива и взглянул на них, все молчали. Все равно что болтать с соляными столбами.

– Не волнуйтесь, – сказал я, – у меня еще ящик в машине.

Молчание затягивалось.

Господи, подумал я, да эти козлы надрались.

Тут я понял, что смотрят они не на меня, а на передний бампер шевроле, стоящей в непосредственной близости от края. Оттуда, где они стояли, создавалось впечатление, что машина вот-вот рухнет на лодку, что повлечет смерть всех троих – либо их прибьет упавшая тачка, либо прижмет к лодке, идущей на дно, либо они сгорят заживо в пламени вспыхнувшего бензина или взорвавшихся баков с дизельным топливом, которые разнесут весь порт, чем остановят всяческое движение суден дня на три.

Такое бывает... Ага, но промотаем вперед к сути моего повествования.

Рыба была в лодке к полудню. Я поймал ее за 16 минут 55 секунд. Еще 5 секунд ушло на то,

чтобы уконтропупить ее булавой. Она сражалась неистово. Половину времени она болталась в воздухе.

Первый рывок случился через 10 секунд после того, как я закрепился в кресле. Дикий всплеск белых брызг и светло-зеленая туша метрах в 300 от лодки. Второй чуть не выдернул мне руки. Эти суки сильные, Ральф, и они умеют выбрать момент таким образом, чтобы надломить человеческий дух. Когда руки уже немеют, они улучают две-три секунды отдыха, а потом, в мгновение ока, когда твои мускулы начинают расслабляться, тварь срывается в другом направлении со скоростью снаряда, выпущенного из ракетной установки.

Это не то же самое, что удить форель! Речь идет о зверюге размером с осла, бьющейся за жизнь на родном поле. Даже пятикилограммовая форель может дать изящный бой, а уж 150-килограммовый марлин с крючком в глотке способен вырвать кости рук из суставов, после чего запрыгнуть в лодку и сломать тебе хребет. Марлин – очень подлая рыба, и если она когда-нибудь разовьет у себя вкус к человеческой плоти, мы попали. Правда, рыбаки, которые ходят на голубого марлина, не воспринимают крупных акул вроде серо-голубой или рыбы-молота как нечто, того стоящее.

Большинство акул даже не сопротивляются. Ты можешь поймать рыбу-молот прямо рядом с лодкой в течение 10–15 минут. Не вопрос. До шестнадцатой минуты. Вот когда начинается веселье. Прикончить рыбу-молот сложнее, чем большинство Бьюиков, и затащить хоть одну на борт с риском, что она почикает пол-команды – это фокус, на который отважится редкий марлиновый рыбак. Но это уже совсем другая история, Ральф, и сейчас я не в настроении ее рассказывать. Те, кто ловит акул, предпочитает делать это ночью по сугубо личным причинам. Кто-то намерен поймать рыбу, кто-то – ее убить.

На Гавайях акул не ненавидят и не боятся так, как на Карибах. Канаки полжизни проводят в воде, но ни в одной газете не попадает статья о "нападении акулы". Даже глубоководные ныряльщики к кораллам не шибко беспокоятся о появлении акул, разве что ночью, когда те вроде как очень голодные – и я ни разу не слышал слово «акула» от серфера.

Что, как тебе хорошо известно, ни о чем не говорит. Они немногословны даже друг с другом. Но любой, кто проводит 12 часов в сутки, околавываясь в прибое, как живец, либо сам наполовину акула, либо знает о них то, чего не знаем мы.

Сейчас я осознаю, что они меня не тревожат. Что довольно тупо, поскольку я ЗНАЮ, что они где-то там. Я видел их вблизи, в водах Ключей... и теперь, когда я сказал это, табу снято, и в следующий раз, когда я погружусь с аквалангом где-нибудь на Гавайях, какая-нибудь кровожадная серо-голубая бродяжка, вероятно, оторвет мне обе ноги.

ОК

Х.С.Т.

* * *

Верховному жрецу Коа велели не возвращаться на корабль без тела Кука. Минут несколько дней, пока он не исполнил обещание. По мнению девушек, Король Террибу с семьей и свитой вождей укрывался в пещерах высоко в вершинах скал.

Там труп капитана был поделен между старшими вождями: волосы – одному, скальп – другому, череп – третьему, руки – четвертому, а львиная доля, скажем так, досталась Террибу. Самой сложной задачей Коа было забрать части тела у вождей и вернуть их в одном свертке.

Только 19 февраля жрец Хиapo сообщил, что тело на берегу, и его можно забрать. Клерке в шлюпке и Король в ялике снялись с «Резолюции» и под усиленной охраной приблизились к берегу Каауалоа.

Под флагами мира процессия вождей и жрецов торжественно и церемониально промаршировала к берегу с большими кулями фруктов и свинины от короля... Жрец Хиapo держал большой сверток, укутанный в банановые листья и накрытый траурницей из черных и белых перьев.

"Открыв его, – писал Король, – мы увидели руки капитана, его скальп, череп, отсутствующую нижнюю челюсть, бедренные кости и кости рук. Руки были проколоты, а внутрь засыпали соль, чтобы они лучше сохранились.

Появился и сам Король Террибу, которого заверили, что он и его семья останутся невредимы, а разногласия будут похоронены вместе с телом старого бога Лоно. Клерке его мельком видел.

Из воспаленных глаз короля лились слезы, когда он умолял возобновить с ним дружбу. Как обещал Лейтенант Король, новый бог Лоно, обо всем было забыто. Клерке вновь успокоил Террибу, и, как он напишет позже, "тот остался весьма доволен и выглядел очень счастливым".

– А когда Лоно вернется? – спросил Террибу.

Лейтенант Король ответил, что вернется в ближайшее время.

Ричард Хью «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

Чемпионы мочилова

21 июня 1981, Кона

Дорогой Ральф,

Да, рыба тарасилась прямо мне в глаза, когда я высунулся и разбомбил ей мозги полинезийской булавой. Она умерла во время последнего прыжка: с минуту она была светло-зеленой и болталась в воздухе с чертовым крючком в носу, пытаясь убить все, до чего сможет дотянуться.

И я шлепнул ее, Ральф, у меня не было выбора. От удара, прошедшего в пяти сантиметрах от того глаза, которым она пялилась на меня, она обмякла... и, в общем, первый сработавший во мне инстинкт, подсказывал, что нужно дать в этот глаз, но я изменил траекторию в последние доли секунды, ибо знал, что такое отвратительное увечье вызовет неприятные вопросы на моле.

Как бы там ни было, это ответ на твой вопрос. После 47 дней и ночей тупорылых унижений и безысходности, громила мог с тем же успехом быть слепым на оба глаза от рождения, и выдавил бы из меня столько же милосердия своим последним жалобным взглядом. В тот момент я бы разможил череп и косатке, подгреби она к лодке... Жуткая жажда крови проснулась во мне, когда я увидел, как рыбина прыгает рядом с лодкой, настолько близко, что, казалось, вот-вот запрыгнет на борт, и капитан закричал с мостика:

– Хватай биту! Хватай биту! Она озверела!

Я вылез из проклятого кресла для ловли, но эту идиотскую алюминиевую бейсбольную биту, которой они обычно добивают крупняк в десять-пятнадцать ударов, брать не стал...

Я взял булаву, смел Стива с дороги и с пронзительным визгом огрел тварь с разбегу, от чего ее бросило в воду. Шестьдесят секунд в кабине стояла мертвая тишина.

Они такого не ожидали. В последний раз большого марлина на Гавайях замочили самоанской булавой с короткой рукояткой лет триста назад... и смею тебя уверить, Королю Камехамехе крупно подфартило, что рыбак дал ему по башке веслом, а не этой штуковиной; мы, кажется, никогда не говорили о "Законе весла"...

Так или иначе, вот подборка фотографий. Хотелось бы отослать тебе побольше, но все произошло так быстро, что времени на позирование оказалось в обрез... Я не только впервые испытал критический момент рыбалки, когда мне выпало заарканить 100-килограммового монстра менее, чем за 20 минут и прикончить его в непосредственной близости от своего лица, но еще и умудрился сгонять в каюту за камерой, чтобы заснять свой трофей быстрее, чем за 30 секунд.

Быстрая и грубая работа, Ральф. Ты бы мной гордился.

В самом деле... но истинная история этого нервного, замызганного кровью дня заключается не столько в поимке рыбы (это и любой дурак сделает), а в нашем появлении на моле, который перепугал всех, включая Лейлу.

Мы прибыли дикими и бушующими, Ральф. Говорят, мой крик был слышен за километр от мола... я тряс булавой, грозя пьяному мудаку Норвуду, стоящему на моле, и проклинал всех неумелых алкашей, детей блядских миссионеров, которые когда-то ступили на землю Гавайев.

Люди поеживались и пятились по молу все дальше по мере нашего приближения.

Они думали, я кричу на них. Никто на моле не врубался, что обращался я (на последнем издыхании голосовых связок) к Норвуду – а грохот двигателя был настолько оглушительным, что, как мне казалось, я и сам себя еле слышал.

Я заблуждался. Меня слышали даже в баре таверны «Кона», в 500 метрах через бухту... а для большой полуденной толпы на моле, по словам Лейлы, это звучало, как ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ЛОНО. Я буянил 15 минут, именно столько у нас заняло, чтобы пришвартоваться.

Толпа была в ужасе, и даже Лейла притворялась, что нас не знает, когда я швырнул 7,5-килограммовую ахи в 10 метрах от нее. Она шлепнулась на бетонный мол с мерзким вкусом, но ни-

кто ее не поднял и даже не проронил ни слова... они ненавидели все, что мы собой олицетворяли, и даже когда я спрыгнул на мол и принялся лупить рыбу булавой, никто не улыбнулся.

ОК

Х.С.Т.

Предсказание сбывается

30 июня 1981, Город-Заповедник

Дорогой Ральф,

Прилагаю к письму кое-какие страницы, написанные в Конне вместе с фотографиями, пригодными для иллюстраций.

Твое письмо от 24.06 пришло сегодня вместе с книгой по уходу за акулами, которую, как мне кажется, мы тоже вполне сможем использовать... Еще мне понравилась твоя идея о кроманьонце, который рождается в начале нового Ледникового Периода. Один у него позади, во втором предстоит жить. Это, как ты понимаешь, серьезный трюк, и задача его проворачивания принесла мне массу хлопот, как в личном, так и в профессиональном смысле. Эта концепция придется по вкусу всего нескольким людям, еще меньше человек смогут с ней смириться. Слава Богу, у меня есть хоть один умный друг, а именно ты.

Но одну вещь, мне думается, ты должен знать, Ральф, прежде чем разовьешь свою теорию. Я – ЛОНО.

Ага, это я, Ральф. Я тот, кого они столько лет ждали. Капитан Кук был всего-навсего очередным моряком-алкашом, которому повезло в Южных Водах.

А, может, и нет – и это заводит нас в царство религии и мистики, поэтому я хочу, чтобы ты отнесся ко мне внимательно; ибо лишь ты один способен вникнуть в полное и зловещее значение этого.

Короткая оглядка на истоки сказания, уверен, породят те же неизбежные вопросы в твоей голове, что будоражили какое-то время мою.

Призадумайся на досуге, Ральф – как это случилось? Первым делом, о том, по каким сомнительным и (поныне) непостижимым причинам я притащился в Конну? Что за страшная сила двигала мной – после стольких лет отказа от всех (в том числе, более доходных) журнальных заданий и даже не столь беспонтовых – когда я согласился осветить Марафон в Гонолулу для одного из самых невразумительных изданий в истории печати? У меня была возможность втесаться в обойму репортеров, мотающихся по свету с Александром Хейгом или пасть ниже плинтуса до интервью с Джимми Картером. Подворачивалась куча писанины, про многих людей и за множество долларов – но я с презрением все отпихивал, пока не услышал странный зов с Гавайев.

А потом я урезонил тебя, Ральф – мой умнейший друг – не только поехать со мной, но и протащить всю семью за пол-планеты от Лондона без какой-либо рациональной причины провести, как выяснилось позже, дичайший месяц вашей жизни на коварной гряде черных лавовых камней, названных побережьем Конны...

Странно, а?

Вообще-то, не очень. Когда я оглядываюсь на все, что было, я вижу общую картину... она была не столь очевидна для меня тогда, как сейчас, потому я никогда не говорил тебе всего этого, пока ты был здесь. Помнится, проблем у нас было хоть отбавляй, мы разве что не сталкивались лицом к лицу с Подлинным Роком. На то, чтобы только познакомиться с островом ушли тысячи долларов и сотни человеко-часов; а простая операция по отправке пакета из Конны в Портленд, штат Орегон, отняла у нас три-четыре полных рабочих дня.

Плюс, когда ты уехал, я успел натерпеться террора и унижений от всякого дурачья. От чего я свихнулся напрочь, чтобы говорить о причине произошедшего, в которую я начал помаленьку въезжать. Четко она не просматривалась. До вчерашней ночи.

Многое произошло со дня твоего отъезда, Ральф, вот почему я пишу тебе сейчас, сидя в Городе, который, похоже, стал мне новым домом; так что запиши новый адрес:

Для вручения по адресу:

Калеокив

Город-Заповедник

Побережье Конны, Гавайи

Ты, конечно, помнишь Калеокив, Ральф – ты сказал, в этой хижине спрятаны кости Короля Камехамехи; ты еще перелез там через стену и позировал для полароидных снимков, как педерастичный дурак, которым ты всегда был и останешься... Что? Я это сказал?

Ну да, сказал... но не обращай внимания на пустые тычки, Ральф; тебя там не было, когда все началось.

Неприятности пошли в тот день, когда я поймал рыбу – или, вернее, как только я прибыл в порт, ступил на мостик «Ципочки» и принялся вопить на толпу в доке про "грязных пьяных миссионерских выроdkов", "лживую мразь", "обреченных овцеебов" и все прочее, о чем я упоминал в последнем письме.

Чего я не упомянул, старик, так это того, что я вдобавок орал "Я – Лоно!" столь оглушительно, что слышал меня любой канак на всем побережье, от «Хилтона» до "Короля Камехамехи" – и многих такой спектакль взволновал.

Не знаю, что на меня нашло, Ральф – я не хотел этого говорить – по крайней мере, не так громко и не стольким аборигенам. Ибо люди они, как ты знаешь, суеверные, и очень серьезно относятся к своим легендам. Что понятно, когда имеешь дело с народом, который содрогается при одном упоминании о предыдущем «подпорченном» визите Лоно.

Неудивительно, что мое появление в бухте Кайлуа в кинг-конгском стиле в жаркий полдень весной 1981 возымело на них свой эффект. Молва пронеслась по населению в оба конца, и к сумеркам улицы в центре города заплотнились люди, приезжавшие даже с Южной Точки и из долины Вайпио, чтобы собственными глазами убедиться, стоит ли верить слухам, утверждающим, что Лоно действительно вернулся в обличье здорового пьяного маньяка, который вытащил рыбу из моря голыми руками и замочил ее в доке полинезийской булавой с короткой рукояткой.

К полудню следующего дня толки, бродившие среди местных, дошли до наших друзей из риэлторской среды, которая восприняла это как последнюю каплю и постановила выслать меня из города следующим же рейсом. Эти вести мне передал Боб Мардиан за барной стойкой в принадлежащей ему таверне "Кона".

– Они не шутят, – предупредил он, – они намерены законопатить тебя в тюрьме Хило. Он нервно озирался, проверяя, никто ли не слушает, крепко схватил меня за руку и прислонил свою голову к моей.

– Это серьезно, – прошептал он, – три моих официантки отказываются выходить на работу, пока ты не сгинешь.

– Сгину? О чем это ты?

Он с секунды попялился на меня и выдал дробь пальцами по стойке.

– Слушай, – сказал он, – ты слишком далеко зашел. Это уже не смешно. Ты выебал их РЕЛИГИЮ. Риэлторы сегодня провели большое совещание и пытались обвинить во всем меня.

Я заказал еще пару маргарит – Мардиан отказался, так что я выпил обе – пока слушал. Впервые я видел его таким серьезным.

– Эта тема с Лоно очень опасна, – говорил Мардиан, – это единственное, во что они верят.

Я кивнул.

– Меня не было здесь, когда это все происходило, – продолжал он, – но первым, что я услышал, сойдя с трапа самолета было, "Лоно вернулся, Лоно вернулся".

По его лицу прошла нервная усмешка.

– Господи, да тебе тут что угодно бы с рук сошло, только не это.

В баре стояла тишина. На нас глазели. Племя избрало Мардиана человеком, который должен принести хреновое известие.

ОК

Х.С.Т.

1 июля 1981, Город-Заповедник

(сутки спустя)... Похоже, я старею Ральф: восемь страниц – это все, что я могу из себя выдавить за ночь; посему я решил прерваться и поспать. Кроме того, я почувствовал, что пора ослабить хватку и трезво взглянуть на эту тему со мной в роли Лоно, потому что, сдается мне, эти проблески меня попросту дурачат.

В том-то и дело, Ральф. Мы были слепы. Материал для статьи был у нас под носом с самого на-

чала – хотя нас, мне кажется, можно простить: столько раз мы принимали на веру откровенную лажу. Я легко свыкся с тем фактом, что я, парень королевских полинезийских кровей, проживший первую свою жизнь как Король Лоно, владыка всех остров, отчалил 1700 лет назад на каноэ в открытое море с побережья Кони.

Согласно нашему журналисту-миссионеру Уильяму Эллису, я правил Гавайями в период, получивший имя Сказочной Эры...пока (я) не убил свою жену; но позже так об этоб горевал, что дошел до умопомешательства. В этом состоянии (я) путешествовал по островам, метеля каждого, кто попался на пути... Впоследствии (я) отправился в плавание на сделанном в единственном экземпляре «магическом» каноэ на Таити или еще куда. После того, как (я) отбыл, земляки (меня) обожествовали и учредили ежегодные состязания по рукопашному бою и борьбе в мою честь.

Ну что, как тебе мое происхождение?

А?

Не спорь со мной, Ральф. Ты из расы эксцентричных дегенератов; я устраивал бои по всем Гавайям за пятнадцать сотен лет до того, как твой народ научился принимать ванну.

И потом, это хороший материал. Я не разбираюсь в музыке, но у меня хороший слух до высоких нот... и когда эта хуйня с Лоно сверкнула у меня перед глазами около 33 часов назад, я знал, к чему это.

Внезапно все наполнилось смыслом. Все равно что впервые увидеть зеленый глаз светофора. С меня мигом спало давление рационального и религиозного, и я обрел Новую Истину.

Жизнь от этого стала какой-то странной, и я был вынужден скипнуть из отеля после того, как риэлторы наняли сорвиголов, чтобы меня вальнуть. Но вместо меня они по ошибке убили рыбака-неполинезийца. Это правда. Накануне моего отъезда головорезы то ли до смерти забили рыболова и кинули его в воду ничком в порту, то ли задушили тормозным тросом и бросили в джипе напротив отеля «Маного». Слухи разнятся...

Вот тогда-то я и испугался и свалил из Города. Съехал по склону на скорости 140 км/ч и завел машину настолько глубоко в скалы, насколько смог, потом, как проклятый, бежал в Калеокив – через забор, как большой кенгуру, с ноги вышиб дверь, прополз внутрь и стал орать "Я – Лоно" своим преследователям, банде нанятых разбойников и риэлторов, обращенных в бегство местными рейнджерами.

Теперь они не посмеют меня тронуть, Ральф. С собой я прихватил печатную машинку на батарейках, два одеяла из "Короля Камехамехи", мой шахтерский фонарь, сумку, полную спидов и других необходимых вещей, а также самоанскую булаву. Лейла носит мне еду и виски дважды в день, а туземцы присылают женщин. Но до хижины они дойти не могут – по той же причине, что и остальные – поэтому мне приходится красться ночью и ебать их на черных камнях.

Мне здесь нравится. Жизнь могла быть и похуже. Уехать я не могу, потому что они ждут меня на парковке, но местные не позволят им приблизиться. Однажды они меня уже ухойдокали и больше этого не допустят.

Ибо я – Лоно, и пока я буду в Заповеднике, эти свиньи меня не достанут. Хочу провести телефон, но Стив отказывается выложиться, пока Лейла не вернет ему \$600 за наркоту.

Это не проблема, Ральф; вообще не проблема. Мне сделали несколько подношений, и каждый вечер примерно на закате я выползаю и собираю косяки, монеты и другие странные дары, которые бросаются через ограду и аборигенами, и людьми вроде меня.

Так что не волнуйся за меня, Ральф. Свое я получаю. Разве что, я бы действительно оценил, если бы ты приехал меня навестить и, быть может, позолотил мне ручку в качестве кое-какого возмещения расходов.

Безусловно, житуха у меня чудная, но сейчас это все, что мне остается. Прошлой ночью, около полуночи я услышал, как кто-то скребет соломенную крышу, а потом женский голос прошептал:

– Ты знал, что все так и будет.

– Точно! – крикнул я. – Я люблю тебя!

Ответа не последовало. Только шум безбрежного и бездонного моря, которому я улыбаюсь даже во сне.

Прошлой ночью Скиннер притаранил мне вискаря. Из Гонолулу он прилетел с двумя девицами из агентства и пятью-шестью литрами скотча, который мы распили на пляже из бумажных стаканчиков со льдом, предоставленным рейнджерами. Луна была тусклой, облака висели низко, но благодаря моему портативному фонарю-молнии мы могли видеть лицо собеседника. Девушкам было неудобно, а Скиннеру тем более.

– Извини, – скажет он позже, – все слишком дико, чтоб над этим стебаться.

Мы сидели на полу в моем доме в Городе-Заповеднике, километрах в пятидесяти к югу от Кайлуа на побережье Коны на Гавайях. Девушки пошли искупаться в бухте, а я смотрел, как они плещутся в прибое, как лунный свет играет на их голых телах. Периодически одна из них возникала в дверном проеме и стреляла сигаретку, потом нервно смеялась и убегала, оставляя нас за мрачной дискуссией.

Вид длинноногих нимф, гарцующих по черным камням, сильно затруднял ход беседы. Скиннеру с его места девиц было не видеть, а настроение его становилось все пасмурнее, поэтому я старался и сам на них не глазеть... так как понимал: это не светский визит, и времени у нас немного.

– Слушай, – говорил Скиннер, – у нас у обоих неприятности.

Я кивал.

– И мы оба закончим в тюрьме Хило, если не положим конец этому безумию, так?

Это меня увлекло.

– Ну... э-э... может, и так, – согласился я. – Ага, ты, по ходу, прав; нам явно светит тюрьма Хило...

Мои мысли вернулись к насущному: жульничество, поджог, бомбы, нападение, преступный сговор, укрывательство разыскиваемого, ересь – все это были обвинения в тяжких преступлениях.

Скиннер покачал головой и подался вперед, чтобы дать мне сигарету. Мы оба сидели, скрестив ноги на полу, каждый на своем таповом тюфяке в унылом свете фонаря, словно между нами горел костер в лагере бойскаутов... у обоих на шее серьезные проблемы, избавиться от которых помогут только серьезные решения серьезных мужчин...

Шум снаружи хижины отвлек нас, и я глянул за дверь. Одна из девиц забралась высоко на скалу, руки на бедрах, соски торчат на луну, как у какой-то древней гавайской богини, ласточкой ныряющей в воду всю дорогу до Земли По... я был потрясен этой картиной, похожей на видение из полузабытого прошлого... с морем, поглощаемым скалами и луной, катящейся к Китаю.

– Не парься о девочках, – рявкнул Скиннер. – Мы всегда можем взять их с собой, – он прервался, уставившись на меня, – если сможем вытащить тебя отсюда.

Он был прав. Я изменил положение на полу так, чтобы их не видеть, и вновь попытался сфокусироваться на том, что он говорил...

Чуть за полночь мы израсходовали лед, и мне пришлось воспользоваться мегафоном, чтобы принесли еще. Скиннер забеспокоился о том, что я разбужу туземцев через бухту, но я заверил его, что они уже привыкли.

– Они обожают мегафон, – объяснил я. – Особенно, дети. Время от времени я даю одному из них в него гаркнуть.

– Ну и тупо, – промямлил Скиннер. – Держись подальше от детей. За три копейки продадут. Мегафон! Да ты что, совсем ебнулся? Местные и без того нервные. Если они решат, что с тобой что-то не так, тебе кранты.

– Но я его при этом не включаю, – сказал я, показывая ему кнопку "вкл., выкл." рядом с намотанной на рукоятку изолентой. – Сукины дети могут орать в него до потери пульса и все равно не извлекут ни звука. Но когда я берусь за дело, он звучит ВОТ ТАК.

Ужасный визг напололам с хрипом заполнил окрестности перекатами и искаженным низкочастотным грохотом, когда я крутанул ручку громкости до всех 10 ватт и направил мегафон на дверь лесничества в пальмовых джунглях. Звук был невыносимым. Скиннер вскочил на ноги и бросился успокаивать девиц, которые забились в истерике... Но я их уже не слышал; их голоса стерло. А потом, как гром следует за молнией, раздался странный трещащий рык моего голоса, произносящего предельно спокойно и вежливо:

– АЛОХА! КУБИКИ ЛЬДА, МАХАЛО.

А потом словно эхо с Земли По:

– КУБИКИ ЛЬДА, МАХАЛО, ДА, КУБИКИ... КУБИКИ ЛЬДА... МАХАЛО... КУБИКИ ЛЬДА... КУБИКИ ЛЬДА... МАХАЛО.

Вопль обратного питания просыпался и затихал вместе с моими словами, как дикая элетронная музыка, ревевшая в бухточке, как голос монстра, вышедшего из морских глубин с дизельной мясорубкой и потусторонним голосом.

– КУБИКИ ЛЬДА! В ХЕЯУ! МАХАЛО.

Я выдал последнюю канонаду восточной тарабарщины и отложил мегафон, когда в проеме вырос Скиннер с глазами с бейсбольные мячи.

– Ты, двинутый ублюдок! – кричал он. – Теперь нам отсюда точно не выбраться!

Он схватил свой брезентовый мешок с пола и принялся неистово швырять в него вещи.

– Утомонись, – сказал я, – лед уже в пути.

Он меня проигнорировал.

– На хуй лед, – буркнул Скиннер, – я уезжаю.

– Что? – спросил я, еще не вполне осознавая, насколько он обезумел. Он ползал по полу, как бешеный зверь в период течки.

Потом встал и замахал передо мной острой палкой.

– Отъебись, мудило! – кричал он. – Тебя ждет тюрьма Хило! Ты невменяем, мужик! Ты хочешь, чтобы нас всех повязали!

Он опять затряс передо мной своей палкой так, словно изгонял демона.

– Но только не меня, ты, ублюдок! Я валю отсюда! Не хочу даже видеть эти чертовы острова! А тебя тем паче! Боже, да ты хуже, чем чокнутый. Ты тупой!

– И что с того? Здесь это неважно.

Он посмотрел на меня с секунду и прикурил сигарету.

Я откупорил новую бутылку скотча и выскреб остатки льда из морозильной камеры.

– У нас будет еще через минуту, – сказал я.

И не соврал. Полночный рейнджер – возможно, мой друг Митч Камахили – уже продирался через проход между пальмами с мусорным мешком, полным кубиков льда.

Спустя миг я увижу луч его фонарика, мечущегося по бухте и посигналю ему лучом своего... а потом аккуратно дойду по камням до дряхлой каное рядом с главной хижиной, где, я знаю, он оставит мешок... здесь же я оставлю свой, оставшийся после последней доставки и уже заполненный пустыми пивными бутылками, пачками от сигарет, севшими батареями и скомканными клочками голубой машинописной бумаги.

Такова была наша еженощная практика, и рейнджерам она, похоже, нравилась. Все, о чем меня попросили – держаться в сторонке днем, когда здесь валандаются туристы. Это явилось бы грубым нарушением основного правила.

Серьезность ситуации мне растолковал Митч, юный рейнджер, обычно работавший в ночную смену. В какие-то ночи – когда он знал, что у меня нет посетителей – он приносил мне лед прямо в хижину, и мы сидели, обсуждая то, что происходит. Или НЕ происходит, как он тщательно мне разжевывал.

– Тебя здесь НЕТ, – объяснял он мне. – Эта хижина – табу. Здесь никому находиться нельзя.

Я внимательно слушал, осознавая, что он куда ненормальней, чем я. Ночь за ночью я имел дело с лесничим государственного заповедника США, который не сомневался, что любая акула в бухте может быть его дядей... в иной его ипостаси, разумеется, но все-таки родственником.

Бывали ночи, когда мы сидели у кромки моря, попивая из бокалов односолодовый виски со льдом и деля друг с другом трубку с местной дурью, а он мог внезапно встать и сказать:

– Увидимся, командир. Пойду потусуюсь дома.

Когда на него находило подобное настроение, Митч скручивал большую зеленую сигарету и удалялся, чтобы посидеть в одиночестве. Какое-то время я видел удаляющийся огонек окурка, а потом слышал всплеск, когда он перебирался на ту сторону, оставляя меня пьяного высиживать яйца в слабом мерцании фонаря-молнии. И я горбился над камнями, как брошенная обезьяна. За бортом.

А Митч выходил в море, выдувая воздух, как дельфин. И по мере того, как он скользил прочь от скал в открытый океан, он таял в нем с атавистической грацией примата, который, наконец, определился, где ему хорошо.

* * *

Песнь Ваахии

Кинжал протяжный незнакомца,
 Что прибыл к нам из-за морей,
 Чьи очи светятся, как солнце,
 Чей лик белесого белей.
 О, длинный нож, подарок Лоно;
 Сверкай, мерцай и полыхай!
 Края твои острее камня,
 Булыжника Хуалалай;
 Копье сломается, коснувшись,
 А воин, увидав, умрет!
 Где острый ножик чужеземца?
 Подарок Лоно кто найдет?
 Кинжал в Вайлуку был утерян,
 В Лахайна видели его.
 Он значимей вождя любого,
 Найдешь – ты мира вождь всего.
 Мауи луг твой не отравят,
 Гавайи сеть не изорвут;
 Кауаи лодку не угонят.
 Вожди Оаху не убьют.
 К ногам склонится Молокаи.
 О, длинный ножик чужака,
 Клинок блестящий бога Лоно!
 Чья обрела тебя рука?
 Ты ль странствуешь в заморских землях?
 В пучине ли ты в эти дни?
 А, может, скрылся в звездных дебрях?
 Иль спрятан в потрохах свиньи?
 Ответит ли нам голос Ану?
 Откроют правду ли жрецы?
 О, острый нож, нож бога Лоно,
 Утерян ты, утерян ты!

* * *

Песнь Ваахии, прославленной прорицательницы

Ваахиа жила в 13 веке от Рождества Христова. Хотя и считается, что Ваахиа происходит из рода вождей, кто ее родители, точно неизвестно. После почти постоянных подтверждений ее пророчеств народ начал бояться и взбунтовался против нее, не только как любимицы Юли, бога колдунов, но и как медиума, через которого общались юнипихили, духи мертвых. Она жила в уединении в удаленной хижине в долине Вайпио, и, говорят, что большая пуко – священная, почитаемая сова – прилетала по ночам и садилась на крышу ее одинокого жилища.

Его Величество Король Кала-Кауа «Легенды и Мифы Гавайев» (1881)